

ISSN 0132-5159

**ПОВОЛЖСКИЙ
КРАЙ**

Выпуск 13

Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского
Институт истории и международных отношений

ПОВОЛЖСКИЙ КРАЙ

Межвузовский сборник научных трудов

Основан в 1972 году

ВЫПУСК 13

Издательство Саратовского университета
2010

УДК [9+930.26](470.44)(082)
ББК 63.3(235.54)я43+63ю4(235ю54)я43
П42

Поволжский край: Межвуз. сб. науч. тр. — Саратов: Изд-во Саратов.
П42 ун-та, 2010.—Вып. 13. — 200 с.: ил.

Сборник, посвященный 100-летию Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, содержит статьи и сообщения по широкому кругу вопросов истории Поволжья. В нем также публикуются материалы по археологии и документальные находки.

Для научных работников, аспирантов, учителей школ, гимназий и лицеев, студентов гуманитарных факультетов и институтов, всех интересующихся историей края.

Редакционная коллегия:

*М. В. Булычев (отв. секретарь), А. А. Гуменюк,
В. Н. Данилов (отв. редактор), А. А. Герман,
П. С. Кабытов, Н. М. Малов, А. С. Скрипкин*

УДК [9+930.26](470.44)(082)
ББК 63.3(235.54)я43+63ю4(235ю54)я43

ISSN 0132-5159

© Саратовский государственный
университет, 2010

Ю. Ю. Каргин

РОЛЬ АКАДЕМИЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ В АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ (1945–1991 годы)

В настоящее время археологи все больше внимания уделяют обобщению накопленных материалов, важное место отводится истории исследований¹. Изучение опыта региональных археологических центров неразрывно связано с деятельностью академических учреждений, сыгравших важную роль в их становлении и развитии. До Великой Отечественной войны в СССР сформировалась централизованная схема управления археологическим наследием². Координацию усилий научных учреждений с 1937 г. осуществлял Институт истории материальной культуры АН СССР. Однако репрессии 1930-х гг. нанесли тяжелый удар по региональным научным центрам и краеведческим организациям. Так, в 1945 г. в Нижнем Поволжье остался только Саратовский центр, в рамках которого И. В. Сеницын объединил усилия Саратовского университета и Саратовского областного музея краеведения. При такой организации археологической науки исследования гигантской территории СССР не могли быть обеспечены ни ресурсами, ни специалистами в должной степени.

В послевоенный период в Нижнем Поволжье развернулось строительство крупных гидроузлов. Сооружение плотин ГЭС на Дону и Волге сопровождалось возникновением гигантских водохранилищ, масштабные работы велись по трассе канала Волга–Урал и при переносе деревень из зоны затопления, поэтому особенно остро стоял вопрос о спасении археологических памятников. Археологиче-

¹ См.: Сорокина И. А. Полевая деятельность Отдела охранных раскопок // 30 лет Отделу охранных раскопок: Труды отдела охранных раскопок. Тула, 2004. Т. 2; Она же. Полевые археологические исследования в России в 1946–2006 гг. (по архивным материалам и публикациям). Тула, 2008 и др.

² См.: Смирнов А. С. История Отдела охранных раскопок и его роль в фундаментальных исследованиях // 30 лет Отделу охранных раскопок: Труды отдела охранных раскопок. Тула, 2004. Т. 2. С. 10–11.

ские работы на «великих стройках» в то время начинались с заключения договоров между ИИМК АН СССР и НКВД (МВД)³, который до 1953 г. был крупнейшим строительным ведомством, посредством главков осуществлявшим управление исправительно-трудовыми лагерями и колониями⁴. Затем по инициативе Л. П. Берия, из-за несовершенства и убыточности данной системы все строительные и промышленные предприятия были переданы из МВД в ведение хозяйственных министерств⁵.

Для работы в зоне затопления Цимлянского и Сталинградского водохранилищ были сформированы две крупные археологические экспедиции, возглавляемые ИИМК АН СССР: Волго-Донская и Сталинградская. Материалы их исследований введены в научный оборот и широко известны⁶. Волго-Донская экспедиция ИИМК АН СССР (1949–1951 гг.) в течение трех сезонов проводила исследования в зоне затопления Цимлянского водохранилища. Значительные материальные средства, выделенные Главным управлением Волгодонстроя, позволили организовать в рамках экспедиции специальный разведывательный отряд, которым руководил Иван Иванович Ляпушкин. Впервые за историю отечественной археологии была детально обследована вся зона предполагаемого затопления в Сталинградской и Ростовской областях⁷. Помимо этого И. И. Ляпушкин провел раскопки поселения салтово-маяцкой культуры, кургана раннего железного века у хутора Карнаухов Цимлянского района Ростовской области, а также сал-

³ См.: Смирнов А. С. Указ. соч. С. 12–13.

⁴ См.: Эртыц С. Лагерная система в 1930-е – 1950-е гг.: эволюция структуры и принципов управления // ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. М., 2005. С. 120–121.

⁵ См.: Хлевнюк О. В. Экономика ОГПУ-НКВД-МВД СССР в 1930–1953 гг.: масштабы, структура, тенденции развития // ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. М., 2005. С. 75–76.

⁶ См.: МИА СССР. № 62. Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. I. М., 1958; МИА СССР. № 60. Древности Нижнего Поволжья (Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции). Т. I. М., 1959; МИА СССР. № 75. Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. II. М., 1959; Синицын И. В. Итоги археологического изучения древней истории Нижнего Поволжья // Ученые записки СГУ. 1959. Т. 68; МИА СССР. № 78. Древности Нижнего Поволжья (Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции). Т. II. М., 1960; Мерперт Н. Я., Смирнов К. Ф. Археологические работы в зоне строительства Сталинградской ГЭС (К итогам работ экспедиции 1951–1957 гг.) // КСИА. 1961. № 84; Археологические экспедиции Государственной академии истории материальной культуры и Института археологии Академии наук СССР 1919–1956 гг. Указатель. М., 1962; МИА СССР. № 109. Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. III. М., 1963.

⁷ См.: Ляпушкин И. И. Из полевых изысканий разведочного отряда Волго-Донской экспедиции 1950 г. // КСИИМК. 1953. № 50; Он же. Археологические памятники зоны затопления Цимлянского водохранилища (по материалам Разведочного отряда Волго-Донской археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1950–1951 гг.) // МИА СССР. № 62. С. 262.

товского поселения у станицы Суворовская Чернышковского района Сталинградской области⁸. Огромное количество памятников в зоне затопления и ограниченность сроков работ заставили совершенствовать методику полевых исследований: впервые в археологической практике широко использовалась землеройная техника⁹. Между тем было исследовано всего несколько наиболее ярких в научном отношении поселений и курганов. В их числе — городище Саркел (Белая Вежа), а также курганные группы Саркел, Красный Яр, Новосолёный и поселение у хутора Попов в Ростовской области¹⁰. Все работы экспедиции велись по открытому листу начальника экспедиции Михаила Илларионовича Артамонова (1898–1972) под руководством А. Д. Столяра, А. А. Иессена, М. П. Грязнова, А. Л. Якобсона, О. А. Артамоновой и С. А. Плетневой¹¹. В Калачевском районе Сталинградской области у хутора Ляпичев велись раскопки срубного поселения под руководством М. П. Грязнова¹². Волго-Донская экспедиция была стационарной, помимо студентов ЛГУ привлекался труд заключенных, который оплачивался за счет средств по хозяйственному договору.

Организация Сталинградской экспедиции ИИМК АН СССР (1951–1955 гг., 1957 г.) во многом отличалась от Волго-Донской. В ее работах труд заключенных уже не применялся, участвовали научные сотрудники, аспиранты и студенты ИИМК АН СССР, Института этнографии АН СССР, МГУ, ЛГУ, СГУ, ВорГПУ, Государственного Эрмитажа, ГИМ, Ленинградского художественного института, СОМК¹³. В рамках экспедиции в общей сложности работало пять отрядов, один из которых — Заволжский отряд во главе с И. В. Синицыным — был сформирован при поддержке А. В. Арциховского на базе Саратовского научного центра¹⁴. С 1951 по 1955 г. и в 1957 г. экспедицией были вы-

⁸ См.: Архив ИА РАН, ф. Р-1, № 429; Ляпушкин И. И. Из полевых изысканий разведочного отряда Волго-Донской экспедиции 1950 г. С. 127–136.

⁹ См.: Столяр А. Д. Опыт применения землеройно-транспортных машин при полевых работах Волго-Донской экспедиции ИИМК АН СССР в 1950–1951 гг. // КСИИМК. 1953. № 50. С. 158.

¹⁰ См.: Архив ИА РАН, ф. Р-1, № 301, 301 а; Артамонова О. А. Могильник Саркела — Белой Вежи // МИА СССР. № 109; Иессен А. А. Раскопки курганов на Дону в 1951 г. // КСИИМК. 1954. № 53; Плетнева С. А. Кочевнический могильник близ Саркела — Белой Вежи // МИА СССР. № 109.

¹¹ См.: Артамонов М. И. Предисловие // МИА СССР. № 62. С. 5–6.

¹² См.: Грязнов М. П. Землянки бронзового века близ хутора Ляпичева на Дону (из работ в зоне строительства Волго-Донского канала) // КСИИМК. 1953. № 50.

¹³ См.: Крупнов Е. И. Предисловие // МИА СССР. № 60. С. 6.

¹⁴ См.: Максимов Е. К., Малов Н. М. Профессор Иван Васильевич Синицын — археолог XX в. // Взаимодействие и развитие культур южного пограничья Европы и Азии: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения И. В. Синицына. Саратов: Энгельс, 2000. С. 12–13.

полнены колоссальные объемы работ: исследовано около десяти поселений и 465 курганов, в которых вскрыто более 1600 разновременных погребений от эпохи энеолита до позднего средневековья¹⁵. Курганы раскапывались преимущественно вручную и лишь в исключительных случаях использовались землеройные машины. Каждый руководитель отряда имел свой собственный открытый лист. Всестороннюю помощь экспедиции оказывали партийные, советские, хозяйственные организации и руководство Сталинградгидростроя, по хоздоговору с которым и велись исследования. Отрядам помогали Пролейский горсовет, Рахинский сельсовет и учителя Рахинской средней школы, дирекция Музея обороны Царицына—Сталинграда и многие другие¹⁶. Руководителем экспедиции в 1951—1954 гг. был Евгений Игнатьевич Крушов (1904—1970), в 1955 г. — Константин Федорович Смирнов (1917—1980), а в 1957 г. ее возглавил бывший начальник Куйбышевской новостроечной экспедиции Николай Яковлевич Мерперт (родился в 1923 г.).

Сталинградский палеолитический отряд под руководством старшего научного сотрудника Института этнографии АН СССР Сергея Николаевича Замятина (1899—1958) в 1951 г., 1952 г. и 1954 г. исследовал первую известную на тот момент в Нижнем Поволжье верхнепалеолитическую стоянку Сухая Мечетка (Сталинградская стоянка) под Сталинградом¹⁷. За указанное время было вскрыто около 600 квадратных метров¹⁸. В дальнейшем стоянка была внесена в реестр памятников республиканского значения, а вокруг нее установлена охранный зона.

Первый нижеволжский отряд под руководством старшего научного сотрудника ИИМК АН СССР К. Ф. Смирнова в 1953—1955 гг. исследовал курганные группы Иловатка (южная и северо-восточная группы), Политотдельское, Быково-I и Быково-II в Старополтавском, Николаевском и Быковском районах Волгоградской области. В раскопках приняли участие А.И. Мартынов (в будущем — автор учебника по археологии), В. А. Тихомирова, М. Г. Мошкова, И. П. Берхин, Л. К. Галанина, Х. Дуке, М. П. Абрамова, а также студенты истфака Московского областного пединститута¹⁹. За это время раскопано 60 курганов²⁰. В 1957 г. работы здесь продолжил Быковский отряд под руководством Н. Я. Мерперта и В. П. Шилова, который докопал курганные группы

¹⁵ См.: Крушов Е. И. Указ. соч. С. 6.

¹⁶ Там же. С. 10.

¹⁷ См.: Архив ИА РАН, ф. Р-1, № 715, 716, 1054; Замятин С. Н. Сталинградская палеолитическая стоянка // КСИА. 1961. № 82.

¹⁸ См.: Крушов Е. И. Указ. соч. С. 7.

¹⁹ См.: Смирнов К. Ф. «Быковские курганы» // МИА СССР. № 78.

²⁰ См.: Архив ИА РАН, ф. Р-1, № 795, 977, 1191.

Быково-I и Быково-II, а также исследовал курганные могильники Степана Разина и Нижнее Водяное — в общей сложности 14 курганов²¹. В составе отряда работали известные в будущем исследователи А. М. Мандельштам, Л. Я. Маловицкая и Н. К. Качалова. Материалы раскопок были сданы в Музей МГУ²².

Второй нижеволжский отряд (с 1953 г. — калиновский отряд) под руководством сотрудника ЛОИИМК АН СССР, кандидата исторических наук В. П. Шилова в 1952—1954 гг. проводил разведки и раскопки курганов в береговой полосе Волги в Быковском и Среднеахтубинском районах. В курганных группах Калиновка, Новоникольское-I, Новоникольское-II и Быково-I раскопано 60 курганов²³. В составе отряда работали известные в будущем исследователи И. С. Каменецкий, Л. Я. Маловицкая и другие сотрудники научных учреждений Ленинграда. Материалы раскопок сданы в ВОКМ.

В 1955 г. в рамках Сталинградской экспедиции ИИМК АН СССР в районе рабочего поселка Быково работал отряд ГИМ под руководством Т. Б. Поповой и Н. В. Трубниковой. В течение полевого сезона были частично раскопаны поселения Быково-I и Быково-II в береговой полосе Волги, на которых исследованы три постройки срубной культуры. Также были проведены раскопки срубного грунтового могильника Быково-III²⁴. Все материалы сданы в ГИМ.

Таким образом, новостроечные экспедиции ИИМК АН СССР в зонах затопления водохранилищ внесли весомый вклад в археологическое изучение Нижнего Поволжья, публикации результатов их работ до настоящего времени являются основным источником по древней истории региона. Важным итогом стало спасение от разрушения огромного массива археологических материалов. Однако в дальнейшем в зоне планируемого затопления Саратовской ГЭС работы по спасению археологического наследия столичными специалистами не были инициированы, что привело к разрушению огромного количества памятников.

Важное место в археологическом изучении Нижнего Поволжья занимают исследования Валентина Павловича Шилова (1917—1995)²⁵. Организованная им в 1956 г. Астраханская экспедиция ЛОИИМК (с 1958 г. — ЛОИА)

²¹ См.: Там же. № 1972, 1972 а.

²² См.: Мерперт Н. Я. Раскопки в Нижнем Поволжье // Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР. Киев, 1967.

²³ См.: Архив ИА РАН, ф. Р-1, № 701, 832, 833, 1300, 1300 а; Шилов В. П. Раскопки Калиновского курганного могильника // КСИИМК. 1955. № 59; Он же. Калиновский курганный могильник // МИА СССР. № 60.

²⁴ См.: Архив ИА РАН, ф. Р-1, № 1128, 1128 а.

²⁵ См.: Памяти Валентина Павловича Шилова // РА. 1996. № 3; Скрипкин А. С. В. П. Шилов — исследователь древней истории Нижнего Поволжья // НАВ. Волгоград, 1998. Вып. 1.

АН СССР работала в треугольнике между Волгоградом, Ростовом-на-Дону и Астраханью вплоть до 1969 г. Получив большой опыт в Сталинградской экспедиции, ленинградский археолог выполнил колоссальный объем работы. Раскопки носили исключительно научный характер: В. П. Шилов специально искал те археологические памятники, которые, на его взгляд, могли подтвердить или опровергнуть выдвигаемые и дискутируемые в науке гипотезы, что указывалось во вводной части отчетов. Совместно с ним в исследованиях принимали участие сотрудники ЛОИИМК АН СССР Альберт Николаевич Мелентьев, библиотеки Академии художеств — Лия Яковлевна Маловицкая, и Государственного Эрмитажа — Ирина Петровна Засецкая. На базе Астраханской экспедиции были подготовлены квалифицированные специалисты, стоявшие у основ Волгоградского (В. И. Мамонтов, А. С. Скрипкин, И. П. Лисицын, С. Н. Чернышев, В. Г. Кожевников) и Астраханского (Е. В. Шнайндштейн) региональных археологических центров.

В Волгоградской области с 1956 г. по 1969 г. ленинградскими археологами раскапывались курганные могильники Ленинск-I, Верхнее Погромное, Средняя Ахтуба, Заплавное, 15-й поселок, Сидоры, «Королева могила», Арчединская, Кременская-I и Кременская-II, Цаца, Жутово, Аксенов, поселение Новоникольское — в общей сложности более 180 курганов²⁶. С 1960 г. по 1965 г. в Астраханской области экспедиция провела инициативные раскопки курганных могильников Старица, Кузин, Сазонкин бугор, Капитанский хутор, Никольское в Чер-

²⁶ См.: Архив ИА РАН, ф. Р-1, № 1314, 1563, 1564, 1850, 1850 а, 1976, 1976 а, 2380, 2380 а, 2728, 2728 а, 2728 б, 2750, 2750 а, 3156, 3156 а, 3429, 3429 а, 3429 б, 4625, 4625 а; НА ВОКМ, оп. 1, дд. 5, 9; Шилов В. П. Погребение литейщика катакомбной культуры в Нижнем Поволжье // КСИА. 1966. № 106; Мамонтов В. И. Курган эпохи бронзы у села Цаца близ Волгограда // СА. 1967. № 1; Ким И. А. Средневековые погребения Жутовского курганного могильника // ДВДС. Волгоград, 1994. Вып. 4; Шилов В. П., Очир-Горяева М. А. Курганы скифской эпохи из могильников Аксеновский-I-II // Материалы и исследования по археологии России. № 1. Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы М., 1997; Хабарова Н. В. Два поясных набора из Заволжья // ДВДС. Волгоград, 1998. Вып. 6; Мордвинцева В. И. Набор фаларов из кургана 28 могильник Жутово Волгоградской области // НАВ. Волгоград, 1999. Вып. 2; Она же. Набор серебряной посуды из сарматского могильника Жутово // РА. 2000. № 1; Астафьева Н. Н. Сарматское погребение Жутовского могильника Волгоградской области // НАВ. Волгоград, 2003. Вып. 6; Белицкий А. В. Погребение IV века до нашей эры из Жутовского могильника // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Волгоград, 2004. Вып. 2; Сергацков И. В. Бронзовый котел и Жутовского могильника в Волгоградской области // РА. 2004. № 1; Кияшко А. В., Хабарова Н. В. Энеолит и культуры бронзового века Волго-Донских степей. По материалам археологических фондов Волгоградского областного краеведческого музея: Каталог. Волгоград, 2007.

ноярском и Енотаевском районах — всего 170 курганов²⁷. В Малодербетовском районе Калмыкии в 1962 г. раскопано 12 курганов в могильниках Балхин-II и Хохлацкий²⁸. Отдельная группа под руководством Геннадия Павловича Григорьева, а затем Палеолитический отряд Николая Дмитриевича Праслова в рамках экспедиции проводили поиск и исследование памятников палеолита в 1962, 1965, 1966 и 1969 гг.²⁹.

В. П. Шилов, будучи талантливым организатором, в относительно короткие сроки обеспечил Волгоград молодыми специалистами-археологами. Уже с 1964 г. в области самостоятельные исследования начал проводить Приволжский отряд Астраханской (с 1970 г. — Волго-Донской) экспедиции ЛОИА АН СССР под руководством В. И. Мамонтова³⁰. Это название отряд сохранял до начала 1990-х гг.

В 1966 г. впервые в истории астраханской археологии первый отряд Астраханской экспедиции ЛОИА АН СССР под руководством Анатолия Максимилиановича Мандельштама, В. П. Шилова и В. А. Филипченко провел хозяйственные новостроечные исследования на городище «Шареный бугор» в Наримановском районе³¹. В течение 1967–1969 гг., в связи с намеченной Сектором

²⁷ См.: Архив ИА РАН, ф. Р-1, № 2155, 2155 а, 2380, 2380 а, 2750, 2750 а, 2778, 2778 а, 2778 б, 3156, 3156 а, 3429, 3429 а, 3429 б; Скрипкин А. С. Савроматское погребение с золотым комплексом из могильника Сазонкин бугор Астраханской области // X Всесоюзная студенческая конференция: Сб. тез. докл. М., 1964; Он же. Савроматские погребения из курганного могильника у хутора Капитанского Астраханской области // XI Всесоюзная студенческая конференция: Сб. тез. докл. М., 1965; Берхин-Засецкая И. П., Маловицкая Л. Я. Богатое савроматское погребение в Астраханской области // СА. 1965. № 3; Засецкая И. П. Савроматские и сарматские погребения Никольского могильника в Нижнем Поволжье // Труды Государственного Эрмитажа. Л., 1979. Вып. 20; Шилов В. П. Бронзовая патера из Астраханской области // СА. 1974. № 1; Скрипкин А. С. Позднесарматское катакомбное погребение из Черноярского района Астраханской области // КСИА. 1974. № 140.

²⁸ См.: Шилов В. П. Проблема освоения открытых степей Калмыкии от эпохи бронзы до средневековья // Памятники Калмыкии каменного и бронзового веков. Элиста, 1982; Он же. Курган шестого урочища Балхин-Будук и проблема хронологии начала средней бронзы Калмыкии // СА. 1985. № 2; Цуцкин Е. В. Археологические исследования Калмыкии // Древности Калмыкии. Элиста, 1985.

²⁹ См.: Архив ИА РАН, ф. Р-1, № 6672; Праслов Н. Д. Поиски палеолита в Волго-Донском междуречье // Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. 1967. № 37; Он же. Памятники каменного века Южных Ергеней // КСИА. 1971. № 126; Ремизов С. О. Палеолит Волгоградской области: история исследования, условия залегания памятников и перспективы их поиска // НАВ. Волгоград, 2001. Вып. 4.

³⁰ См.: Скрипкин А. С. Очерк по истории волгоградской археологии. Начало // ДВДС. Волгоград, 1994. Вып. 4.

³¹ См.: Архив ИА РАН, ф. Р-1, № 3358, 3358 а; Недашковский Л. Ф. История изучения городища Шареный Бугор и памятников его округа // Проблемы археологии Нижнего

Средней Азии и Кавказа ИА АН СССР многолетней тематикой исследований по проблемам культур со скотоводческой основой хозяйства степного пояса Евразии, Прикаспийский отряд Астраханской экспедиции ЛОИА АН СССР под руководством А. Н. Мелентьева провел масштабные разведки в дельте Волги, Северном Прикаспии и Волго-Уральском междуречье. С 1957 г. по 1963 г. поиски хазарской столицы Итиль в дельте Волги осуществляла небольшой отряд Государственного Эрмитажа под руководством В. Д. Белецкого, И. Эрдейна и Л. Н. Гумилева, который исследовал также поселение и грунтовый могильник на бугре Степана Разина³².

Важную роль в подготовке местных специалистов в Волгограде и Астрахани сыграл Ахтубинский отряд ПАЭ ИА АН СССР и МГУ во главе с Германом Алексеевичем Федоровым-Давыдовым (1931–2000), занимавшийся изучением золотоордынских памятников на территории Нижнего Поволжья. С 1958 г. по 1972 г. общее руководство экспедицией осуществлял Алексей Петрович Смирнов, с 1973 г. по 1981 г. — Г. А. Федоров-Давыдов. С 1982 г. по 2004 г. ее возглавлял Владимир Васильевич Дворниченко (1941–2004). Истории ПАЭ ИА АН СССР посвящено множество изданий³³. В разное время в экспедиции работали отряды под руководством В. В. Дворниченко, Н. М. и Р. М. Булатовых, А. Г. Мухамадиева, И. С. Вайнера, В. Л. Егорова, Т. В. Гусевой, Э. Д. Зиливинской, Ю. А. Зеленева и Т. Ю. Гречкиной. В Волгоградской области с 1958 г. и до середины 1960-х гг. основным объектом было Ца-

---

Поволжья: II Междунар. Нижневолж. археол. конф., г. Волгоград, 12–15 ноября 2007 г. Тез. докл. Волгоград, 2007.

³² См.: Архив ИА РАН, ф. Р-1, № 2012, 2326, 2536, 2575, 2784, 2784 а; Мелентьев А. Н. Погребения эпохи бронзы в Задонье // КСИА. 1969. № 115; Он же. Новые погребения эпохи бронзы в Волго-Уральском междуречье // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1976; Александров А. А. и др. Памяти Василия Дмитриевича Белецкого (1919–1997) / Александров А. А., Белецкий С. В., Кириличников А. Н., Лебедев Г. С., Лесман Ю. М., Овсянников О. В., Плетнева С. А., Плоткин К. М. // РА. 1998. № 1.

³³ См.: Федоров-Давыдов Г. А. Четверть века изучения средневековых городов Нижнего Поволжья // СА. 1984. № 3; Он же. Золотоордынские города Поволжья. М., 1994; Дворниченко В. В., Егоров В. А., Зеленева Ю. А. Поволжская археологическая экспедиция. История создания, организация и основные итоги исследования // Поволжье и сопредельные территории в средние века. М., 2002. Вып. 135; Ильина О. А. Основные этапы изучения средневековых городов Нижнего Поволжья // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: I Междунар. Нижневолж. археол. конф., г. Волгоград, 1–5 ноября 2004 г.: Тез. докл. Волгоград, 2004; Золотая Орда: история и культура (каталог выставки). СПб., 2005; Блохин В. Г., Яворская А. В. Археология золотоордынских городов Нижнего Поволжья: Учеб. пособие. Волгоград, 2006; Зиливинская Э. Д. Усадьбы золотоордынских городов. Астрахань, 2008.

ревское городище (Новый Сарай) в Ленинском районе³⁴, а с 1967 г. по 1975 г. — Водянское городище (Сарай Бату) севернее р.п. Дубовка³⁵. Кроме того, исследован ряд объектов золотоордынского времени между селами Зубовка и Бахтяровка, в числе которых курганная группа Царев-II³⁶. С 1965 г. начались исследования на Селитренном городище (Сарай) в Харабалинском районе Астраханской области³⁷. В 1965 г. и 1966 г. разведки на моторной лодке по реке Хопру в Волгоградской и Саратовской областях осуществлял Хоперский отряд Валерия Ивановича Гуляева, сформированный в рамках Лесостепной скифской экспедиции ИА АН СССР и Государственного Эрмитажа под руководством Петра Дмитриевича Либерова (1904–1983 гг.)³⁸.

В конце 1960-х гг. в Нижнем Поволжье стала реализовываться программа мелиоративного строительства, что предполагало хозяйственное освоение обширных степных территорий Заволжья и Волго-Донского междуречья. ИА АН СССР заключил ряд договоров со строительными организациями на проведение археологических исследований в зонах будущего орошения и нивелировки полей. Это сделало возможным изучение компактных групп памятников в отдельных микрорегионах. Для выполнения столь масштабных задач в 1972 г. в составе Отдела археологической службы Института археологии АН СССР был

³⁴ См.: Архив ИА РАН, ф. Р-1, № 1715, 1715 а, 1934, 2123, 2123 а, 2123 б, 2331, 2331 а, 2332, 2540, 2540 а, 2540 б, 2540 в, 2699, 2699 а, 2885, 3130, 3131, 3289; Федоров-Давыдов Г. А. Раскопки Нового Сарая в 1959–1962 гг. // СА. 1964. № 1; Он же. Новый Сарай по раскопкам в 1963–1964 гг. // СА. 1966. № 2; Он же, Вайнер И. С., Мухамадиев А. Г. Археологические исследования Царевского городища (Новый Сарай) в 1959–1966 гг. // Поволжье в средние века. М., 1970; Егоров В. А. Жилища Нового Сарая (по материалам исследований 1959–1965 гг.) // Поволжье в средние века. М., 1970.

³⁵ См.: Архив ИА РАН, ф. Р-1, № 3533, 3534, 3908, 4153, 4452, 5316, 5316 а; Плубояринова М. Д. Археологические исследования Водянского городища в 1967–1971 гг. // Города Поволжья в средние века. М., 1974; Егоров В. Д., Ильина О. А. История исследования Водянского городища // НАВ. Волгоград, 2003. Вып. 6.

³⁶ См.: Архив ИА РАН, ф. Р-1, № 2540, 2540 а, 2540 б, 2540 в.

³⁷ См.: Архив ИА РАН, ф. Р-1, № 3131, 3289, 3372, 3533, 3909, 3909 а, 4153, 4165, 4572, 5846, 5846 а, 5846 б, 6168, 6687, 6687 а, 6687 б, 6687 в, 8263, 8263 а, 8263 б, 8266, 8266 а, 8266 б, 8269, 8269 а, 9275, 9275 а, 9677, 9677 а, 9677 б, 9792, 9792 а, 9792 б, 10766, 10766 а, 10880, 10880 а, 11755, 11755 а, 11755 б, 11755 в, 13666, 13770, 13771, 14651, 14652, 14715, 14716, 14632, 14633, 15158, 15159, 16667, 16668, 16935, 18366, 18367, 18385, 18414, 18415, 19137, 19138, 20048, 20049, 22213, 22214, 23409, 22410, 22136, 22138, 24265; Рудаков В. Г. История изучения Селитренного городища // РА. 2000. № 2; Он же. Селитренное городище: история изучения и перспективы исследования // Взаимодействие и развитие культур южного пограничья Европы и Азии: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения И. В. Силицына. Саратов; Энгельс, 2000.

³⁸ См.: Архив ИА РАН, ф. Р-1, № 3334, 3334 а.

образован сектор Новостроечных экспедиций³⁹, а в 1976 г. в ЛОИА АН СССР — группа новостроечных и хозяйственных экспедиций⁴⁰. Поскольку штата сотрудников в академических центрах было недостаточно, определяющее значение в деле сохранения археологического наследия приобрела подготовка специалистов в региональных научных центрах⁴¹.

В Астраханской области уже в 1969 г. Евгения Вульфовна Шнайдштейн по рекомендации В. П. Шилова и А. Н. Мелентьева получила открытый лист на хозяйственные раскопки нескольких памятников в зоне сооружения рисовых плантаций. Возглавляемый ею Нижневолжский отряд Астраханской экспедиции ЛОИА АН СССР исследовал в Наримановском районе два грунтовых золотоордынских могильника и поселение на бугре Хан-Тюбе, а также поселение Тумак-Тюбе. На этих же памятниках Константин Константинович Шилик провел геомагнитную разведку⁴². Однако в 1970 г., получив открытый лист на разведки в зоне сооружения Черноярской оросительной системы, Е. В. Шнайдштейн с серьезными нарушениями осуществила раскопки десяти курганов группы Барановка, в связи с чем на некоторое время прекратила полевые исследования. В 1976 г. при поддержке столичных археологов она защитила кандидатскую диссертацию на тему: «Археологические памятники поздних кочевников Нижнего Поволжья IX—XV вв. как источник по проблеме этногенеза астраханских татар»⁴³.

Поскольку Е. В. Шнайдштейн на тот момент была единственным астраханским археологом, в начале 1970-х гг. в местах сооружения оросительных систем, параллельно с раскопками Селитренного городища, развернулись работы ПАЭ ИА АН СССР. По предложению Г. А. Федорова-Давыдова, начальником новостроечного отряда ПАЭ, осуществляющего работы в зоне сооружения Черноярской, Никольской оросительных систем и КАРОС, стал В. В. Дворниченко. Именно в это время сформировалась современная методика раскопок степных курганов на снос, в сжатые сроки, с минимальными трудозатратами (при помощи землеройной техники) и без ущерба качеству научных результатов⁴⁴. С 1972 г. по 1981 г. на средства Астрахансовхозводстроя были выполнены колос-

³⁹ С 1984 г. сектор Новостроечных экспедиций был объединен с сектором археологических сводов в сектор охранных раскопок, который в 1988 г. получил статус отдела.

⁴⁰ См.: Смирнов А. С. Указ. соч. С. 14.

⁴¹ См.: Генинг В. Ф., Горишний П. А. Организация и опыт работ новостроечных экспедиций Института археологии АН СССР // Археологические исследования в зонах мелиорации: итоги и перспективы их интенсификации. Л., 1985. С. 9.

⁴² См.: Архив ИА РАН, ф. Р-1, № 3910, 3910 а.

⁴³ Васильев Д. В., Герасев П. В., Таркова Р. А. К юбилею Е. В. Шнайдштейн // НАВ. Волгоград, 2001. Вып. 4. С. 262.

⁴⁴ См.: Зеленов Ю. А., Яблонский Л. Т. Владимир Васильевич Дворниченко: ученый и человек // НАВ. Волгоград, 2005. Вып. 7. С. 9—10.

сальные объемы работ в компактном географическом микрорегионе: исследовано 35 курганных групп на протяжении 45 км участка вдоль сухого русла Кривой Луки, шесть курганных групп у села Никольское и доследована курганная группа у села Барановка — всего около 300 курганов⁴⁵. Помимо богатых разновременных археологических коллекций получены данные, связанные с циклическими колебаниями климата в Нижнем Поволжье, собраны огромные палеоантропологическая и археозоологическая коллекции⁴⁶. Между тем не все материалы были своевременно опубликованы. В работах отряда принимали участие известные специалисты — Г. А. Федоров-Давыдов, Н. Н. Бусятская, С. Н. Кореневский, Н. В. Малиновская, А. В. Куйбышев, А. С. Смирнов и Я. М. Паромов. С начала 1980-х гг. Е. В. Шнайдитейн, получившей звание доцента АГПИ, удалось включиться в проведение хозяйственных раскопок в зоне оросительных систем. С 1981 г. по 1985 г. на средства Астрахансовхозводстроя она провела раскопки компактной группы курганных могильников на участке Владимировской оросительной системы, напротив Черного Яра⁴⁷.

⁴⁵ См.: Архив ИА РАН, ф. Р-1, № 5315, 5315 а, 5315 б, 5315 в, 5250, 5250 а, 5250 б, 5250 в, 6719, 6719 а, 6719 б, 6719 в, 6719 г, 6686, 8254, 8255, 8256, 8397, 8397 а, 8397 б, 8538, 8538 а, 8538 б, 9905, 9905 а; *Дворниченко В. В., Малиновская Н. В., Федоров-Давыдов Г. А.* Раскопки курганов в урочище Кривая Лука в 1973 г. // Древности Астраханского края. Труды ПАЭ. Вып. 4. М., 1977; *Краснов Ю. А.* Работа сектора новостроечных и хозяйственных экспедиций Института археологии АН СССР в 1973–1977 гг. // КСИА. 1979. № 157; *Федоров-Давыдов Г. А.* Поаднесарматский биметаллический кинжал из Барановского могильника // СА. 1980. № 2; *Дворниченко В. В., Федоров-Давыдов Г. А.* Серебряные фалары из сарматского погребения Кривая Лука IX в Астраханской области // КСИА. 1981. № 168; *Дворниченко В. В.* Погребения предскифского времени на Нижней Волге // КСИА. 1982. № 170; *Он же.* Погребения с бронзовыми однолезвийными ножами в могильнике Кривая Лука XXXIV // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984; *Краснов Ю. А.* Работа сектора новостроечных и хозяйственных экспедиций Института археологии АН СССР в 1978–1981 гг. // КСИА. 1984. № 177; *Дворниченко В. В., Федоров-Давыдов Г. А.* Раскопки курганов в зоне строительства Каалмыцко-Астраханской и Никольской рисовых оросительных систем // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М., 1989; *Сергацков И. В.* Погребение сарматской знати у села Барановка // Хронология памятников Южного Урала. Уфа, 1992; *Дворниченко В. В., Плахов В. В., Очир-Горяева М. А.* Погребения ранних коченников из Нижнего Поволжья // РА. 1997. № 3; *Дворниченко В. В., Зиливинская Э. Д.* Средневековые погребальные сооружения из могильника Кривая Лука в Астраханской области // НАВ. Волгоград, 2005. Вып. 7.

⁴⁶ См.: *Зеленев Ю. А., Яблонский Л. Т.* Указ. соч. С. 10.

⁴⁷ См.: Архив ИА РАН, ф. Р-1, № 8813, 8813 а, 9109, 9109 а, 10341, 10341 а, 10756, 10756 а, 13444, 13445; *Васильев Д. В., Герасев П. В., Таркова Р. А.* К юбилею Е. В. Шнайдитейн // НАВ. Волгоград, 2001. Вып. 4; *Гречкина Т. Ю., Шнайдитейн Е. В.* Археология Астраханского края на рубеже тысячелетий // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий. Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Астрахань, 2001; *Шнайд-*

С 1970 г. В. П. Шилов, ставший заведующим ЛОИА АН СССР, сосредоточил основные работы своей экспедиции в Волго-Донском междуречье, преимущественно в низовьях Аксая, вследствие чего Астраханская экспедиция ЛОИА АН СССР была переименована в Волго-Донскую. В 1971 г. между ИА АН СССР и Гипроводхозстроем был заключен многолетний договор о раскопках в зоне сооружения Городищенской оросительной системы. По рекомендации В. П. Шилова Городищенский отряд Волго-Донской экспедиции ЛОИА АН СССР возглавил волгоградский археолог Анатолий Степанович Скрипкин, с которым работали студенты исторических факультетов ВГПИ, ЛГУ, а также чешские студенты и школьники. В 1975 г. в ИА АН СССР под руководством К. Ф. Смирнова он защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Позднесарматская культура Нижнего Поволжья». Получение средств по хозяйственному договору позволило А. С. Скрипкину закупить новое оборудование и организовать к этому времени лабораторию при НИС ВГПИ⁴⁸. Таким образом, столичные археологи активно способствовали образованию самостоятельного волгоградского археологического центра.

В 1971 г. в рамках Волго-Донской экспедиции ЛОИА АН СССР, помимо Приволжского (В. И. Мамонтов) и Городищенского (А. С. Скрипкин) отрядов, было еще две группы, которые осуществляли разведки в зонах строительства оросительных систем: палеолитический отряд под руководством Н. Д. Праслова и неолитический — под руководством Виктора Петровича Третьякова занимались соответственно поиском памятников эпохи палеолита и неолита⁴⁹. С 1972 г. в связи с занятостью А. С. Скрипкина Городищенский отряд возглавил его коллега И. П. Лисицын. С 1971 г. по 1976 г. в зоне Городищенской оросительной системы была исследована компактная группа памятников из 21 курганного могильника: Грачи, Ерзовка-I, II, III, IV и V, Россошки-I, II и III, Котлубань-I, II, III, IV, V, VI, VII и VIII, Варламов-I, Красный Пахарь, Водстрой, Самофаловка-I и II⁵⁰.

штейн Е. В. История археологических исследований в Астраханском крае // Тез. докл. итог. науч. конф. АГПУ. Астрахань, 2001.

⁴⁸ См.: Скрипкин А. С. Очерк по истории Волгоградской археологии (1970–1980 гг.) // ДВДС. Волгоград, 1995. Вып. 5. С. 107–109.

⁴⁹ См.: Архив ИА РАН, ф. Р-1, № 4613, 4613 а, 4622.

⁵⁰ См.: Архив ИА РАН, ф. Р-1, № 4482, 4482 а, 5450, 5450 а, 5665, 5665 а, 6205, 6205 а; Лисицын И. П. Погребение воина-писаря // ИКЗ. Волгоград, 1974. Вып. 2; Скрипкин А. С. Погребальный комплекс с уздечным набором из Котлубани и некоторые вопросы этнической истории сарматов // СА. 1989. № 4; Глухов А. А., Мамонтов В. И. Савромато-сарматские погребения из курганов в районе поселка Котлубань // Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье. Волгоград, 1999. Вып. 3; Кияшко А. В.,

Сам В. П. Шилов тем временем продолжал инициативные научные исследования. В работах его экспедиции приняли участие Л. Я. Маловицкая, Кирилл Серафимович Лагоцкий, геофизик К. К. Шилик. С 1970 г. по 1977 г. были исследованы курганные группы Верхнеблочный, Заливский, Новоаксайский, Дорофеев, «8 марта», Чиков — всего 120 курганов, а также грунтовый могильник Захаров. В течение нескольких сезонов изучался курган «Кирпичный бугор», в котором геофизическими методами при помощи К. К. Шилика В. П. Шилов пытался обнаружить подземную погребальную камеру⁵¹. К. С. Лагоцкий в 1974 г. и 1975 г. в составе экспедиции Е. В. Найдштейн проводил разведки в зоне строительства Черноярской оросительной системы в северных районах Калмыцкой АССР⁵².

В Волгоградской области в это время работало еще несколько академических экспедиций. В течение 1975—1976 г. в рамках Волгоградского отряда Степной неолитической экспедиции ИА АН УССР заведующий ВОКМ Владимир Ильич Еремин совместно с Дмитрием Яковлевичем Телегиным проводил поиски памятников неолита-энеолита в ряде районов, исследовал несколько неолитических стоянок, в числе которых Царица-1, Латошинка, Качалино, Орловка, Староаннинская, Козлановский. Тогда же он осмотрел энеолитическую стоянку Алтата в Дергачевском районе Саратовской области. В конце 1970-х гг. Волгоградский отряд палеолитической экспедиции ЛОИА АН СССР во главе с Н. Д. Прасловым продолжил изучение палеолитической стоянки Сухая Мечетка на северной окраине Волгограда⁵³. В 1983 г. северо-западные районы Волгоградской области исследовала Оскольская экспедиция ИА АН СССР под руководством Геннадия Евгеньевича Афанасьева (родился в 1946 г.), который провел шурфовки на селище салтово-маяцкой культуры у хутора Ендовский. В 1982 г. и 1983 г. Волжский палеолитический отряд Волгоградской экспедиции ЛОИА АН СССР под руководством Людмилы Валентиновны Кузнецовой осуществляла поиски памятников палеолита и раскопки стоянки Пичуга. В дальнейшем, перейдя на работу в КГУ, она продолжила исследования в области: в 1986 г. совместно с Виктором Яковлевичем Сергиным в рамках палеолитического отряда ИА АН СССР и КГУ были проведены раскопки местонахождения

Хабарова Н. В. Указ. соч.; Мыськов Е. П., Лапшин А. С. Памятники эпохи поздней бронзы: Сухая Мечетка IV и Ерзовские курганные могильники. Волгоград, 2007.

⁵¹ См.: Архив ИА РАН, ф. Р-1, № 5239, 5239 а, 5532, 5532 а, 5601, 5968, 5968 а, 6295, 6295 а, 6470, 6470 а, 9530, 9530 а; Круглов Е. В. Хазарские погребения на реке Аксай // ДВДС. Волгоград, 1992. Вып. 2.

⁵² См.: Архив ИА РАН, ф. Р-1, № 5416, 5416 а, 5817, 5817 а.

⁵³ См.: Архив ИА РАН, ф. Р-1, № 5861, 5982, 6340; Еремин В. И. Неолитические поселения северо-западных районов Волгоградской области // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. Куйбышев, 1989; Ремизов С. О. Палеолит Волгоградской области... С. 240—242.

Челюскинец-П. В 1990 г. и 1991 г. Среднедонская палеолитическая экспедиция ЛОИА АН СССР под руководством Павла Евгеньевича Нехорошева исследовала стоянку Шлях на Среднем Дону⁵⁴.

Саратовскому археологическому центру первоначально не удалось занять место в исследованиях в зонах мелиорации. Долгое время он развивался самостоятельно, в 1967 г. ученик И. В. Сеницына Владимир Алексеевич Фисенко в ЛГУ защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Племена катакомбной культуры Северо-Западного Прикаспия». Однако в начале 1970-х гг. в Саратове наступил кризис, связанный с внезапной смертью большого количества региональных специалистов-археологов⁵⁵. В 1971 г. раскопки на Алексеевском городище в Волжском районе г. Саратова проводила экспедиция Казанского института языка, литературы и истории АН СССР во главе с Тамарой Александровной Хлебниковой⁵⁶. В 1975 г. Александр Альфредович Горбовский из Института информации по общественным наукам АН СССР археологическими разведками в Карабулакском и Новобурасском районах исследовал памятники, связанные с легендарным разбойником Кудеяром⁵⁷.

В 1974 г. в зонах сооружения оросительных систем в саратовском Заволжье на средства проектного института «Главсредволгодострой» начал работу Заволжский отряд Средневожской (с 1977 г. — Волго-Уральской) новостроечной экспедиции ИА АН СССР под руководством Льва Леонидовича Галкина (родился в 1927 г.) Этим исследованиям посвящен ряд статей⁵⁸. В составе экспе-

⁵⁴ См.: Архив ИА РАН, ф. Р-1, № 9407, 10210, 10258, 11809, 17620; Ремизов С. О. Палеолитическое местонахождение Пичуга // ДВДС. Волгоград, 1993. Вып. 3; Нехорошев П. Е. Исследования Среднедонской палеолитической экспедиции // ДВДС. Волгоград, 1992. Вып. 2; Он же. Шлях — многослойный памятник каменного века (предварительное сообщение) // ДВДС. Волгоград, 1993. Вып. 3; Он же. Новая верхнепалеолитическая стоянка на Среднем Дону // ДВДС. Волгоград, 1994. Вып. 4.

⁵⁵ См.: Максимов Е. К., Миронов В. Г. Полевые исследования Саратовского университета в 1945—1984 гг. как продолжение рыковских традиций // АВЕС. Саратов, 1989. Вып. 1; Лопатин В. А. Развитие археологической науки в Саратовском университете и проблема охраны памятников древнейшей истории Нижнего Поволжья // Материалы науч.-практ. конф. по проблемам сохранения археологического наследия. Саратов, 1994; Малов Н. М. Поволжская региональная археология в Саратовском университете: страницы истории и персоналии // Саратовское Поволжье: История и современность: Материалы науч. конф., посвящ. 200-летию Саратовской губернии. Саратов, 18—19 сент. 1997 г. Саратов, 1999.

⁵⁶ См.: Архив ИА РАН, ф. Р-1, № 4397; НА СОМК, оп. 1, д. 635.

⁵⁷ Архив ИА РАН, ф. Р-1, № 6369.

⁵⁸ См.: Краснов Ю. А. Работа сектора новостроечных и хозяйственных экспедиций Института археологии АН СССР в 1973—1977 гг. // КСИА. 1979. № 157; Он же. Работа сектора новостроечных и хозяйственных экспедиций Института археологии АН СССР в 1978—1981 гг. // КСИА. 1984. № 177; Галкин Л. Л. Средневожская новостроечная экспе-

диции высококачественную стажировку прошли перспективные студенты СГУ: Н. М. Малов, М. Г. Ким, В. И. Мельник, А. А. Хреков. За несколько лет они освоили методику работ на новостройках и проводили самостоятельные исследования в зонах строительства оросительных систем при общей координации Л. Л. Галкина. Существенное влияние на выбор сфер научных интересов молодых саратовских археологов оказал П. Д. Либеров, принимавший в экспедиции непосредственное участие⁵⁹.

В 1974 г. заволжский отряд провел масштабные разведки в зонах строительства Энгельской и Северо-Ершовской оросительных систем⁶⁰. С 1974 г. по 1976 г. он исследовал компактную группу памятников в Энгельском районе на реке Сухая Саратовка — пять курганных групп (всего — 16 курганов) и поселение эпохи поздней бронзы⁶¹. При раскопках курганов активно использовалась землеройная техника — скреперы и бульдозеры, а также труд наемных рабочих и студентов. Раскопки поселений и грунтовых могильников осуществлялись вручную, поспешно, а потому зачастую с нарушением методики. За эти же годы в зонах строительства оросительных систем исследовались поселения Анисовка и курганные группы Осиновка, Луговское-I, Кураевский сад, Солнечный-I и II, Подшибаловка, Натальино-I⁶².

В 1977 г. самостоятельный отряд Областной ДЭТС Волго-Уральской экспедиции под руководством Николая Михайловича Малова в зоне строительства Балаковской оросительной системы начал исследования курганной группы Натальино-II и городищного городища Натальино⁶³. В дальнейшем эти работы проводились уже в рамках экспедиции СГУ⁶⁴. Используя полученные материалы,

---

диция // 30 лет Отделу охранных раскопок: Тр. отд. охранных раскопок. Тула, 2004. Т. 2; Малов Н. М. Изучение и использование археологического наследия Энгельского района // Сообщения ЭКМ. Саратов, 2004. Вып. 6; Каргин Ю. Ю. Охранные исследования на объектах мелиоративного строительства в Саратовском Заволжье во второй половине XX в. // Современные проблемы археологии России: Тр. II (XVIII) Всерос. археол. съезда в Суздале. Т. III. М., 2008.

⁵⁹ Малов Н. М. Поволжская региональная археология... С. 33.

⁶⁰ Архив ИА РАН, ф. Р-1, № 6116.

⁶¹ См.: Архив ИА РАН, ф. Р-1, № 6467, 6469; Галкин Л. Л. Сосуд срубной культуры с сюжетным рисунком из Саратовского Заволжья // СА. 1977. № 3.

⁶² См.: Архив ИА РАН, ф. Р-1, № 5843, 5843 а, 6469.

⁶³ См.: Архив ИА РАН, ф. Р-1, № 6710; Волков В. А. Археологическое изучение Балаковского района Саратовской области // Балаковская народная энциклопедия. Саратов, 2007. С. 25–28; Малов Н. М. Поволжская региональная археология... С. 33.

⁶⁴ См.: Малов Н. М. Погребальные памятники покровского типа в Нижнем Поволжье // АВЕС. Саратов, 1989. Вып. 1; Он же. Погребения с будавами и втоками из Натальинского могильника // АВЕС. Саратов, 1991. Вып. 2; Свод археологических источников. Вып. 1–10. Т. 1. Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье. Саратов, 1993.

Н. М. Малов под руководством Н. Я. Мерперта приступил к работе над кандидатской диссертацией на тему: «Абашевские племена Нижнего Поволжья. Памятники покровского типа», которую успешно защитил в ИИМК РАН в 1992 г.⁶⁵

Валерий Иосифович Мельник (родился в 1949 г.) был принят на работу в ИА АН СССР. Питерский отряд под его руководством в 1977 г. и 1978 г. исследовал курганные могильники Алексашкино, Новотулка-I, Новотулка-II, Козловка, Решетниково, стоянки Новотулка-I и Новотулка-II в Питерском районе. В 1979 г., испытывая недостаток в финансировании, ему все же удалось силами студентов Гурьевского пединститута провести раскопки курганных групп Мошкова и Осинов-Гай в Ершовском районе, а также Александровка в Духовницком в зоне строительства III очереди Сарканала и Приветской оросительных систем⁶⁶.

Недостаток финансирования сказался в 1978 г. на работах второго малоузенского отряда сотрудника ИА АН СССР Геннадия Григорьевича Пятых (родился в 1951 г.), состоявшего из студентов московских вузов. Отряд базировался на опытной станции ВАСХНИИЛ Питерского района, в окрестностях которой были проведены раскопки поселения и одиночного кургана «Малоузенская опытная станция», а также грунтового могильника Алексашкино, давших материалы срубной и сарматской культур⁶⁷.

Новоузенский отряд Михаила Гансовича Кима в 1977 г. проводил разведки в зоне строительства III очереди Сарканала и раскопки курганного могильника Новоузенск⁶⁸. Все находки были переданы в Вольский краеведческий музей, куда М. Г. Ким поступил на работу. В дальнейшем на протяжении нескольких лет он проводил самостоятельные инициативные исследования в малоизученном на тот момент Вольском районе.

А. А. Хреков вернулся в г. Балашов, где силами школьников городской ДЭТС на средства районного краеведческого музея начал вести самостоятельные археологические исследования. Несмотря на то, что из «стажеров» Средневолжской (Волго-Уральской) экспедиции в СГУ остался один Н. М. Малов, совместно с Е. К. Максимовым и С. Ю. Монаховым ему удалось при поддержке декана исторического факультета Г. А. Герасименко создать хозяйственную группу,

⁶⁵ См.: Малов Н. М. Поволжская региональная археология ... С. 34.

⁶⁶ См.: Архив ИА РАН, ф. Р-1, № 6562, 7299, 9240, 9240 а.

⁶⁷ Там же. № 7016; Пятых Г. Г., Фараджев А. А. Малоузенский курган эпохи бронзы // СА. 1984. № 1; Пятых Г. Г. Алексашкинский бескурганный могильник и его место среди одностолпных памятников // АВЕС. Саратов, 1991. Вып. 2.

⁶⁸ См.: Архив ИА РАН, ф. Р-1, № 6773, 6773 а; ГУК НПЦ по ИКН, № 48.

которая в 1981 г. получила статус хоздоговорной лаборатории⁶⁹. Активизация археологических исследований в Саратовской области привела к возникновению множества детских археологических кружков — в Саратове, Балаково, Вольске, Балашове и т.д.

Во второй половине 1970-х гг. активное мелиоративное строительство началось в Калмыцкой АССР. Поскольку охранные раскопки многочисленных археологических памятников силами КалмНИИ ИФЭ и КалмГУ осуществить было невозможно, между сектором археологии КалмНИИ ИФЭ и ИА АН СССР в 1980 г. был заключен договор о шефской помощи и творческом сотрудничестве⁷⁰. До этого, в 1979 г., Прикаспийская экспедиция ИА АН СССР Владимира Ивановича Марковина проводила разведки в Северо-Западном Прикаспии⁷¹. С 1980 г. по 1987 г. Волго-Донская экспедиция под руководством заместителя директора ИА АН СССР В. П. Шилова исследовала несколько курганных групп, в том числе и по хоздоговорам в зонах строительства оросительных систем (Эвдык-I, Цаган-Усн-VII)⁷². Важное место в его работах занимали наблюдения за стратиграфией огромных курганов в группах «Три брата» и Ергени-II⁷³.

Во второй половине 1980-х гг. по договору с КалмНИИ ИФЭ в зонах оросительных систем работали преимущественно приглашенные специалисты из региональных археологических центров. Вместе с ними раскопки на трассе КВЧ проводил отряд ГИМ экспедиции КалмНИИ ИФЭ под руководством Натальи

⁶⁹ См.: Малов Н. М. Некоторые итоги и проблемы охраны памятников археологии Саратовской области (к 15-летию археологической лаборатории СГУ) // Материалы науч.-практ. конф. по проблемам сохранения археологического наследия. Саратов, 1994. С. 43.

⁷⁰ См.: Очир-Горяева М. А. Археологические раскопки на территории Республики Калмыкии: история и итоги // НАВ. Волгоград, 2008. Вып. 9. С. 86–89.

⁷¹ Архив ИА РАН, ф. Р-1, № 8182.

⁷² См.: Архив ИА РАН, ф. Р-1, № 9589, 9589 а, 12351, 12351 а; Арапов С. В. Погребения эпохи бронзы из могильника Цаган Усн в Калмыкии // ДВДС. Волгоград, 1993. Вып. 3; Очир-Горяева М. А. Погребения скифской эпохи из могильника «Цаган Усн» // ДВДС. Волгоград, 1994. Вып. 4.

⁷³ См.: Архив ИА РАН, ф. Р-1, № 9516, 9516 а, 9517, 9517 а, 10968, 10968 а, 11785, 11785 а, 11793, 11793 а; Шилов В. П. Топор майкопской культуры в Калмыкии // СА. 1982. № 1; Он же. Стратиграфическое соотношение «жертвенного места» и погребения восьмого кургана девятой группы «Три брата» в Калмыкии // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984; Он же. Раскопки Ергенійского курганного могильника в Калмыкии // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: Тез. докл. Всесоюз. конф. М., 1987; Он же. К хронологии нижнего горизонта донецкой катакомбной культуры // Археологические исследования Калмыкии. Элиста, 1987; Он же. О связях древнего населения Калмыцкой степи с северо-западными соседями // Материалы по археологии Калмыкии. Элиста, 1991.

Ивановны Шишлиной. С 1986 г. по 1988 г. отряд исследовал курганные могильники Чограйский-III, IV и V, Цаган-Уси-VIII, IX и X, КВЧ-56, КВЧ-63⁷⁴. Однако сворачивание строительства и связанное с ним сокращение финансирования привели к тому, что археологи из других регионов на долгое время прекратили работы в Калмыкии.

После окончания работ на оросительных системах отряд ПАЭ ИА РАН во главе с В. В. Дворниченко в 1982 г. провел хоздоговорные разведки в зоне строительства канала «Волгодонводпереброска» в районе уникального памятника природы — Ерзовской балки — севернее Волгограда. Впоследствии, с 1985 г. по 1987 г., раскопками обнаруженной курганной группы и поселений Ерзовка-I и II занимался отряд ВолГУ под руководством А. Н. Дьяченко⁷⁵.

В середине 1980-х гг. в Астраханской области развернулось масштабное строительство. В этих условиях, из-за отсутствия достаточного количества местных специалистов, обеспечить охрану археологического наследия было фактически невозможно. Активные охранные исследования в середине 1980-х гг. начала проводить экспедиция АГОИАМЗ под руководством Вячеслава Васильевича Плахова. В 1984 г. он вызвал в район села Косика Енотаевского района отряд ПАЭ ИА АН СССР под руководством В. В. Дворниченко. Здесь, в грунтовом могильнике на одном из бэровских бугров, при прокладке водопроводной траншеи вдоль автотрассы Астрахань—Волгоград экскаватором было разрушено богатейшее сарматское погребение. В нем обнаружено множество предметов искусства из драгоценных металлов, в числе которых золотая пектораль весом 450 г. Даже бытовые вещи — оселки и ножи — были украшены золотом. Большинство находок оказалось в отвале, их разбором занимался В. В. Плахов. Полученные материалы приобрели широкую известность, экспонировались в российских и зарубежных музеях, а ныне выставлены в АГОИАМЗ. С 1984 г. по 1989 г. объединенным отрядом ПАЭ ИА АН СССР (с 1992 г. — ИА РАН) и АГОИАМЗ на грунтовом могильнике у села Косика проведены масштабные аварийно-спасательные раскопки⁷⁶. В начале 1990-х гг. отряд в спешном порядке, фактически наперегон-

⁷⁴ См.: Архив ИА РАН, ф. Р-1, № 11331, 11331 а, 11331 б, 11881, 12669, 12670, 12671; Шишлина Н. И. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V—III тыс. до н.э.) // Труды ГИМ. М., 2007. Вып. 165.

⁷⁵ См.: Архив ИА РАН, ф. Р-1, № 9861, 9918.11309, 12520.

⁷⁶ См.: Архив ИА РАН, ф. Р-1, № 10879, 10879 а, 10879 б, 10879 в, 10886, 10886 а, 14801, 14188; Дворниченко В. В., Федоров-Давыдов Г. А. Работы Поволжской археологической экспедиции на Нижней Волге и новые открытия 1984 г. // Вестник АН СССР. 1985. № 4; Они же. Открытие богатого захоронения на Нижней Волге в 1984 г. // Достижения советской археологии в XI пятилетке: Тез. докл. Баку, 1985; Они же. Памятники сарматской

ки со строителями, при катастрофической нехватке средств проводили аварийно-спасательные раскопки на археологических памятниках в районе активного строительства у поселка Комсомольский. Попытки привлечения к ответственности органов охраны памятников в сложной обстановке кризисных лет результатов не дали.⁷⁷ Интересны результаты исследований совместной экспедиции Центра комплексных подводных исследований при НИИ культуры МК РСФСР и Института водных проблем АН СССР под руководством А. В. Огорокова и И. В. Дивакова, которые в 1990–1991 гг. проводили раскопки судна XVIII в. на острове Кулалы в Северном Прикаспии⁷⁸.

Подводя итог деятельности академических центров на территории Нижнего Поволжья с 1945 г. по 1991 г., следует отметить, что они сыграли важную роль в изучении археологических памятников региона. Данная территория приковывала к себе внимание множества специалистов, но наиболее весомый вклад в науку внесли многолетние плановые исследования экспедиций В. П. Шилова, Н. Д. Праслова, Г. А. Федорова-Давыдова и В. В. Дворниченко. Интенсификация полевых работ приходится на время реализации масштабных новостроечных проектов, таких как гидроузлы и оросительные системы. Это, с одной стороны, стало стимулом для подготовки местных специалистов, с другой — позволило обеспечить формирующиеся региональные центры материально-технической базой за счет хозяйственных договоров со строительными организациями. В итоге мощный региональный центр возник в Волгограде. В Астраханской области вплоть до начала 1990-х гг. столичные археологи продолжали осуществлять основные объемы работ, поскольку сил местных специалистов не хватало. В сложные годы для Саратовского центра, имевшего давние традиции, столичные археологи помогли подготовить новых высококвалифицированных специалистов. Существенная помощь была оказана Калмыцкому центру в годы наивысшего пика работ на оросительных системах. Таким образом, важной особенностью деятельности региональных археологических центров была постоянная связь со столичной наукой. Результатом поступательного развития местных традиций в

аристократии в Нижнем Поволжье // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М., 1989; Дворниченко В. В., Федоров-Давыдов Г. А. Сарматское погребение скелета I в. н.э. у села Косика Астраханской области // ВДИ. 1993. № 3.

⁷⁷ См.: Архив ИА РАН, ф. Р-1, № 15499, 15762, 15972, 17094, 17888, 17959, 18688, 18689; Дворниченко В. В., Плахов В. В., Сергацков И. В. Сарматские погребения у поселка Комсомольский Астраханской области // НАВ. Волгоград, 2002. Вып. 5.

⁷⁸ См.: Архив ИА РАН, ф. Р-1, № 15501, 15960, 15964.

охране и изучении археологического наследия стал переход к «научному полицентризму» и ослабление позиций Института археологии как главного научного учреждения в данной области.

В деле сохранения археологического наследия в зонах новостроек академические центры также сыграли выдающуюся роль. Однако высокие объемы археологических работ, не поспевавшие за все возрастающими темпами строительства, сделали неосуществимым своевременное введение в научный оборот многих материалов раскопок. В наши дни расширение возможностей издательской деятельности позволяет археологам восполнить эти пробелы.

Я. Н. Рабинович

САРАТОВСКИЙ ВОЕВОДА ГРИГОРИЙ НИКИТИЧ ОРЛОВ: СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ

Сведений о первых воеводах левобережного Саратова сохранилось немного. Да и сам левобережный Саратов — одна из наименее изученных страниц истории нашего города, полная загадок и неясностей. Пожар 1701 г. уничтожил архив Приказа Казанского дворца, ведавшего делами Поволжья. Этим можно отчасти объяснить, почему до последнего времени никто не пытался восстановить этапы жизненного пути воевод Саратова¹. Однако, если трудно найти сведения о саратовском периоде деятельности этих начальных людей, то, используя даже опубликованные источники, можно попытаться реконструировать биографию саратовских воевод до момента назначения их в Саратов и после отъезда из города. Первые попытки были предприняты нами в отношении воевод Ф. Т. Черново-Оболенского и Е. Ф. Мышецкого², о которых сохранилось немало сведений в различных источниках, как опубликованных, так и в архивных. Положение облегчалось тем, что двойников-князей Оболенских и Мышецких, имеющих одинаковые имена и отчества, не существовало. С героем нашего очерка, который не являлся князем Рюриковичем, носил довольно распространенную фамилию, дело обстоит сложнее. В основе данной статьи лежит довольно зыбкое предположение, что все Григории Никитичи Орловы, жившие в России в период Смуты и первые десятилетия после ее окончания, упомянутые в различных источниках — это один и тот же человек, который являлся воеводой Саратова в 1626–1630 гг.

---

¹ Отрывочные сведения о саратовских воеводах XVII в. см.: Чекалин Ф. Ф. Саратовское Поволжье с древнейших времен до конца XVII в. Саратов, 1892; Шахматов А. И. Исторические очерки города Саратова. Саратов, 1891; Гераклитов А. А. История Саратовского края в XVI–XVIII вв. Саратов, 1923; Осипов В. А. Очерки по истории Саратовского края (конец XVI и XVII вв.). Саратов, 1976; Касович А. С. Саратов левобережный // Четыре века: Сб. статей, посвящ. 400-летию Саратова. Саратов, 1991. С. 18–34.

² См.: Рабинович Я. Н. Первые воеводы левобережного Саратова: Ф. Т. Черново-Оболенский и Е. Ф. Мышецкий // Саратовский краеведческий сборник. Саратов, 2009. Вып. 4. С. 113–135.

В Смутное время известны два рода Орловых. Древнейший род Орловых происходил по родословным преданиям от «мужа честна Льва, выехавшего яко бы из немцев к Великому князю Василию Дмитриевичу». Его потомок в пятом колене Василий Фролович Орлов был основателем рода Орловых. Этот род в XVIII в. был внесен в шестую часть родословной книги Московской губернии³. Внуки В. Ф. Орлова Василий Тимофеевич Орлов (с сыновьями Иваном и Ильей) и Степан Тимофеевич были родоначальниками отдельных ветвей этого рода. Скорее всего, в Смутное время к этому роду принадлежали московские жильцы Иван Леонтьевич Орлов и Семен Васильевич Орлов, а также дворянин из Дмитрова Иван Орлов, получавшие жалование из Костромской и Галицкой чети⁴.

Родоначальником второго рода Орловых был некий Лукьян Иванович, который владел в конце XVI в. селом Люткиным Бежецкого уезда Тверской губернии. Его сын, Владимир Лукьянович Орлов, был в 1613 г. губным старостой Бежецкого верха⁵. Именно его правнук, Григорий Иванович Орлов, был новгородским губернатором, пять сыновей которого играли важную роль при Екатерине II.

В Смутное время известны еще казачий атаман Данило Орлов, участник боев под Псковом еще до похода Густава Адольфа, а также защитник Новгорода Василий Орлов⁶.

Трудно сказать, к какому роду принадлежал Григорий Никитич Орлов. Возможно, он был братом Василия Никитича Орлова, погибшего 16 июля 1612 г. при штурме Новгорода шведами. Граф Владимир Орлов-Давыдов считал, что Григорий Никитич и Василий Никитич были племянниками Лукьяна Ивановича Орлова⁷.

Впервые в источниках Григорий Никитич Орлов встречается летом 1611 г. В трудах отечественных исследователей имеется ряд неточностей при описании этих

³ Из этого рода выводят себя также Беклемишевы, Щепотьевы, Змеевы, Щулешниковы, Козловы, Фроловы, Фроловы-Багреевы, Княжникины, Плюшкины — всего десять родов. См.: Русский биографический словарь (далее — РБС): Обезьянников-Очкин. СПб., 1905. С. 319.

⁴ Из Костромской чети получал жалование в апреле 1621 г. «Иван Леонтьев сын Орлов, жилец, оклад 10 руб.»; «Семен Васильев сын Орлов, жилец, оклад 7 руб.»; Из Галицкой чети — Иван Орлов из Дмитрова, участник похода князя Д. Т. Трубецкого к Новгороду, старый оклад при Василии Шуйском 8 руб., придача в январе 1615 г. 4 руб. Скорее всего, именно этот Иван Иванович Орлов получил в 1623 г. от царя Михаила Федоровича жалованную вотчинную грамоту на два сельца в Дмитровском уезде «за Московское осадное сиденье и за многую его службу и правду».

⁵ Известно, что «Владимир Лукьянов сын Орлов, дворянин Бежецка, с окладом 22 руб.», получал жалование из Устюжской чети.

⁶ В станице Данилы Орлова кроме есаула были три десятника и 29 казаков. Летом 1615 г. ему было выдано в Разряде жалование 7 руб.

⁷ См.: Орлов-Давыдов В. Биографический очерк графа Владимира Григорьевича Орлова. Т. 1. СПб., 1878. Прил. 1. С. VI.

событий (как в хронологии, так и в отчестве Григория Орлова). Саратовские краеведы этот вопрос обходили стороной, поэтому стоит остановиться подробнее на источниках о событиях 1611–1612 гг., где упоминается Григорий Орлов. Еще в 1819 г. была опубликована грамота о пожаловании Григорию Никитичу Орлову поместья князя Д. М. Пожарского⁸. Исследователи довольно поздно обратили внимание на эту грамоту. Кажется, одним из первых указал на данный документ С. Ф. Платонов, причем в комментариях к своему знаменитому труду. Говоря о недовольстве Семибоярщины самоуправством московского коменданта Александра Корвина Гонсевского, который не считался с мнением бояр, историк приводит в качестве примера помету Гонсевского «на одной из челобитных о поместье (17 августа 1611 г.), поданной неким Г. Н. Орловым (здесь и далее выделено мной. — Я. Р.) о пожаловании ему поместья»⁹. Из труда С. Ф. Платонова еще не ясно, чье поместье хотел получить этот «некий Г. Н. Орлов».

Через несколько лет, в 1905 г., В. Корсакова остановилась на данной проблеме более подробно. Она исследовала вопрос, где князь Д. М. Пожарский в 1611 г. мог лечиться от ран, полученных в ходе мартовского восстания в Москве. В. Корсакова пишет, что поместье князя Пожарского Нижний Ландех «выпросил себе Григорий Орлов за свою верную службу Сигизмунду». 17 августа 1611 г. Орлов подал челобитную польскому королю и сыну его королевичу Владиславу, чтобы «за измену кн. Дим. Пожарского, который отъехал в воровские полки и ранен, сражаясь с королевскими войсками, когда мужики изменили в Москве, отдано ему поместье кн. Пожарского село Ландех с деревнями. По предложению Гонсевского и по боярскому приговору Нижний Ландех был немедленно укреплен за Орловым (поэтому Пожарский не мог там лечиться в октябре, через два месяца)»¹⁰. Автор не указывает отчества Григория Орлова. Однако через несколько страниц в данной статье мы читаем следующую запись: «В 1621 г. князю Пожарскому выдана подтверждающая царская грамота на его суздальскую вотчину Нижний Ландех и посад Холуй с деревнями; вотчина эта

⁸ Челобитная польскому королю Сигизмунду III и его сыну Великому Государю Королевичу Владиславу Сигизмундовичу от Григорья Орлова: о пожаловании ему во владение поместья в Суздальском уезде сельца Нижнего Ландеха с деревнями, принадлежащего Князю Дмитрию Пожарскому, за измену его против их Государей. Тут же и жалованная на оное поместье, от имени Бояр, Орлову Грамота (в списке). 1611, Августа 17 // СГД. Ч. 2. № 267. СПб., 1819. С. 566–567. Полностью дело об этом пожаловании см.: Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе. 1610–1611 гг. М., 1911. С. 54–56.

⁹ Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. (опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). СПб., 1910. С. 588.

¹⁰ Корсакова В. Пожарский князь Дмитрий Михайлович // Русский биографический словарь. СПб., 1905. С. 224.

была пожалована ему в 1609 г. царем Василием Шуйским, затем отобрана в 1611 г. и отдана **Гр. Гр. Орлову**, (выделено мной. — Я. Р.). (Отчество названо ошибочно — Григорьевич, вместо Никитича), а в 1613 г. возвращена кн. Пожарскому»¹¹.

Чтобы больше не возвращаться к данному сюжету, стоит привести выдержку из документа: «От царя и Великого князя Владислава Жигимонтовича всеа Руси, в Суздальской уезд, в село Нижнее Ландех <...> (далее перечисляются 40 других населенных пунктов и пустошей, всего 21 деревня. 7 починков и 12 пустошей. — Я. Р.). Что было то село и деревни и починки и пустоши в поместье за Князь Дмитрием Пожарским, и Князь Дмитрием нам изменил, ныне у воров в полках, всем крестьяном, которые в том селе и в деревнях и в починках живут и на пустошах учнут житии. Пожаловали есмь тем Князь Дмитриевым поместьем **Григорья Никитица сына Орлова** его оклад в пять сот четей, в поместье со всеми угодьи; а по выписи из большого дворца, за приписью дьяка Филиппа Голенищева, 117 году, в том селе и в деревнях и в починках и в пустошах написано пашни и перелогу три ста шестьдесятчеть четей в поле, а в дву по томуж. И вы 6 все крестьяне, которые в том селе и в деревнях и в починках живут, и на пустошах учнут жити, Григорья Орлова слушали, пашню на него пахали, и доход от помещиков платили. Писан на Москве лета 7119, августа в 17 день»¹². Из данного документа следует, что Г. Н. Орлов имел поместный оклад в 500 четей.

Пока еще трудно проследить связь между этим польским слугой и саратовским воеводой Г. Н. Орловым. Впервые на эту связь обратил внимание А. А. Гераклитов, который в статье о воеводах Саратова писал: «У Л. М. Савелова (Князья Пожарские стр. 10) приводится любопытный факт, а именно, **наш Орлов** бил челом Владиславу о пожаловании... Просьба эта была уважена, но дальнейшие события помешали Орлову воспользоваться поместьем изменника, ставшего, прибавим от себя, героем и спасителем России»¹³.

В следующий раз мы встречаемся с Григорием Орловым через год, в период боев под Москвой в августе 1612 г. Григорий Орлов **23 августа 1612 г.** провел в Кремль к осажденным полякам Струся и Будилы обоз с продовольствием от гетмана Ходкевича. Сведения об этих событиях содержатся в Новом летописце. Этот источник был популярен в XVII—XIX вв., сохранился во множестве спи-

¹¹ Корсакова В. Пожарский князь Дмитрий Михайлович. С. 243.

¹² СГГД. СПб., 1819. Ч. 2. № 267. С. 567.

¹³ Гераклитов А. А. Список Саратовских и Царицынских воевод XVII в. // Труды СУАК. Саратов, 1913. Вып. 30. С. 65 (далее — Гераклитов А. А. Список воевод).

сков, неоднократно переиздавался¹⁴. Григорию Орлову посвящена специальная глава, которая называется «О походе на Москву изменника Гришки Орлова з гайдуки». В этой главе говорится о том, как после первого боя 22 августа 1612 г. «... тое же ноци после бою изменник Гриша Орлов пройде в Москву, а с собою приведе гайдуков шестьсот человек, и поставиша их у Москвы у реки на берегу у Егорья в Яндове, а сам пройде в город»¹⁵.

Об этих событиях писали многие историки, начиная с Н. С. Арцыбашева (привел в сноске данный текст), С. М. Соловьева («дорогу указывал русский, Григорий Орлов»), Н. И. Костомарова («московский изменник Григорий Орлов... вошел в город и дал знать осажденным о положении и намерениях Ходкевича»)¹⁶. Строго говоря, впервые об этом писал еще В. Н. Татищев, но эта часть его Истории впервые была издана лишь в 1962 г., о ней ничего не знали историки до второй половины XX в. Даже после выхода в свет академического издания труда В. Н. Татищева (1962–1968 гг.) ничего не изменилось и к началу XXI в. Современные исследователи недостаточно используют труд В. Н. Татищева применительно к событиям завершающего периода Смуты.

Поэтому стоит привести цитату из труда этого историка, касающуюся событий 23 августа 1612 г.: «В ту же ночь изменник Григорий Орлов провел в Москву от гетмана 600 человек гайдуков, сказав на карауле, якобы по указу воевод ведет пехоту шанцы против города сделать. И поставив их у Егорья в Ендове, сам пошел в город»¹⁷.

Первым из исследователей, кто попытался объединить воедино оба сюжета (пожалования Григорию Орлову поместья Пожарского и прибытие в Кремль польских подкреплений), был П. Г. Любомиров. Автор известного труда о Нижегородском ополчении после рассказа о событиях 23 августа («ночью Ходкевичу удалось с помощью русского изменника Гр. Орлова доставить осажденным 600, или 500 по польскому источнику, гайдуков») в сноске не совсем уверенно отметил: «Не одно ли это лицо с Гр. Н. Орловым, получившем по челобитью на имя Сигизмунда и Владислава поместье Пожарского в 1610 г.»¹⁸ Год пожалования поместья Григорию Орлову у П. Г. Любомирова указан неправильно (надо — 1611 г.).

¹⁴ Новейшее исследование о Новом летописце см.: *Вовина-Лебедева В. Г. Новый летописец: история текста*. СПб., 2004.

¹⁵ *Новый летописец* // ПСРА. Т. 14. Первая половина. СПб., 1910. Гл. 313. С. 125.

¹⁶ *Арцыбашев Н. С. Повествование о России*. Т. 3. М., 1843. С. 322; *Соловьев С. М. История России с древнейших времен* // Соч.: В 18 кн. Кн. IV, т. 8. М., 1994. С. 733; *Костомаров Н. И. Смутное время Московского государства в начале XVII в.* С. 745.

¹⁷ *Татищев В. Н. История Российская*: В 7 т. М.; Л., 1966. Т. 6. С. 362.

¹⁸ *Любомиров П. Г. Очерк истории нижегородского ополчения (1611–1613 гг.)* // ЖМНП. 1914, март; Пг., 1917. С. 151; М., 1939. С. 151.

В дальнейшем многие исследователи уже довольно уверенно объединяли эти два события. Среди них — Г. Н. Бибиков («Врагов провел в Кремль русский изменник дворянин **Гр. Орлов**, из корыстных соображений заинтересованный в поражении ополченцев и, в частности, в гибели Пожарского: интервенты подавали ему имение кн. Пожарского»), В. И. Корещкий («Ночью изменник **Григорий Орлов**, получивший от интервентов поместье Пожарского, провел в Кремль 600 гайдуков»), Р. Г. Скрынников («В трудную минуту на помощь Ходкевичу пришла московская семибоярщина и ее приспешники. В ставку гетману явился дворянин **Григорий Орлов**. Прошел год с тех пор, как изменник подал Гонсевскому донос и получил в награду поместье Пожарского. Теперь он не жалел сил, чтобы услужить хозяевам. Орлов взялся провести польский отряд в Кремль»)¹⁹.

Если прислушаться к мнению уважаемых ученых, можно сделать вывод о том, что Григорий Никитич Орлов, получивший в 1611 г. поместье Д. М. Пожарского, и Григорий Орлов, который в 1612 г. провел польский отряд в Кремль, — это одно и то же лицо. Возможно, этот проход в Кремль польского отряда спас от голодной смерти будущего царя Михаила Романова, который вместе с матерью и дядей И. Н. Романовым, одним из лидеров Семибоярщины, находился в Кремле еще два месяца, вплоть до 26 октября 1612 г.

Теперь остается выяснить связь этого Григория Никитича Орлова с нашим саратовским воеводой.

Дворцовые Разряды и Книги Разрядные в течение нескольких лет упоминают о пребывании вторым воеводой в далеком уральском городке Пельиме некоего Григория Орлова. Известно, что новое правительство Михаила Романова не устраивало репрессий по отношению к бывшим сторонникам Семибоярщины и королевича Владислава. В окружении Михаила Романова было много бывших тушинцев. Эта политика умиротворения во многом способствовала прекращению Смуты. Многие бывшие сторонники Владислава были отправлены воеводами в отдаленные города Урала и Сибири. Даже боярин Иван Семенович Куракин несколько лет был воеводой в Тобольске.

Пельим, крошечная крепость, построенная в начале 1590-х гг. на месте центра небольшого Пельимского княжества, славилась как место ссылки. Сюда были сосланы жители Углича после событий 1591 г. Здесь находились несколько лет по приказу царя Бориса Годунова братья будущего патриарха Филарета, Иван

¹⁹ Бибиков Г. Н. Бои русского народного ополчения с польскими интервентами 22–24 августа 1612 г. под Москвой // Исторические записки. 1950. Т. 32. С. 186; Корещкий В. И. Подвиг русского народа в начале XVII в. // Вопросы истории. М., 1970. № 6. С. 105; Скрынников Р. Г. Минин и Пожарский: Хроника Смутного времени. М., 1981. С. 277–278.

Каша и Василий Никитичи Романовы. В 1614 г. в Дворцовых Разрядах записано: «В Пельме воевода Федор Алексеев сын Яскин-Годунов да Григорей Иванов сын Орлов»²⁰. На следующий год первого воеводу Пельмского городка заменил Иван Яковлев сын Вельяминов, однако вторым воеводой остался по-прежнему Григорий Орлов (отчество Орлова не упоминается). Возможно, это отчество («Иванович») Орлова смутило А. А. Гераклитова, который не сообщает о пельмском периоде будущего саратовского воеводы²¹. Аналогичные записи читаем за 1616–1618 гг. Только в 1619 г., когда война с Польшей уже закончилась, и было подписано Деулинское перемирие, воеводой в Пельме указан один И. Я. Вельяминов²². По-видимому, Григорий Орлов в это время был отозван в Москву. Срок почетной ссылки для него закончился.

Далее источники в течение пяти лет ничего не упоминают о Григории Никитиче Орлове. Вновь мы видим его уже воеводой в Саратове. Авторы Славянской энциклопедии, а также граф Владимир Орлов-Давыдов ведут биографию саратовского воеводы, начиная с Пельма²³. В Русском биографическом словаре А. А. Половцова Г. Н. Орлов перед Саратовом вместо Пельма оказывается воеводой где то в Польше, откуда прибывает в Саратов («Впервые упоминается в 1615 году, когда был воеводой в Польше; в 1620 г. он был отозван из Польши, а в 1626 г. мы находим его уже на воеводстве в Саратове»)²⁴.

В Саратове Г. Н. Орлов сменил прежнего воеводу Ф. И. Чемоданова. Григорий Орлов оставался в Саратове до 1630 г., пока его не сменил Степан Чемосов. По сравнению с крошечным Пельмом, находящимся далеко в Зауралье, Саратов был относительно крупным городом, расположенным на оживленном водном пути. Постоянный гарнизон Саратова насчитывал в 1626 г. около 380 человек²⁵. Предоставим слово источнику: «На Саратове Федор Иванов

²⁰ ДР. Т. 1. СПб., 1850. Стб. 154 (1614 г.), Стб. 196 (1615 г.), Стб. 248 (1616 г.), Стб. 297 (1617 г.), Стб. 350 (1618 г.); см. также: КР. Т. 1. СПб., 1853. Стб. 81 (1615 г.), Стб. 197 (1616 г.), Стб. 407 (1617 г.), Стб. 545 (1618 г. — здесь впервые вместо слова «город» записан «острог»).

²¹ См.: Гераклитов А. А. Список воевод. С. 65.

²² В 1619 г. воеводой в Пельме указан только И. Я. Вельяминов. См.: ДР. Т. 1. Стб. 427; КР. Т. 1. Стб. 663.

²³ Славянская энциклопедия... XVII век. М., 2004. Т. 1. С. 85: «Григорий Никитич Орлов был воеводой в Пельме (1614–1619), Саратове (1624–1633) и Мангазее (1633–1640)». Орлов-Давыдов В. Указ. соч. Прил. 1. С. VI.

²⁴ Орлов Григорий Никитич // Русский биографический словарь. СПб., 1905. С. 354.

²⁵ Информация о гарнизоне Саратова содержится в Книгах разрядных, том первый, опубликованный в 1853 г., а не в 1858 г., как любят указывать саратовские историки, не удосуживаясь при этом прочитать этот ценный источник, предпочитая переписывать труд А. А. Гераклитова. См.: Касович А. С. Указ. соч. С. 24; Осипов В. А. Очерки по истории

сын Чемоданов; и Федору велено ехать к Москве, а на Саратов послан Григорий Микитин сын Орлов, а с ним: детей боярских 18 ч., пушкарей 4 ч, воротников 2 ч., толмач 1 ч., вож 1 ч., с головою да с 3 человеки сотники конных и пеших 350 ч. стрельцов»²⁶.

Первым помощником воеводы Григория Орлова был стрелецкий голова Микифор Кошелев²⁷. Кроме постоянного гарнизона в Саратове в 1626 г. к моменту приезда воеводы Г. Н. Орлова находились на годовой службе еще 100 стрельцов: «из Еранска (30), из Кузьмодемьянска (40), с Уржума (30) с сотником 100 ч. стрельцов пеших»²⁸.

На следующий год (1627 г.) состав гарнизона Саратова не претерпел никаких изменений²⁹. Вскоре воеводе Орлову и его воинам предстояло выдержать тяжелые испытания. Жизнь Саратова не была спокойной. Совершались набеги ногай, все чаще стали появляться на волжских берегах калмыки. По-видимому, первый удар кочевники нанесли по Царицыну, где им сопутствовал успех. Источники скупо сообщают о том, что за какую-то вину воевода Царицына Дмитрий Новосильцев в 1628 г. был снят с поста и послан в Астрахань, а на его место назначили нового воеводу Семена Глебова³⁰.

Воевода Саратова в 1628 г. остался на своем месте, но состав гарнизона значительно поредел. Стрельцов теперь насчитывалось только 300 человек (100 конных и 200 пеших), детей боярских осталось 15 человек. Кроме того, на годовой службе теперь сотня стрельцов из других городов: из Чебоксар (50 чел.), Цивильска (15 чел.), Кокшайска (15 чел.), Царева-Кокшайского (20 чел.)³¹.

О том, что в действительности произошло в Саратове в 1628 г., мы узнаем из двух документов Разрядного приказа, опубликованных еще в 1890 г. Текст в

Саратовского края конец XVI и XVII вв. Саратов, 1976. С. 35; Очерки истории Саратовского Поволжья. Т. 1: С древнейших времен до отмены крепостного права. Саратов, 1993. С. 41.

²⁶ КР. Т. 1. Стб. 1250. Кроме ошибки в годе издания книги историки путают страницы со столбцами.

²⁷ См.: *Герасимов А. А.* Список воевод. С. 65.

²⁸ О количестве годовальщиков из Кузьмодемьянска и Яранска см.: КР. Т. 1. СПб., 1853. Стб. 1252–1253.

²⁹ Состав гарнизона Саратова в 1627 г. см.: КР. Т. 1. Стб. 1355, 1358, 1359.

³⁰ КР. Т. 1. Стб. 1249.

³¹ КР. Т. 2. СПб., 1855. Стб. 87–91: «На Саратове Григорий Микитин сын Орлов, а с ним голова у стрельцов один человек, детей боярских 15 ч., пушкарей четыре человека, воротников два человека, сотников стрелецких три человека, конных стрельцов 100 ч., пеших стрельцов 200 ч. ... На Саратове на годовой из Чебоксар, из Цивильска, из Царева-Кокшайского, с сотником 100 ч. стрельцов пеших. ... Цивильских же стрельцов на Саратове на годовой 15 ч. ... Царевококшайских же стрельцов на Саратове на годовой 20 ч. ... В Кокшайском... на годовую на Саратов 15 ч. стрельцов. ... В Чебоксарах ... да на Саратове с сотники 50 ч. стрельцов».

обоих документах, где говорится о награждении воеводы Орлова, идентичен: «Григорий Никитин сын Орлов был на государеве службе в Саратове и татар побил, и по памяти из Казанского дворца, за приписью дьяка Ивана Болотникова, за ту Саратовскую службу дано Григорью Орлову государева жалованья у стола: кубок, шуба атлас золотной на соболех в 89 рублей, 28 алтын, да поместные придачи к старому его окладу, к 700 четьям, 200 четей, денег к 40 рублям 40 рублей»³². Когда именно произошло это награждение, а тем более, когда воевода Орлов «татар побил», при каких обстоятельствах, в источниках ничего не говорится. Судя по записи, это произошло до награждения воевод в Ливнах Федора Бутурлина и Ивана Рагозина (данные воеводы были награждены в 1716 г., т.е. в 1627/1628 г.). Скорее всего, в начале зимы 1628 г. ногаи, внезапно подступив к городу, попытались захватить и разграбить Саратов. Однако воевода Г. Н. Орлов во главе гарнизона сумел организовать оборону города и нанести поражение кочевникам.

За свои заслуги саратовский воевода был награжден кубком, шубой, дополнительным земельным участком к поместному окладу, прибавкой к жалованию. Такие высокие награды в те годы давались очень редко. Известно, что такой награды за пять лет завершающего этапа Смуты (1613–1618) удостоились всего около 30 человек. Возможно, многие московские дворяне завидовали удачливому воеводе. Не связана ли запись об изменнике Григории Орлове в Новом летописце, который был составлен в эти годы при дворе патриарха Филарета, именно с этими событиями?

А. А. Гераклитов писал: «В бытность саратовским воеводой Г. Н. Орлов отличился в походе на татар, за что был пожалован государем. Его сослуживец, стрелецкий голова Никифор Михайлович Кошелев тоже был жалован за удачный поход на воровских казаков в 1629 г.»³³.

В 1629 г. состав гарнизона Саратова остался почти без изменения. Мы снова видим 18 детей боярских, четыре пушкаря, два воротника, 300 стрельцов и т.д. Однако 100 пеших годовальщиков теперь прибывают в Саратов из Свияжска (20 чел.), Козмодемьянска (20 чел.), Чебоксар (30 чел.), Цивильска (20 чел.), Царево-Кокшайска (десять чел.)³⁴.

³² Дело по челобитью Ивана Матвеевича Вельяминова о пожаловании его за службы. Апрель 1633 г. // АМГ. СПб., 1890. Т. 1. (1571–1634), № 515. С. 491; См. также: Дело по челобитью Ивана Ромодановского и Бориса Колтовского о придаче им за Тульскую службу поместных и денежных окладов. Октябрь 1633 г. // АМГ. СПб., 1890. Т. 1, № 573. С. 538. В Книгах Разрядных о нападении татар на Саратов и о награждении воеводы ничего не сказано.

³³ Гераклитов А. А. Список воевод. С. 65.

³⁴ КР. Т. 1. Стб. 192–197.

Несмотря на победу над ногаями, Саратов, как крепость, вероятно, пострадал от нападения. Укрепления его стали ненадежными и недостаточными. Были приняты меры для дальнейшего усиления оборонительных сооружений саратовской крепости. Но это предстояло делать уже другому воеводе Саратова, Степану Васильевичу Чемесову³⁵. Сам Григорий Орлов находился с 1630 г. далеко от Саратова. Авторы Славянской энциклопедии раздвинули временные рамки саратовского воеводства Г. Н. Орлова до 1633 г., не имея на то никаких оснований³⁶.

Весной 1631 г. Григорий Орлов, московский дворянин, был включен в «список дворян и дьяков, которых государь... пожаловал, велел свои государевы очи видеть на праздник, на Светлое воскресенье, апреля в 10 день»³⁷. 17 мая Г. Н. Орлов в числе многих других представителей государева двора встречал шведского посла Антония Мониера (правда, в обоих случаях Орлов был записан последним в списке московских дворян)³⁸.

В августе того же 1631 г. Г. Н. Орлов получил новое ответственное поручение. Его отправили с ратными людьми в Азов на Дон встречать государевых послов Андрея Савина и дьяка Михаила Олфимова, а также турецкого посла «Мурат салтана царя Ахмет Агу» и провожать его от Азова до Воронежа. Князь Иван Михайлович Борятинский вместе с Григорием Орловым должны были оберегать посла во время поездки в Москву от казацкой вольницы и всякой «голытьбы»³⁹. В начале сентября 1631 г. Григорий Орлов убыл из Москвы в Воронеж. Сохранилось подробное описание этого похода. Мы узнаем о составе отряда, о жалованье личному составу, о том, где делались струги, кому и сколько предназначалось кораблей (Григорию Орлову — четыре струга, а всего в эту донскую посылку сделано 142 струга). 28 сентября 1631 г. эта речная флотилия вышла из Воронежа и рекой Доном направилась к Азову⁴⁰.

Посол султана Мурата Ахмет Ага в сопровождении такой внушительной охраны, возглавляемой Борятинским и Орловым, беспрепятственно прибыл речным путем из Азова до Воронежа до завершения осенней навигации. После отдыха в Воронеже уже по зимнему пути посол со свитой отправился в Москву. В Москве встречали турецкого посла 21 февраля 1632 г., «а встреча была послу

³⁵ Сведения о новом воеводе Саратова и о составе гарнизона в 1630 г., включая 456 человек «для острожного дела на время, покаместа острог сделают», см.: КР. Т. 2. СПб., 1855. Стб. 288. Этот дополнительный контингент находился в Саратове, по крайней мере, до 1633 г. включительно. В. А. Осипов ошибся в математических вычислениях, записав число 426 человек (надо 456 чел. — Я. Р.). См.: Осипов В. А. Указ. соч. С. 36.

³⁶ Славянская энциклопедия ... XVII век. Т. 1. М., 2004. С. 85.

³⁷ ДР. Т. 2. СПб., 1851. Стб. 847.

³⁸ Там же. Стб. 211.

³⁹ Там же. Стб. 241.

⁴⁰ Там же. Стб. 850—855.

ве встречали турецкого посла 21 февраля 1632 г., «а встречена была послу большая, дворяне и стольники и всяких чинов люди»⁴¹.

В 1632 г. началась Смоленская война России с Польшей, однако Г. Н. Орлов в ней не участвовал. Возможно, произошло простое совпадение, но 16 мая 1633 г. Григорий Орлов был назначен воеводой в далекую северную Мангазею, откуда отозван лишь 25 мая 1635 г. уже после окончания войны⁴².

Первым помощником нового воеводы в Мангазее был дьяк Василий Атарский⁴³. Московское правительство после конфликта в Мангазее воевод Андрея Палицына и Григория Кокорева, которым были даны неопределенные властные полномочия (так называемое Мангазейское сыскное дело), решило отныне посылать в этот город вместо второго воеводы дьяка. Приняв дела от прежних мангазейских воевод Василия Давыдова и Дмитрия Клокачева, Орлов оставался здесь два года. В состав гарнизона города входили сотник стрелецкий, 88 стрельцов, четыре человека черкас. Город имел довольно внушительный посад, где жили промышленные люди. Некоторые подробности пребывания Григория Орлова в Мангазее привел С. В. Бахрушин. Историк в ряде трудов описал жизнь в «златокипящей Мангазее» в этот период⁴⁴. К воеводе Григорию Орлову «били челом» промышленники, ходившие на промыслы из Мангазеи на Енисей и на Тунгуску, чтобы в тех местах, где есть пашенные угодные места, поселиться и завести пашню. Воевода Орлов и дьяк Атарский без государева указа не могли этого разрешить (опасно было пускать русских колонистов в «угодные соболиные места», откуда поступал в те годы в казну лучший соболь). Однако после возвращения в Москву, Григорий Орлов, выступая в качестве эксперта, дал довольно обстоятельные показания по этому вопросу. Он заявил в Казанском приказе, что зверя в том месте никакого нет (другие бывшие мангазейские воеводы Давыдов и Клокачев «отозвались неведением», боясь ответственности). Вскоре последовал указ об отводе этой земли под пашню (раньше хлеб привозили в Сибирь из центральных районов страны)⁴⁵.

В Мангазее мирские люди выбирали на год заказного целовальника, главной функцией которого был сбор денег с мирских людей на «государевы неокладные расходы». Григорий Орлов видел, что заказные целовальники эти деньги на всякие мирские расходы держали у себя, а не в съезжей избе. Орлов потребовал,

⁴¹ ДР. Т. 2. СПб., 1851. Стб. 250.

⁴² РБС Полоцова. Обезьянинов-Очкин. СПб., 1905. С. 354. Авторы Славянской энциклопедии оставили Орлова в Мангазее вплоть до 1640 г.

⁴³ См.: КР. Т. 2. Стб. 751. О воеводах в Мангазее до Г. Н. Орлова см.: КР. Т. 2. Стб. 690.

⁴⁴ См.: Бахрушин С. В. Научные труды: В 4 т. М., 1955. Т. 3.

⁴⁵ См.: Бахрушин С. В. Сибирские слободчики (из истории колонизации Сибири) // Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3. С. 216.

чтобы все денежные сборы отныне сосредотачивались в съезжей избе. Воевода установил жесткий контроль за расходованием мирских денег. Пытаясь пресечь расточительство и кумовство, Орлов решил взять все мирские сборы в свои руки. Теперь воевода сам распоряжался мирскими деньгами, которые по-прежнему собирали выборные целовальники, а затем приносили в съезжую избе, где записывали в приходные и расходные книги. Позднее Орлов «хвалился, что благодаря передаче денег в съезжую избе была достигнута громадная экономия». В дальнейшем правительство передало мирские сборы в таможенную избе, а не в съезжую, как того хотел воевода. Это указание привез в Мангазею новый воевода, прибывший на смену Орлову. Тем самым воевода ставился под контроль таможенного головы⁴⁶.

В 1634 г. Григорий Орлов перенес свою резиденцию из Мангазеи в Туруханское зимовье, где обычно проходили импровизированные ярмарки. Здесь постепенно выростала «новая Мангазея», которая поддерживала связь с Сибирью более удобной дорогой через Енисейск, а не через Тобольск. С. В. Бахрушин отмечал: «Еще в 30-х годах умный и вдумчивый (но не пользовавшийся почему-то доверием правительства) администратор, мангазейский воевода Гр. Н. Орлов пробовал было перенести воеводскую резиденцию на Турухан, и хотя его очень дельное и отлично мотивированное мнение по этому вопросу было отвергнуто в Москве, сама жизнь была сильнее царских указов»⁴⁷.

В 1635 г. в Мангазею прибыл новый воевода Борис Иванович Пушкин и дьяк Пятый Спиридонов. После передачи всех дел (передача прошла без особых эксцессов) Григорий Орлов уехал в Москву⁴⁸.

В 1638 г. Григорий Никитич участвовал в церемонии встречи крымского посла. Дворцовые разряды подробно описывают это событие, которое произошло 23 мая: «Указал государь встречать за Калужские ворота Крымского Бахты Гирея посла...». Возглавляли эту церемонию бояре А. А. Голицын, Б. М. Салтыков и окольный М. М. Салтыков. Вместе с Григорием Орловым здесь мы видим и другого бывшего саратовского воеводу, Ефима Мышецкого⁴⁹.

На следующий 1639 г. Григорию Орлову было поручено находиться «у Воския засеки» в Тульском уезде, для охраны южных границ от набегов крымцев.

⁴⁶ Бахрушин С. В. Мангазейская мирская община в XVII в. // Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3. С. 303–307, 325–326.

⁴⁷ Бахрушин С. В. Легенда о Василии Мангазейском // Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3. С. 339.

⁴⁸ КР. Т. 2. Стб. 830: «В Мангазее Григорей Никитин сын Орлов да дьяк Василий Айтарский, и Григорей и дьяк Василий отпущены к Москве, а в Мангазею послан Борис Иванов сын Пушкин да дьяк Пятый Спиридонов, а с ними сотник стрельцкий, 4 чел. Черкас, 88 чел. Стрельцов, всего всяких людей ... чел.».

⁴⁹ ДР. Т. 2. Стб. 575–578.

После Г.Н. Орлова в списке воевод на этой засеке указаны воеводы Иван Александрович Колтовский и Чегодай Васильевич Спешнев⁵⁰. Скорее всего, эти воеводы подчинялись Григорию Орлову.

Вскоре после этого назначения, в том же 1639 г., мы видим Григория Орлова снова воеводой в Саратове, где он сменил Ивана Федоровича Большого Шаховского⁵¹. Этот воевода, родовитый князь Рюрикович, не сумел предотвратить набег степняков к Саратову. Как пишет В. А. Осипов, «в 1638 году отряды крымцев и ногайцев численностью до 500 чел. прорвались под Саратов и захватили в плен около 30 чел. стрельцов, возвращавшихся из Москвы»⁵². Не связано ли назначение в Саратов Г. Н. Орлова с участвовавшими набегами кочевников на город? В 1640 г. Григорий Орлов продолжал оставаться воеводой в Саратове⁵³. Дальнейших сведений о нем пока не найдено, и год смерти его точно не известен, как неизвестен и состав его семьи.

Слуга польского короля Сигизмунда, получивший от него земельные пожалования, личный враг князя Дмитрия Пожарского, «приспешник московской Семибоярщины», спаситель от голодной смерти польского гарнизона Кремля и будущего царя Михаила Романова, воевода в Пельме, Саратове и Мангазее, московский дворянин, умный и вдумчивый администратор, Григорий Никитич Орлов являлся типичным представителем особого слоя служилых людей переходного времени, того слоя, который использовал в своих целях результаты лихолетья. По словам С. В. Бахрушина, таких людей «было много среди бывших тушинцев, всплывших на поверхность при новой династии».

Хочется надеяться, что эта первая попытка воссоздания биографии Г. Н. Орлова, жившего на переломном этапе отечественной истории, несмотря на отрывочность и фрагментарность приведенных сведений, заинтересует не только саратовских краеведов, но и всех, кому небезразлична история своей страны, вызовет интерес к событиям первой половины XVII в., периоду истории, на долгие годы определившему судьбу России.

⁵⁰ ДР. Т. 2. Стб. 610.

⁵¹ Там же. Стб. 616.

⁵² Осипов В. А. Указ. соч. С. 36.

⁵³ ДР. Т. 2. Стб. 640.

**АРМЯНСКАЯ ЦЕРКОВЬ
И РЕЛИГИОЗНЫЕ
ТРАДИЦИИ
АСТРАХАНСКИХ АРМЯН
В XVIII—XIX ВЕКАХ**

Прошло много столетий с тех пор, как первые армяне появились в России. Еще в 1045 г., как утверждает И. Саввинский, после завоевания Армении Византией и турками-сельджуками около 30 тыс. армян оставили свое отечество и переселились в Крым и юго-западную Русь¹. О них упоминается в грамотах XV столетия, а в конце XVI в. у них был уже в Москве свой гостиный двор. Царь Алексей Михайлович предоставил армянам многие льготы с целью развития в России, при их посредничестве, торговли с Востоком, а также шелководства и садоводства в Нижнем Поволжье². Таким образом, к началу XVIII в. в Российской империи уже проживало немалое количество армянского населения.

В дальнейшем, когда армянское купечество Новой Джульфы заключило торговый договор с российским правительством, Астрахань превратилась в узловой пункт армяно-русских торговых связей. Это обстоятельство содействовало развитию армянской колонии. Изданные в 1744 г. особые правила для астраханских армян особенно упрочили их положение в городе. По этому документу армяне получили возможность свободно прибывать в Россию для торговой деятельности, становясь временными подданными российской короны. Астраханские власти обязывались принимать их на жительство без обложения гильдейскими сборами. Те, кто не желал жить в России, по этим правилам, выпускались без задержания, а оставшиеся в стране получали права на осуществление судопроизводства по своим законам и обычаям, а также на свободное вероисповедание. Прибывшие в Россию армяне, кроме того, освобождались от всяческих служб и не несли никаких тяготей, в том числе от постоя. Поземельные деньги взыскивались по усмотрению Магистрата. Наконец, по распоряжению Мануфактур-коллегии армяне могли открывать фабрики и заводы без уплаты каких-либо пошлин в течение льготных лет³. Естественно, что такие благоприятные условия способствовали притоку армян в Астрахань. «Армяне составляют значительную часть настоящих жителей города Астрахани, — сообщала газета «Астраханские губернские ведомости» за

¹ См.: Саввинский И. Армяне в Астраханской епархии и отношение к ним местных архиереев в XVIII в. Астрахань, 1900. С. 15–16.

² См.: Небольсин П. Очерки волжского низовья. СПб., 1852. С. 34–35.

³ См.: Астраханские губернские ведомости. 1850. № 17.

1850 г., — в других местах губернии они не живут. Весьма вероятно, что все прибывающие в Астрахань Азиатские народы, в том числе и армяне, завлечены в нее торговлей»⁴. В начале XIX в. в Астрахани насчитывалось более 2,5 тыс. армян, а к середине века их было уже около пяти тысяч⁵. Они являлись полноправными членами общества, наделенными особыми привилегиями вплоть до 1836 г., когда был подписан указ, согласно которому армяне постепенно уравнивались в платеже государственных податей с прочим подданным населением империи.

Вышеприведенные факты дают нам основание полагать, что история астраханских армян занимает особое место в вопросе формирования русско-армянских отношений. Сегодня, когда в России, по некоторым данным, проживает около 2,5 млн армян, и помимо дружеских отношений они заводят с русским народом и родственные, думается, что освещение некоторых культурных и духовных моментов истории этого народа будет небесполезным для широкого круга людей, желающих составить представление о культуре своих ближайших соседей, а также для армян, интересующихся историей своего народа. Значительная часть армянского народа сохранила в Астрахани национальные обычаи и традиции, некоторые из которых дошли и до наших дней. В данной статье мы постараемся охарактеризовать обрядовые особенности астраханских армян XVIII–XIX вв. и сложившиеся веками традиции армян. Астрахань была центром церковной епархии всех армян России. В городе было пять армянских церквей: Пресвятой Богородицы, св. Погоса и Петроса, св. Екатерины, св. Григория Просветителя и Воскресения Христова. В связи с этим попытаемся также осветить вопрос о положении армянской церкви в Астрахани.

Армян можно назвать в числе первых христиан в г. Астрахани. Сначала у них была одна деревянная церковь, но когда именно она была сооружена и во имя какого святого неизвестно. По истечении довольно значительного времени, когда церковь была уже ветха, прихожане, предвидя ее разрушение, решили соорудить каменную. 1 июля 1706 г. армянский купец Богдан Богданов в прошении Петру I указывал, что в Астрахани есть деревянный армянский храм, «но та церковь ныне вельми ветха, а в Астрахани армянских жителей перед прежним умножилось»⁶. Богданов просил царского разрешения на постройку собора. Разрешение было дано незамедлительно. На основании указа Петра I от 9 июля 1706 г., направленного астраханскому наместнику Петру Хованскому, эта новая церковь, названная во имя Успения Пресвятой Богородицы, была освящена по армяно-григорианскому обряду первым епархиальным архиепископом Стефаном.

⁴ Астраханские губернские ведомости. 1847. № 21.

⁵ См.: Небольсин П. Указ. соч. С. 38.

⁶ Цит. по: Савинский И. Указ. соч. С. 53.

При ней находилось здание для жительства архиерея, консистория и семинария⁷. 9 июня 1763 г., по просьбе армянина Асатурова, ему было позволено выстроить вторую армянскую церковь во имя св. апостолов Петра и Павла. Храм был освящен в 1773 г. архиепископом Минасом. По своему размеру и архитектуре это была выдающаяся церковь. Внутри имелась старинная копия с картины Рафаэля «Снятие с креста»⁸. 15 сентября 1782 г. архиепископ Иосиф освятил в Астрахани церковь во имя св. великомученицы Екатерины, построенную на средства жены армянского полковника Дариджан Гузановой. При церкви находилось армянское кладбище, во дворе которого стояла часовня в честь Сошествия св. Духа. 18 ноября 1788 г. тот же архиепископ Иосиф освятил новую Кладбищенскую церковь в честь Воскресения Христова, построенную армянским дворянином Минасом Степановым-Диланчевым и его женой Анной Григорьевой. Во второй половине XIX в. эта церковь была разрушена, и недалеко от нее построили новую церковь Воскресения Христова на деньги, пожертвованные армянским обществом. Освящена была эта церковь армянским архиепископом Кеворком Веганпетьянц 6 июня 1871 г.⁹

В первой половине XIX в. в Астрахани был построен еще один армянский храм — церковь во имя св. Григория Просветителя. Ее закладка произошла 6 июля 1841 г. Средства на строительство были выделены купцом первой гильдии армянином Д. Г. Сергеевым и его сыном, почетным благотворителем армянского училища. К концу 1843 г. строительные работы завершились и 12 декабря 1843 г. архиепископ армяно-григорианской церкви Серафим совершил предварительный, перед освящением, обряд миропомазания образов, предназначенных для новой церкви. Через шесть дней, накануне дня освящения, Его Высокопреосвященство с прочим духовенством, собравшись в новом храме, по положению армяно-григорианской церкви, провел в честь Григория Просветителя Армении перед его образом вечернюю службу и всенощное бдение. Наконец, 19 декабря, в присутствии астраханского военного губернатора и других гостей, при большом скоплении народа, церковь была открыта. По окончании церемонии все почетные лица (около 200 человек) были приглашены на торжественный обед в дом Д. Сергеева. На следующий день в новом храме было совершено освящение купели, в которой должно было отправляться таинство крещения, после чего были накрыты обеденные столы для армян, не участвовавших в торжестве в первый день. На третий день Д. Сергеев завершил торжество угощением нищих¹⁰. Церковь выделялась красотой внутреннего убранства, богатством престола и иконо-

⁷ См.: Ольдекоп. Медико-топография города Астрахани. Астрахань, б.г. С. 323.

⁸ См.: Штылько А. Иллюстрированная Астрахань. Саратов, 1896. С. 74.

⁹ См.: Саввинский И. Указ. соч. С. 83.

¹⁰ См.: Астраханские губернские ведомости. 1844. № 2.

писи. Внутри храма в центре были развешаны в ряд пять больших посеребренных люстр. Показательно, что церковь св. Григория с иконостасом, серебряной утварью и прочими принадлежностями стояла купцу Г. Сергееву около 30 тыс. руб. серебром, что ярко иллюстрирует масштабы благотворительной деятельности астраханских армян в XIX веке.

Для подготовки своего духовенства астраханским армянам не хватало материальных средств, и какое-нибудь духовное лицо, собрав у себя несколько мальчиков, обучало их только практическим действиям, необходимым для богослужения. Специализированного же учебного заведения для подготовки священнослужителей вовсе не существовало. Такое положение сохранялось до 1810 г. Бывший в то время архиепископ Иоаннес при содействии граждан, в особенности ктитора церкви Сергея Бендерцова, первый положил начало учреждению в Астрахани духовного училища. Таким образом, развитие образования духовенства стало продвигаться вперед довольно быстро, но обстоятельства вскоре изменились: архиерей умер, а староста один по преклонности лет не был в состоянии управлять. В начале 1830-х гг. в управление епархией вступил архиепископ Серафим, человек хорошо образованный, знающий иностранные языки. По приезде в Астрахань он вскоре возобновил работу духовного училища, впоследствии преобразованного в семинарию. Однако вследствие некоторых неблагоприятных обстоятельств она была закрыта¹¹.

В конце 1850-х гг. архиепископом Астраханской епархии стал Матеос. Отчетливо осознавая необходимость улучшить образование подведомственного ему духовенства, но не имея в своем распоряжении необходимых средств, он обратился к армянскому обществу Астрахани, которое пожертвовало довольно значительную сумму. Эта сумма была потрачена на устройство трех новых классных комнат с мебелью и учебными пособиями и на содержание семинарии, утвержденной указом армяно-григорианского Синода от 26 декабря 1858 г. Число учеников в семинарии доходило до 60 человек, преподавателей было восемь. Управлялась она особым попечителем и классным надзирателем. В семинарии изучали несколько предметов: богословие, церковную и священную историю, русский и армянский языки, математику, географию, русскую и армянскую историю, церковное пение. Однако в 1864 г. армянская духовная семинария была окончательно закрыта из-за нехватки материальных средств¹².

Существование в Астрахани армянских церквей и свободного вероисповедания способствовало сохранению многих национальных обычаев и традиций, особенно религиозных обрядов. Хотя проживание среди другого народа со своими обычаями не могло не наложить отпечаток на обычаи армян, в частности, на

¹¹ См.: Астраханские губернские ведомости. 1863. № 20.

¹² См.: Астраханские епархиальные ведомости. 1894. № 12.

свадебную церемонию. В одном из номеров «Астраханских губернских ведомостей» за 1838 г. нами было обнаружено любопытное описание армянской свадьбы в Астрахани. В напечатанной там статье отмечалось: «Армянин астраханский, как и мы, образованные европейцы, не женится наобум или наудачу, что ныне в обыкновении между магометанами или как поступали предки наши, славяне, во времена прауродителей. Он избирает себе супругу по сердцу и достоинству, впрочем, с известным, как водится, расчетом, взять себе суженую и с красивым лицом и с полным карманом»¹³. В этой связи можно согласиться с мнением Г. Гмелина о том, что армянская свадьба в Астрахани имела совсем другой вид, нежели в Персии, в Турции или в самой Армении¹⁴.

В XVIII–XIX вв. свадебному обряду были свойственные следующие черты. Сватовство у астраханских армян происходило так же, как и у русских, через посредство свах — «хнамахос». Хнамахос или родственники жениха делали предложение родителям избираемой им невесты. Когда последние давали свое согласие на брак, то мать или ближайшая родственница жениха приходила в дом невесты, одаривала ее перстнем или деньгами в знак того, что условие не должно быть нарушено. В простонародном армянском языке это называлось «верге» (татарское слово, означающее задаток)¹⁵. После этого родителями жениха и невесты назначался день обручения, которое совершалось чаще всего вечером. Жених в сопровождении посаженного отца, шафера и многочисленных гостей направлялся вечером в дом невесты. Впереди процессии шли армянские певцы со своими музыкальными инструментами. За ними шел человек, несущий на голове большой четырехугольный поднос, на который ставили две бутылки хорошей водки, а между ними стояла серебряная бутылка с розовой водой, которой окрапывали гостей. Около бутылок по всему подносу раскладывали разные плоды и закуски. У армян это называлось гонча (подарок; татарское слово «гонча» означает иногда бутон цветка, нераскрывшийся цветок)¹⁶. Края подноса облепляли многочисленными горящими восковыми свечами. Жених шел в самой середине процессии, в которой все держали в руках горящие восковые свечи¹⁷. В доме невесты жениха встречали ее родственники с музыкой и зажженными свечами. После взаимных приветствий посреди комнаты ставился стол, вокруг которого священник в полном облачении, сняв с рук жениха и невесты кольца, совершал обручение с обычным чтением молитв, употребляемых в подобных случаях. Со-

¹³ Астраханские епархиальные ведомости. 1838. № 37.

¹⁴ См.: Гмелин Г. Путешествие по России для исследования трех царств природы. СПб., 1777. Ч. 2. С. 208.

¹⁵ См.: Астраханские губернские ведомости. 1838. № 37.

¹⁶ Там же.

¹⁷ См.: Гмелин Г. Указ. соч. С. 210.

вершив обручение, священник благословлял жениха и невесту и возвращал им кольца. В конце этой церемонии гостям подносили по рюмке сладкой водки, по куску сахара и раздавали конфеты или другие закуски¹⁸. Вечером в день свадьбы приглашенные гости собирались в доме жениха. Там священник в присутствии посаженного отца и шафера благословлял брачную одежду жениха, который и сам при этом присутствовал. Одевшись в благословенное платье, жених вместе с некоторыми из родственников и гостей отправлялся в дом невесты. Здесь священник также благословлял брачную одежду невесты, после чего все присутствующие прикладывались к кресту и клали на поднос в пользу церкви по серебряной монете. Между тем как гостей занимали угощением, подруги и ближайшие родственницы одевали невесту. Голову невесты накрывали флеровой вуалью, что служило признаком невинности и девической робости. Отец невесты или ближайший из родных, взяв новобрачную за руку, вручал ее жениху и, благословив обоих, отправлял в церковь. При венчании в церкви на шею супругов священник надевал шелковые ленты, скреплял их концы воском и ставил на них печать церковным крестом. С этими лентами новобрачные уезжали домой и в течение трех дней их должны были сторожить, невесту — ее подруги, мужа — его ближайшие знакомые, так, чтобы супруги могли беседовать друг с другом только в присутствии этой стражи. По истечении трехдневного срока, когда к жениху из дома невесты отправляли приданое, священник снимал с новобрачных ленты, а с невесты сбрасывал вуаль, только после чего они вступали в свои супружеские права. Рубашка новобрачной — шабик — показывалась только ближайшим родственникам¹⁹. Таким образом, в обряде заключения брака с небольшими изменениями сохранялись армянские традиции и обряды.

Обряд крещения совершался армянами только до обеда, в церкви. На него приглашались восприемники, только мужчины, остальных гостей приглашали домой. Если крестили мальчика, то гостям посылали вместе с приглашением несколько зерен кардамона, а если девочку — два вызолоченных мускатных ореха²⁰. Значение этого обычая не известно. В обряде похорон не было практически ничего, что сильно отличало бы его от православного. Хотя Ольдекоп отмечает, что был обычай вести за гробом в погребальной процессии, если покойник был богат и знатен, богато убранных лошадей, украшенных драгоценными коврами²¹. Скорее всего, этот обычай был распространен среди армян, переселившихся с турецких и персидских земель. Во время траура женщины надевали черное платье и белые платки на голову. Мужчины до сорока дней отращивали бороду. В

¹⁸ См.: Ольдекоп. Указ. соч. С. 401.

¹⁹ См.: Небольсин П. Указ. соч. С. 49—50.

²⁰ См.: Ольдекоп. Указ. соч. С. 400.

²¹ Там же.

день Преображения, который был у армян переходящим и праздновался каждый год по разным числам, был веселый обычай опрыскивать друг друга водой. Делалось это в шутку, ради потехи, и совершенно неожиданно: из окон, из-за угла, при встречах между собой и т.п.

Таким образом, ознакомившись с некоторыми обычаями астраханских армян XVIII–XIX вв., необходимо констатировать, что они, сохранив в некоторой степени национальный колорит, заимствовали что-то и от обычаев тех народов, среди которых жили тогда. Можно заметить совпадение с русскими обычаями, некоторые обряды получили свои названия от татарских слов, а армяне, бежавшие с турецких и персидских земель, принесли с собой некоторые обычаи восточных соседей. Но как бы то ни было, находясь вдалеке от своей исторической родины, благодаря благосклонному отношению к ним гостеприимного населения Астрахани, армяне сумели сохранить национальные традиции, верования, свои исторические корни.

**СКЛАДЫВАНИЕ ГРУППЫ
САМАРО-САРАТОВСКИХ
БАШКИР И ЕЕ ТЕРРИТОРИИ
В СТЕПНОМ ЗАВОЛЖЬЕ
(конец XVIII — середина XIX века)**

Этническая картина Степного Заволжья, занимающего южные районы Самарской и восточную половину Саратовской областей, кардинально изменилась и сложилась заново в ходе освоения в составе России, начавшегося с середины XVIII в. В заселении территорий, лежащих к югу от р. Самары, наряду с представителями других народов приняли участие и башкиры. Специалисты называют здешних башкир по протекающим тут степным рекам иргизско-камеликскими¹. Их земли в современных Самарской и Саратовской областях являются самыми западными, где компактно проживает башкирское население. Определенная изоляция этой группы башкир наложила свой отпечаток на ее облик. На нем также сказались особенности процесса ее формирования. Нашей целью являлась историческая реконструкция указанного процесса, занявшего период конца XVIII — середины XIX века.

Высказанные в этнографической литературе предположения о начале сложения этой группы башкир еще с XVI в.² не имеют прямого подтверждения в письменных источниках и не соответствуют реальной обстановке, сложившейся в XVII—XVIII вв., когда степи к югу от р. Самары оказались под контролем более многочисленных калмыков. Представить на занятых ими землях обширный район постоянного обитания или регулярных кочевок башкир невозможно до 1771 г., когда основная масса калмыков ушла за российские пределы в Джунгарию. Лишь время от времени здесь могли являться поодиночке или в малом числе скотоводы и охотники основной территории Башкирии.

То обстоятельство, что на реки Иргиз и Камелик, а далее на Чжи и Узени башкиры продвинулись именно XVIII в., было замечено Р. Г. Кузеевым и осторожно обозначено им как «возвращение» на земли, где в древности кочевали предки. Но тот же автор на других страницах своей работы, противореча сказанному выше, пишет о наличии многочисленных групп башкир в южных за-

¹ См., например: *Кузеев Р. Г.* Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: Этногенетический взгляд на историю. М., 1992.

² См.: *Степанов П. Д.* Этнографическое изучение южной группы башкир в Саратовской и Куйбышевской областях. Итоги историко-этнографической экспедиции 1938 г. // Советская этнография. М.; Л., 1940. С. 212.

вожских степях в течение XVII—XVIII вв. и полагает, что изоляция иргизско-камеликских башкир сложилась в результате «обтекания» мест давнего обитания новыми переселенцами в XIX в. Допущены и фактические ошибки. Так, выселение башкир с Узень и Чижей неправильно отнесено к 1911–1913 гг.³

В отличие от ряда этнографов формирование куста башкирских поселков на юго-востоке современной Самарской области местный краевед, опираясь на архивные данные, представляет более точно: «... Башкиры переселились ... в конце XVIII века. В 1804 году их здесь насчитывалось всего 125 семейств. Поселившись по Иргизу, они затеяли тяжбу о владении землей, пастбищами, рыбными ловлями с соляными возчиками-украинцами слобод Пестровка и Порубежка. Наиболее древнее селение — деревня Муратшино — возникло в 1797 году ... Часть башкир осела здесь в 30-х годах XIX века, прибыв из Белебеевокого уезда Уфимской губернии, другие в 1866–1868 годы перекочевали с берегов реки Чижи (Узень) Новоузенского уезда. До сих пор различают “старых” (XVIII век) и “новых” башкир (XIX век) ... Деревни Кочкиновка, Утекаевка, Имилеевка и Муратшино Имилеевской волости основали “старые” башкиры, Денгизбаево, Хасьяново, Кинзягулово и Таш-Кустьяново — “новые”. В настоящее время деревни Муратшино и Таш-Кустьяново входят в состав Большеглушицкого, остальные — Большечерниговского района»⁴. Две главных этапных даты, 1797 г. и 1865–1868 гг., в переселении башкир на степные территории бывшего Николаевского уезда Самарской губернии подтверждают статистики прошлого века⁵.

Противоречия в литературе, созданной уже после завершения формирования рассматриваемой группы башкирского населения, заставляют обратиться к источникам, возникшим в первой половине XIX в. Среди них первостепенными по значению следует признать два. Официальная политика властей раскрывается в деле, возникшем по докладу комиссии генерал-майора Черкасова и полковника Бутовского (1834–1839), который вызвал возражение со стороны В. А. Перовского в рапорте военному министру от 29 мая 1840 г. с предложением особого «Мнения Оренбургского генерал-губернатора о заключении Комиссии, Высочайше утвержденной для размежевания Саратовских башкир, Букуевских киргиз и Уральских казаков ...»⁶. Наблюдения очевидца и современника отражены в очерке «Башкирцы», написанном в августе 1854 г. казачьим офицером и истори-

³ См.: Кузев Р. Г. Указ. соч. С. 256–257.

⁴ Руслев П. Я. Земля Глушицкая. Куйбышев, 1989. С. 15–16.

⁵ См.: Список населенных мест Самарской губернии, по сведениям 1889 года. Самара, 1890. С. XV.

⁶ НА РГО, ф. 2, оп. 1, д. 187, лл. 243–321 об.

ком Иосафам Игнатьевичем Железновым, хорошо знавшим по делам службы состояние дел в Башкирском отделении Уральского войска в середине XIX в.

«Первоначальное поселение их на настоящей земле, носящей название "Башкирское Отделение", — замечает Железнов, — завелось с разрешения и утверждения Правительства в конце прошедшего или в начале нынешнего столетия. Так, по крайней мере, говорят старожилы, помнящие времена переселения; но и письменных документов нет, да и быть не может в Отделении у такого народа, каковы Башкирцы, боящиеся, как чумы, всякой формальной письменности». Кроме рассказов очевидцев о переселении, он отметил в башкирских преданиях и более древний пласт: «По преданию Башкирцев, знакомство их с этими землями современно построению г. Уфы. Когда строилась Уфа, и когда в окрестностях ее стали селиться Русские и другие народы, Башкирцам сделалось тесно тут ... а потому, ища добычи, они ходили за ней за пределы своих владений и таким образом постепенно углублялись на юго-запад, к вершинам рр. Иргиза, Каралка и Камелика ... Охотясь за зверьями, Башкирцы проводили большую часть года в этой стране ... представлявшей все выгоды кочевой и свободной жизни ... Башкирцам-звероловам и, вместе с тем, скотоводам, разумеется, места полюбились»⁷. Таким образом, подтверждая в своих записях старинное знакомство башкир с рассматриваемыми местами, Железнов среди старожиллов встретил только переселенцев, пришедших на рубеже XVIII—XIX вв., а потому однозначно отнес как раз к этому времени начало складывания здешнего башкирского населения, в чем с ним нельзя не согласиться.

Башкиры расселились в степи на 400 верст от верховьев Иргиза до Узеней и Камыш-Самарских озер. При этом начались конфликты как с другим потоком переселенцев, состоявшим из русских, украинцев и других оседлых земледельческих народов, так и со старинными обитателями края — уральскими казаками.

Конфликт башкир с казаками принял острые формы, но сравнительно быстро был разрешен. Об этом пишет Железнов: «... Они вторглись, в двадцатых годах нынешнего столетия, в земли Уральских казаков около Камыш-Самарских озер, где текут реки Большой и Малый Узени, принадлежащие Уральцам. Здесь Башкирцы построили было уже землянки и сколотили из досок мечеть. Остались бы они тут навсегда, если бы атаман Уральских казаков, Д. М. Бородин, не понял намерения их ... велел сказать Башкирцам, чтобы они убирались в свои края; но когда они не послушались, он прогнал их вооруженной силой»⁸.

В спорах с пришлыми русскими крестьянами и украинскими чумаками до применения силы не доходило, но зато судебная тяжба затянулась не на одно

⁷ Железнов И. И. Уральцы. Очерки быта уральских казаков // Полное собрание сочинений: В 3 т. Т. 1. СПб., 1888. С. 213—256.

⁸ Там же.

десятилетие. Во время проведения генерального межевания в 1806 г. башкиры подали землемерам претензии на «Приузенские, Чижинские и Иргизские земли» тогдашней Саратовской губернии. В доказательство своих прав башкиры стали предъявлять вотчинные грамоты разных царей на владение землей, которые оказались не относящимися к делу, поскольку касались совсем иных территорий.

Дело шло по инстанциям. Сначала Оренбургская межевая контора (1825 г.), затем столичная канцелярия (1826 г.), наконец, Межевой департамент правительствующего Сената (1831 г.) отвергли законность башкирских земельных претензий, но «в уважении долговременного жительства их на сих землях и неудобности переселения башкир в отдаленные вотчины» сочли возможным наделить их частью спорной земли из расчета 26 десятин на душу мужского пола. Для сравнения укажем, что русский крестьянин-переселенец мог получить максимум 15 дес., украинский солевозчик — 30 десятин.

Первоначально речь шла о наделении землей 762 душ мужского пола. К 1840 г. численность башкир в заволжской степи возросла до 1790 душ мужского пола, включая 11 семей присоединившихся к ним каракалпаков.

Другим предметом спора стало место земельного отвода. Сенат поддержал предложение саратовского губернатора Белякова, выдвинутое еще в 1806 г., чтобы расселить башкир «на вершинах Иргиза и Каралыка». Башкиры же просили ввести отвод при уже существующих местах жительства, в том числе при Чижам и Узенях, упирая прежде всего на то, что они повсеместно переходят к земледелию и оседлости. Как свидетельствует Железнов, «следуя примеру Русских, они и сами начали строить деревни и в них мечети, в той уверенности, что из оседлых мест выгнать их будет трудно, и что земля, таким, образом, незаметно останутся и укрепятся за ним»⁹.

Расчет поначалу казался верным. На сторону башкир Степного Заволжья склонился оренбургский генерал-губернатор П. П. Сухтелен, при котором в 1832 г. они были перечислены из девятого кантона войска Башкирского в Уральское казачье войско. По роду и месту новой службы башкиры получили дополнительные основания для закрепления за собой занятых степных земель. В 1834 г. император Николай I утвердил решение комитета министров о временной передаче во владение каждому существующему башкирскому зимовью по 10 тыс. десятин. Комиссия Черкасова—Бутовского в 1839 г. сочла за лучшее оставить за башкирами земли по Чижам и другим южным степным речкам, считая в тягость переселение всех на Иргиз и Каралык.

Именно в тот момент, когда удовлетворение просьб башкир казалось уже близким, с резкими возражениями выступил новый оренбургский генерал-губернатор В. А. Петровский, потребовавший перевода башкир на север занятой

⁹ Железнов И. И. Указ. соч. С. 213.

ими территории, т.е. на Камелик и верховья Иргиза. Тогда такой вывод не был осуществлен, но и добиться окончательного утверждения за собой земель близ своих зимовий-деревень на юге Степного Заволжья башкирам не удалось. Оба главных аргумента башкир в земельном споре — оседлость и служба — оказались под серьезным сомнением.

Сельскохозяйственные занятия самих башкир, как правило, ограничивались кошением нескольких стогов сена для двух-трех коней и коров. Остальной скот находился круглый год в поле и добывал зимой корм из-под снега, иногда погибая от бескормицы. Посевы обычно составляли одну-две десятины проса. Луга и земли при этом вовсе не лежали втуне, но приносили пользу не башкирам. Многие русские крестьяне разбогатели на аренде башкирских земель, некоторые сделались купцами. Башкиры сдавали земли «самым глупым образом, за бесценок». Крестьяне их распахивали, вводили скот на правильном содержании, перепродавали участки из полученного или сдавали в субаренду за гораздо большую плату.

В 1841 г. управляющим отделения стал войсковой старшина Е. М. Матвеев. С разрешения властей он установил правильную, законную отдачу башкирских земель в аренду. За десять лет из сборов за отводимые в пользование крестьян земли скопилось в башкирском отделении до 40 тыс. рублей серебром.

Среди башкир выделялись своим достатком Акировы, одним из источников которого стало серьезное занятие хлебопашеством. У Акировых одних имелись волю, на которых распахивали землю. Прочие башкиры не умели обращаться с плугом или сохой, а распахку производили наймом крестьян. Вначале плата работникам была самой незначительной. Крестьяне-соседи часто работали даже не за деньги, а за предоставление им в пользование башкирских лошадей во время обмолота. Однако в середине XIX в. работников уже нанимали за довольно высокую плату. Уборка хлеба также делалась через наем, отчего свой хлеб стал обходиться башкирам не дешевле купленного.

На всю башкирскую деревню приходилось две-три косы, которыми жители пользовались поочередно. В основном сено заготавливали опять-таки руками крестьян. Первоначально последние соглашались на получение малой доли из накопленного. В 1850-е гг. крестьяне нанимались на сенокос исполу, но и то редко, предпочитая арендовать луга за дешевую плату, свозя все сено на свои дворы или на продажу.

В конце 1830-х гг. отмечалось, что деревни заволжских башкир «состоят из ветхих и в беспорядке разбросанных не столько изб, сколько землянок и иных разного рода хозяйственных обзаведений которые почти все покрыты сеном, соломою или вовсе без кровель с земляными насыпями, и весьма редкие из них крыты тесом или камышом». Только в четырех поселках из 27 имелись хорошие дворы, купленные готовыми у русских крестьян, причем принадлежали они не

простым, «но главным и самым богатым лицам ... именно большею частию чиновникам Акировым».

Положение в 1850-е гг. изменилось мало. По описанию очевидцев, «больше чем три четверти домов и две мечети построены из дерна и из воздушного кирпича; остальные дома и мечети деревянные. Но вообще все строения в Башкирском Отделении отличаются бедностью, безвкусицей и неудобством, исключая домов некоторых чиновников». Железнов писал: «Башкирцы Уральского Отделения принадлежат к оседлым народам, но стоящая жизнь их чуть ли не кочевая, а ежели и не так, то, положительно можно назвать, полукочевая. Зимой они, правда, живут в избах, но лишь только настанет весна, как, бросая дома, выбираются в поле; под открытое небо, на чистый воздух ... Зиму они проводят в сырых, холодных дерновых или глиняных избах; избы эти большею частию бывают без печей, с одним только горном, на котором они варят пищу и под которым в золе пекут из пресного теста лепешки ... Деревни башкирские только славу занимают, что деревни, а на самом деле они, за исключением двух-трех, нисколько не похожи на деревни: это не больше, не меньше, как кучи дерна, разбросанные как попало, в величайшем беспорядке, без улиц, без дворов, без ворот ... Даже самые мечети, кроме двух (в деревнях Муратиной и Максютовой), не что иное, как невысокие срубы, покрытые дерном»¹⁰.

«Ни торговля, и никакое ремесло им совершенно не знакомы», — добавлял он. Исключением во всем отделении были один печник и один серебряник. Сапожным ремеслом занимались некоторые женщины. Башкиры недостаточно владели навыками плотницкого дела, им приходилось обращаться за помощью к русским крестьянам.

Оседлое хозяйство степных заволжских башкир не смогло за короткий срок приблизиться к уровню русских и украинских соседей. Обширные угодья, предоставленные башкирам, реально переходили в другие руки. Это видело правительство, нуждавшееся в пополнении фонда казенных земель в Заволжье для увеличения доходов от аренды и под переселения государственных крестьян.

В отчете комиссии действительного статского советника Райского, направленной в заволжские Николаевский и Новоузенский уезды Саратовской губернии (1843 г.), те территории, на которые претендовали башкиры, именовались уже «так называемыми Башкирскими землями». Они занимали свыше 650 тыс. дес., в том числе 440 тыс. дес. угодий, удобных для сельскохозяйственного освоения. На них, по подсчетам комиссии, можно было водворить более 34 тыс. душ мужского пола переселенцев из числа государственных крестьян. Между тем в 1846 г. во всем Башкирском отделении Уральского войска числилось 2382 душ мужского по-

¹⁰ Железнов И. И. Указ. соч. С. 256.

ла, 2507 женщин, а всего 4889 душ обоего пола. В 1850-е гг. численность их мужского населения превысила 2500 душ¹¹.

Все меньше учитывалась властями служба башкир, поскольку ее объем был не очень велик. Считаясь казаками Уральского войска, башкиры не пользовались его правами, но зато и не несли обязанностей настоящих уральцев. Единственной их службой были наряды в г. Уральск для городских работ и для усиления иногда местной полиции. Наряд длился с мая по октябрь и выпадал каждому башкиру только раз в четыре-пять лет. Кроме того, башкиры содержали в трех-четырех пунктах своего отделения пикеты, где круглый год жили от пяти до десяти человек и отправляли гоньбу подвод и почты.

Судьба значительной части земель, занятых башкирами на рубеже XVIII–XIX вв., была предрешена. Когда в 1863 г. башкиры перестали считаться военным сословием, то из южного Новоузенского уезда их переселили в Николаевский к одноплеменникам на берега Иргиза, Каралыка и Камелика. Это не означало ни ликвидации, ни заметного стеснения сферы обитания самых западных башкир России. Оставленные за ними угодья в целом соответствовали хозяйственным потребностям имевшихся налицо жителей.

Две волости, населенные башкирами в Николаевском уезде, были составлены в основном по национальному признаку. За исключением небольших крестьянских хуторов башкирскими были все селения Имилеевской волости на Иргизе, Каралыке и Глушице. Подавляющее большинство селений Кузьябаевской волости на Камелике, Таловой и Челыкле также были башкирскими. Именно в башкирских населенных пунктах располагалась тамошняя волостная администрация. Во всех башкирских деревнях имелись мечети.

Фактически в рамках обычного для России волостного самоуправления башкирам Николаевского уезда предоставлялась определенная национально-культурная автономия. Историческая возможность сохранить культуру и самосознание, развить их наряду с хозяйственной жизнью была реализована иргизско-камеликскими башкирами во второй половине XIX–XX вв., но это уже является темой отдельных исследований.

¹¹ См.: НА РГО, ф. 2, оп. 1, д. 187, л. 29; ОР РНБ, ф. 608 (Помяловский), л. 136, т. 1, л. 26 об., РГВИА, ф. 381, оп. 2, д. 523, л. 117 об.

М. В. Бульчев

ТОРГОВЛЯ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Увеличение товарности сельского хозяйства, связанное с этим быстрое распространение агропромышленности, динамичное развитие промыслов и в первую очередь астраханского рыбного, углубление территориального разделения труда, происходившие как следствие роста емкости внутреннего и внешнего рынков России, оказывали благотворное влияние на торговлю всей России и отдельных ее регионов, в том числе Нижнего Поволжья.

Изучение истории торговли России позволило исследователям выявить главные закономерности ее развития, хотя многочисленные частные аспекты еще не раскрыты. Ощутимый вклад в данную проблему внесла М. К. Рожкова, которая, изучая внутреннюю торговлю России в последние предреформенные десятилетия, пришла к выводу, что если в центре страны, в ее более развитых районах ярмарочная торговля постепенно уступала место стационарной, то в отстающих в социально-экономическом отношении окраинных регионах торговля в сфере ярмарок росла и развивалась¹. Несколько иной точки зрения придерживается Б. Н. Миронов. Используя широкий круг источников и применяя к ним количественный метод анализа, он пришел к выводу, что различные формы торговли развивались параллельно, не подавляя, а дополняя друг друга². Однако, сравнивая отдельные экономические районы страны, автор выявляет, по существу, ту же закономерность: там, где промышленная специализация выражалась сильнее, где более развивалась городская жизнь, там плотность сети ярмарочной и базарной торговли была ниже, а плотность сети стационарной торговли — выше³. В этом плане интересным представляется особое положение Юго-Восточного района (в который Б. Н. Миронов включает и Астраханскую губернию), занимавшего, наравне с Новороссийским, первое место в ряду районов по высокому уровню развития как ярмарочной, так и стационарной торговли. Б. Н. Миронов

¹ См.: Рожкова М. К. К вопросу о значении ярмарок во внутренней торговле дореформенной России (первая половина XIX в.) // Исторические записки. 1955. № 54. С. 298–314; Она же. Внутренняя торговля во второй трети XIX в. // Очерки экономической истории России первой половины XIX в. М., 1959. С. 251–253.

² См.: Миронов Б. Н. Внутренний рынок России во второй половине XVIII — первой половине XIX в. Л., 1981. С. 82.

³ Там же. С. 80.

причину этого явления видит в одновременном влиянии двух факторов — внешней торговли и земледельческой специализации⁴.

На наш взгляд, в отношении отдельно взятой Астраханской губернии это определение будет не совсем верным. «Земледельческой специализации» в Астраханской губернии не было, а наблюдалась довольно высокая специализация в рыбной промышленности, продукция которой реализовывалась не столько через местные ярмарки, сколько посредством торговой сети крупных поволжских городов, в первую очередь самой Астрахани и Саратова. Точно так же продукция другой важнейшей отрасли хозяйства Астраханской губернии — скотоводства — распространялась через взаимосвязанную, разветвленную сеть ярмарок и базаров всего Нижнего Поволжья. Поэтому будет правильнее распространить влияние двух факторов, выделяемых Б. Н. Мироновым, на все Нижнее Поволжье, как целостный регион, с его земледельческо-скотоводческой специализацией и крупнейшими портами — Астраханью и Саратовом с их развитой стационарной торговлей и тесным контактом, посредством транзита и поставок местной продукции (прежде всего саратовской пшеницы и астраханских рыбных товаров), с внешним рынком.

Основным источником, позволяющим определить количество ярмарок, рост их числа и примерные объемы торговли, являются отчеты губернаторов. С 1842 г. к ним прилагались ведомости о числе ярмарок и количестве привезенных и проданных товаров на каждой в денежном выражении. Этот источник, как и многие другие в отчетах губернаторов, не может считаться абсолютно точным. Однако взятые на протяжении десятилетий однородные сведения дают возможность показать примерный объем ярмарочной торговли и направление ее эволюции (табл. 1).

Таблица 1

Ярмарочная торговля Нижнего Поволжья в 40–50-х гг. XIX века

Годы	В среднем ежегодно	
	ярмарок	проданных товаров, тыс. руб. сер.
1842–1846	119	2761
1847–1851	158	2577
1852–1854	184	2680
1859–1861	258	3913

Примечание. Сост. по данным отчетов астраханского, саратовского и самарского губернаторов за 1842–1861 гг., хранящихся в РГИА, ф. 1281, оп. 4, 5, 6; ф. 1263, оп. 1.

⁴ См.: Миронов Б. Н. Указ. соч. С. 81.

Сравнение данных о количестве ярмарок, помещенных в табл. 1, с более ранними сведениями показывает, что на протяжении всей первой половины XIX в. сеть ярмарок в Нижнем Поволжье непрерывно росла, неуклонно распространяясь с северо-запада на юг и юго-восток, на вновь осваиваемые территории.

Интересным источником, позволяющим судить о состоянии ярмарок Саратовской губернии в начале XIX в., является рукопись под названием «Топографическое и историческое описание Саратовской губернии», хранящаяся в отделе рукописей Российской государственной библиотеки⁵. По данным этого описания, в губернии насчитывалось 30 ярмарок, причем 16 из них приходились на наиболее заселенные Кузнецкий, Сердобский и Балашовский уезды. В Петровском, Вольском, Хвалынском, Камышинском уездах сеть ярмарок была более редкой. Не было их в Саратовском уезде (сказывалась близость губернского центра с его тремя ярмарками). На территории самого обширного уезда Правобережья действовала лишь одна ярмарка в г. Аткарске. Еще не появились они и в самом южном Царицынском уезде. В соседней Астраханской губернии на протяжении всей первой четверти XIX в. ярмарок вообще не было⁶. Первая ярмарка там открылась лишь в 1825 г. в г. Черный Яр⁷. Вместо ярмарок основу торговой сети по уездам региона, как это выяснил П. Г. Любомиров, составляли еженедельные базары⁸. Довольно развитая, замкнутая цепь базаров в Сердобском и Кузнецком уездах отмечается уже описанием Саратовского наместничества 1782 г.⁹. В основном как сельские, так и городские ярмарки начала XIX в. были незначительными и по оборотам торговли, и по количеству участников. Ассортимент товаров большинства ярмарок был еще не широк и ориентировался на скромные потребности крестьян, горожан и в меньшей степени на запросы провинциального дворянства. Разницы в товарах на некоторых ярмарках, по сравнению с базарами, почти не было. Наиболее значительными в этот период были осенняя Введенская ярмарка в Саратове и Покровская в с. Беково Сердобского уезда. Покровская ярмарка, продолжавшаяся неделю, собирала, помимо местных, торговцев из соседних губерний: с «красным товаром» и фруктами — пензенских и кирсановских, с изделиями из серебра и донскими винами — тамбовских и воронежских. Продавались и многие другие товары: железные изделия, чай, сахар, а также скот, птица, шерсть, холст и прочее. Наплыв народа был так

⁵ См.: Булычев М. В. Динамика торговли в Саратовском Поволжье в первой половине XIX в. // Саратовский краеведческий сборник. Саратов, 2009. Вып. 4. С. 35.

⁶ РГБ, ф. 178, ед. хр. 9149, л. 16 об.—35.

⁷ См.: Карагодин А. И. К истории торговли Астраханского края: конец XVIII — первая половина XIX века // Известия Сев.-Кавказ. науч. центра высшей школы. Сер. Обществен. науки. 1976. № 2. С. 80—87.

⁸ См.: Любомиров П. Г. Хозяйство Нижнего Поволжья в начале XIX века. Саратов, 1928. С. 69—70.

⁹ См.: Саратовские губернские ведомости. 1860. № 2—7.

также скот, птица, шерсть, холст и прочее. Наплыв народа был так велик, что 200 дворов села не могли вместить всех прибывших, поэтому часть торговцев и покупателей размещалась в поставленных палатках или просто в своих телегах¹⁰.

По мере того, как заселялись и включались в сферу влияния внутреннего рынка новые территории, расширялась и ярмарочная сеть. В 1842–1846 гг. в Нижнем Поволжье было уже 119 ярмарок, в 1859–1861 гг. — 258 (см. табл. 1). Как видим, за первую половину XIX в. густота торговой ярмарочной сети увеличилась в 8,6 раза, тогда как в целом по стране — в 1,4 раза¹¹. Выросли и обороты ярмарок. К сожалению, в моем распоряжении нет достоверных данных об оборотах ярмарочной торговли региона в начале XIX в. В 1842–46 гг. на ярмарках Нижнего Поволжья, по данным официальной статистики, в среднем ежегодно продавалось товаров на 2761 тыс. руб., а в 1859–61 гг. — уже на 3913 тыс. руб.¹².

Особенно быстро развивалась ярмарочная торговля в Заволжье. В начале столетия ее здесь еще не было, а в 1844 г. в Николаевском, Новоузенском, Царевском уездах функционировали 24 ярмарки, или 20,7% ярмарок всего Нижневолжского региона, а на их долю приходилось 13,5% всего товарного оборота¹³. В 1861 г. численность ярмарок здесь возросла до 89 (или 34,5% всех ярмарок), а оборот — до 29,3%. Происходило экстенсивное расширение рынка путем вовлечения в торговый оборот новых осваиваемых районов обширного степного Заволжья.

Аналогичные явления наблюдались и на Правобережье. В Камышинском, Царицынском и Саратовском уездах в 1861 г. находилось от трех до семи сельских ярмарок и по две-три городских. Особенно заметными были перемены в Аткарском уезде, где помимо двух городских значилось 24 сельские ярмарки¹⁴. Наблюдалось и интенсивное развитие путем увеличения плотности всех форм торговли, в первую очередь ярмарочной. Плотность ярмарочной сети на уже освоенных территориях Саратовского Правобережья за первую половину столетия значительно изменилась: в Сердобском уезде (здесь и далее с учетом города) в 1,7 раза, Балаповском — 2, Кузнецком — 3,2, Хвалынском — 3,3, Петровском — семь. Такие же изменения происходили и в Астраханской губернии. Теперь уже ярмарки, а не базары составляли основу периодической формы торговли.

Опережающие темпы роста ярмарок, по сравнению с общероссийскими, лишь отчасти объясняются тем, что регион на данном этапе еще продолжал за-

¹⁰ РГБ, ф. 68, ед. хр. 229, л. 209.

¹¹ См.: Миров Б. Н. Указ. соч. С. 61.

¹² См. табл. 1.

¹³ РГИА, ф. 1281, оп. 4, 1845 г., д. 17, л. 131 об.—133 об. (подсчет процентов мой. — М. Б.).

¹⁴ РГИА, ф. 1281, оп. 6, 1862 г., д. 53, л. 194—196 об.

селяться¹⁵. Необходимо учитывать и динамичное развитие экономики обеих губерний. В процессе складывания единого всероссийского рынка и углубления территориального разделения труда специализация отдельных районов и целых регионов укрепляла торговые межрегиональные связи. Эта закономерность распространялась и на Нижнее Поволжье.

Большинство ярмарок и в середине XIX в. были мелкими и обслуживали окрестные селения. Некоторые из них в отдельные годы вообще не открывались из-за отсутствия торговцев. Так, в 1861 г. не было съезда на 11 из 42 ярмарок Николаевского уезда и на трех из 23 — Новоузенского уезда¹⁶. Из года в год не собирались ярмарки в калмыцких улусах, как отмечали власти «по нежеланию самих калмыков». Действительная причина была иной. Калмыцкие кочевья были крупными поставщиками скота на рынок и потребителями различных промышленных товаров. Упадок ярмарок в улусах объяснялся тем, что назначены они были в неудобном месте и в неудобное время, когда действовали крупные ярмарки в пределах Донской области¹⁷.

Значение некоторых выходило за пределы уезда или даже губернии. Крупнейшей ярмаркой Правобережья оставалась Покровская в с. Беково Сердобского уезда. В 1861 г. на нее было привезено товаров на 600 тыс. руб. (13,8% стоимости представленных товаров на всех ярмарках Саратовской губернии), а продано на 398 тыс. руб. (18,9% всех проданных ярмарочных товаров губернии). На юге Правобережья с ней была сопоставима по значимости лишь Троицкая ярмарка в посаде Дубовка, проходившая с 10 мая по 10 июня (соответственно 22,6 и 15,6% всех привезенных и проданных товаров по губернии)¹⁸. О значении этой ярмарки свидетельствует тот факт, что по величине ярмарочной торговли посад опережал не только уездный Царицын, но и губернский Саратов. По сведениям Д. Л. Мордовцева, ярмарочные обороты посада Дубовки, городов Царицына и Саратова с конца 1840-х по 1850-е гг. имели следующий вид: посад Дубовка — 683 тыс. руб., Царицын — 221 тыс. руб. и Саратов — 308 тыс. руб.¹⁹ Как видно, обороты ярмарки Дубовского посада почти втрое превосходили обороты трех ярмарок Царицына и более чем в два раза обороты трех ярмарок Саратова. Дубовская Троицкая ярмарка имела особое значение в торговле региона. На ней продавались товары, которые являлись важнейшими частями транзитной торговли посада: хлеб, изделия из

¹⁵ См.: Булычев М. В. Крестьянская колонизация Саратовского края в конце XVIII — первой половине XIX века и ее последствия. Саратов, 2004.

¹⁶ РГИА, ф. 1281, оп. 6, 1862 г., д. 50, л. 148—152 об.

¹⁷ ГААО, ф. 2, оп. 2, д. 264, л. 32, ф. 794, оп. 1, д. 943, л. 49.

¹⁸ РГИА, ф. 1281, оп. 6, 1862 г., д. 53, л. 195, 196 (подсчет процентов мой. — М. Б.).

¹⁹ См.: Мордовцев Д. Л. Значение ярмарок для Саратовской губернии // Саратовские губернские ведомости. 1857. 16 марта.

транзитной торговли посада: хлеб, изделия из железа, коровье масло, лес и изделия из дерева, промышленные товары. Даже в неблагоприятном для торговли 1848 г. из общего привоза товаров на сумму 453 тыс. руб. было продано на 255 тыс. руб.²⁰ В отдельные годы обороты ярмарки превышали 1,5 млн руб. В период ее работы сюда стекались жители соседней Области войска Донского. Здесь можно было встретить купцов из Персии и с Северного Кавказа. Сюда съезжались калмыки, татары и казахи для закупки хлеба, кирпичного чая, курительного табака, разнообразных промышленных изделий²¹. Большое значение Троицкая ярмарка имела для крестьян, о чем говорят сроки ее проведения. Крестьяне приобретали на лето сельскохозяйственные орудия, изделия промышленности, а нередко и хлеб, так как их запасы выходили за зиму и весну. Просохшие после весенней распутицы грунтовые дороги также способствовали проведению ярмарки. Товары с дубовской ярмарки расходились по многим сельским ярмаркам юга губернии и Войска Донского.

В Заволжье наиболее известной считалась Покровская ярмарка в г. Новоузенске, продолжавшаяся с 1 октября в течение двух недель и специализировавшаяся на торговле скотом, который пригоняли жители Новоузенского, Николаевского, Царевского уездов, казахи Внутренней орды, казаки Уральского войска. В город стекалось до 780 торговцев, 4000 крестьян и до 9500 казахов. Многие горожане промышляли обслуживанием съехавшихся продавцов и покупателей. На период торгов открывались гостиница, 37 харчевен, до 50 постоянных дворов, сдавались внаем квартиры. Производились оптовые закупки гуртов скота для отправки в Петербург, Москву, многие губернские города²². В 1861 г. сумма представленных на Покровской ярмарке товаров составила 723 тыс. руб., а проданных — 347 тыс. руб. (соответственно 13 и 25,3% товаров всех ярмарок трех заволжских уездов)²³. Не менее знаменитой была ярмарка в ставке хана Внутренней орды, куда для закупки скота и лошадей съезжались купцы из многих губерний России. В середине 40-х гг. XIX в. оборот этой ярмарки составлял 1–2 млн руб.

Ассортимент товаров постепенно расширялся и видоизменялся. На большинстве городских ярмарок, кроме специализированных, главными предметами торговли становились промышленные товары, привозимые из центральных губерний, Нижегородской и других крупных ярмарок, а продажа продовольствия — менее

²⁰ ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 761, л. 18.

²¹ См.: Терещенко А. Царицын и Дубовский посад. СПб., 1848. С. 19.

²² См.: Самарские губернские ведомости. 1852. 9 августа.

²³ РГИА, ф. 1281, оп. 6, 1862 г., д. 50, л. 8, 142 об. (подсчет процентов мой. — М.Б.).

значительной²⁴. Так, на наиболее крупной ярмарке Саратова — Введенской, доля проданных съестных припасов в 1847 г. составляла менее 11% общей суммы реализованных товаров²⁵. На сельских ярмарках и многочисленных базарах, которые успешно дополняли и уплотняли сеть периодической торговли, в основном продавались хлеб, скот, овощи, различные «крестьянские» товары²⁶.

Наряду с периодической торговлей в Нижнем Поволжье, как и в целом по России, развивалась стационарная форма торговли в виде постоянно действующих гостиных дворов, торговых рядов, магазинов, лавок, лабазов и прочих торговых точек. Эта форма торговли имела распространение главным образом в городах. Повышение значения стационарной торговли проявилось в увеличении численности постоянных торговых заведений, а также населенных пунктов с постоянной торговлей. В начале XIX в. в Саратовской губернии сфера деятельности стационарной торговли охватывала лишь 6 городов и посад²⁷. К 1833 г. уже во всех городских поселениях существовала лавочная торговля²⁸. Всего за 10 лет — с 1838 г. по 1847 г. количество лавок в городах Нижнего Поволжья возросло с 1942 до 2498²⁹. Однако степень этого роста в разных торговых центрах была неодинаковой.

Губернские города Нижнего Поволжья являлись крупными складочными местами для товаров, обращавшихся на внутреннем рынке страны, известными транзитными центрами. Астрахань, кроме того, издавна имела постоянные внешнеторговые связи. Поэтому в коммерческой жизни этих городов стационарная торговля играла важную роль. В Астрахани постоянная торговля имела прочные позиции уже в XVIII в. и обслуживала не только город, но и всю южную часть губернии, где ярмарочной торговли не было вообще³⁰. Быстро увеличивалось количество торговых заведений и в Саратове³¹. С 40-х гг. XIX в. здесь наблюдается тенденция вытеснения ярмарочной торговли стационарной, что было замече-

²⁴ Военно-статистическое обозрение Российской империи. СПб., 1852. Т. V, ч. 4. С. 156–157; РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1259, л. 3; д. 1271, л. 3; д. 1320, л. 3 об.; д. 1349, л. 4; д. 1389, л. 3.

²⁵ Подробнее о саратовских ярмарках см.: Булычев М. В. Динамика торговли в Саратовском Поволжье в первой половине XIX в. С. 35–40.

²⁶ Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. V, ч. 4. С. 157.

²⁷ РГБ ОР, ф. 68, ед. хр. 229, л. 53 об.—228.

²⁸ Обозрение состояния городов Российской империи в 1833 году. СПб., 1834. С. 40–41.

²⁹ Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи. СПб., 1840. С. 2, 3, 34, 35; Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи. СПб., 1852. С. 2, 3, 34, 35.

³⁰ См.: Карагодин А. И. Указ. соч. С. 83.

³¹ Более подробно об этом см.: Саратовский крытый рынок. Очерки истории. Саратов, 2006. С. 11–31.

но и местной администрацией. «Ярмарочная торговля падает там, где развивается постоянная торговля. В особенности это заметно в Саратове», — отмечалось в отчете губернатора за 1861 г.³²

Торговля находилась в основном в руках купечества. Однако определить количество и состав торговцев простым подсчетом численности купцов нельзя. Местные власти отмечали, что мещане часто записываются в купеческое сословие не для торговли, а чтобы воспользоваться льготами, предоставляемыми купеческим званием³³. Это отчасти объясняет значительный количественный рост купцов третьей гильдии. Многие купцы, используя наемную рабочую силу, занимались товарным земледелием или скотоводством на покупных и арендованных землях. Большинство русских купцов Астраханской губернии было занято в рыбной промышленности. Ведущую же роль в астраханской городской и губернской торговле играли армяне, персы, хивинцы³⁴, многие из которых не были записаны в гильдии и поэтому не сковывались в своей коммерческой инициативе жесткими требованиями гильдейских правил. Представляет интерес социальная принадлежность лиц, обеспечивавших торговлю в Саратове, который в качестве крупного центра торговли был более типичен для Поволжья, нежели Астрахань.

Достоверные сведения о составе торговцев и производимой ими торговле можно почерпнуть в документах, отложившихся в фонде городской думы. Список купцов, составленный в 1826 г., содержит сведения о 248 лицах и их занятиях³⁵. Из них к первой гильдии принадлежал лишь один, ко второй — 12. Все они поставляли и продавали оптом и в розницу хлеб (в восьми случаях из 13), рыбу, скот. Большая часть купцов третьей гильдии торговала той же продукцией, но в меньших размерах, а некоторые также галантерейными, мануфактурными, москательными товарами. 65 купцов этой гильдии в торговле не участвовали, а являлись судовладельцами, держателями гостиниц, трактиров и питейных домов, хозяевами промышленных предприятий или занимались ремеслами, меной денег, подрядами на работы.

Более подробные сведения сообщает отчет генеральной поверки торговли Саратова за 1860 г., где указаны фамилии и звания торговцев, количество принадлежавших им магазинов, лавок, лабазов и иных торговых заведений, каким товаром и на какую сумму производится торговля³⁶. По-прежнему, численность купцов первой и второй гильдий, участвовавших в городской торговле, была не-

³² РГИА, ф. 1281, оп. 6, 1862 г., л. 53, л. 21 об., 22.

³³ Там же. Л. 8 об.

³⁴ По подсчетам А. И. Карагодина, собственно астраханскому купечеству принадлежало в Астрахани всего лишь 23% всех торговых помещений. См.: Карагодин А. И. Указ. соч. С. 81.

³⁵ См.: ГАСО, ф. 3, оп. 1, л. 1356.

³⁶ Там же. Д. 3546, лл. 26 об.—113.

велика. Два купца первой гильдии и восемь второй владели 19 магазинами, торговыми пристанями, лабазами, лавками, в которых было товаров на 77 тыс. руб. По сравнению с 1826 г. заметно расширился ассортимент товаров. Наряду с традиционными — солью, рыбой, лесом, мануфактурой — появились книги, обои, заграничные вина, дамская обувь и многое другое.

Основной фигурой в торговле Саратова, как и прежде, оставался купец третьей гильдии. В 1860 г. насчитывалось 159 таких купцов, которым принадлежали 197 магазинов с общей суммой товаров более чем на 486 тыс. руб. Ассортимент товаров, как и у оптовиков, стал более разнообразным — от той же соли, рыбы до дамских модных костюмов в магазинах Э. Сервые и С. М. Сапожникова, канцелярских товаров, хрустальной и фарфоровой посуды в лавках А. М. Рыбакина и детских игрушек в лавке М. С. Овчинникова.

Определенное место в городской торговле занимали мещане. В 1825 г. в Саратовскую городскую думу поступили прошения от 117 мещан с просьбой выдать им свидетельства на право торговать³⁷. В списке 1860 г. упомянуто 287 мещан. В их собственности были 291 лавки, шкафы, столы, полоки. Они производили в основном мелочную торговлю овощами, рыбой, крестьянской одеждой и обувью, игольными, кожевенными и другими товарами на сумму около 82 тыс. руб.

Участником торговли в городах, в том числе и губернских, являлось и крестьянство. В 1825 г. в Саратовскую городскую думу обратились 127 крестьян за разрешением торговать в городе и его уезде³⁸. Более половины (76) прошений принадлежали крестьянам Нижегородской, Владимирской, Костромской, Вятской и иных губерний, причем 30 человек из этой группы желали получить свидетельства первого и второго рода, дающие право на оптовую торговлю. Возможно, значительная часть этих крестьян ограничивалась распродажей товаров на ярмарках и базарах города и уезда. Впрочем, некоторые из них, разбогатев, записывались в купечество, как, например, бывший крепостной из Владимирской губернии, а впоследствии саратовский городской голова Д. М. Вакуров³⁹. По мере развития в Саратове постоянной торговли и упадка ярмарочной деятельности торгующего крестьянства сократилось. Позиции их в стационарной торговле были скромными. В список 1860 г. включены фамилии лишь 18 крестьян, продававших в 20 лавках, полоках товар на 30 тыс. руб. В основном это были немцы-колонисты, торговавшие табаком и сарпинкой.

³⁷ См.: ГАСО, ф. 3, оп. 1, л. 1304.

³⁸ Там же. Д. 1303.

³⁹ Булычев М., Максимов Е. Купцы Вакуровы // Степные просторы. 1995. № 4–5. С. 26–30.

Несколько иным был состав торговцев в сельской местности. Здесь активную роль играло купечество третьей гильдии и торгующее крестьянство⁴⁰, которое в ряде случаев потеснило купечество. В депеше министру финансов в 1825 г. астраханский губернатор сетует, что торгующие крестьяне «служат ... не последней причиною к расстройству русского астраханского купечества». И далее замечает, что покупкой мелких партий рыбы и перепродажей их оптовикам занимаются большей частью именно торговые крестьяне, которые, обходя законы по уплате пошлин, при меньших затратах капитала добиваются таких же результатов, как и купцы⁴¹. Мелкие торговцы — купцы и крестьяне продавали на сельских ярмарках и базарах в основном предметы крестьянского спроса: изделия из железа, деготь, веревки и прочее⁴².

Количество торговых свидетельств, выдаваемых крестьянам, было сравнительно невелико. В Саратовской губернии в 1845 г. таких свидетельств было выдано 214⁴³, в Астраханской в 1853 г. — 23⁴⁴. Однако, как верно отметил А. И. Карагодин, необходимо учитывать, что большинство крестьян вело торговлю вообще без официальных на то разрешений⁴⁵. К аналогичным выводам по Саратову пришла Т. В. Широкова⁴⁶.

Наряду с периодической формой торговли в уездах была широко распространена непериодическая — развозно-разносная торговля в лице многочисленных офеней, коробейников и других. Активное внедрение товарно-денежных отношений в деревню способствовало росту потребностей сельского населения. В свою очередь, повышение спроса создавало благоприятные условия развития ввиду отсутствия постоянных торговых заведений, как ярмарочной, так и развозно-разносной формам торговли. В Саратовской губернии торговлей вразвоз занималось преимущественно татары (известные под названием тархан, тарханщиков), которые, закупив в городах или на уездных ярмарках небольшие партии мануфактурных и галантерейных товаров, распродала их, переезжая или переходя из селения в селение, за деньги или в обмен на продукты сельского хозяйства. Конкурировали с ними рязанские цыгане и ярославские коробейники⁴⁷.

⁴⁰ См.: Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. V, ч. 4. С. 156.

⁴¹ ГААО, ф. 1, оп. 5, д. 353, лл. 13 об., 14.

⁴² См.: Сельскохозяйственная статистика Саратовской губернии. СПб., 1859. С. 257.

⁴³ ГАСО, ф. 407, оп. 2, д. 1897, л. 104.

⁴⁴ См.: Карагодин А. И. Указ. соч. С. 82.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ См.: Широкова Т. В. Крестьянская торговля в Саратове во второй четверти XIX века // Проблемы истории Саратовского края и документальное наследие. Саратов, 2006. С. 274–279.

⁴⁷ См.: Сельскохозяйственная статистика Саратовской губернии. С. 257.

Рассматривая вопрос о степени участия в торговле представителей различных сословных групп, необходимо учитывать, что само по себе деление торговцев на купцов, мещан, крестьян во многом условно. Нередко лица одного сословия являлись на деле лишь агентами, приказчиками коммерсантов иной сословной принадлежности. Это характерно главным образом в отношении торгующих крестьян. Но были примеры и другого рода. Так, в 1826 г. в Саратовскую городскую думу поступило прошение на получение торгового свидетельства второго рода суздальского мещанина Алексея Голицына, являвшегося приказчиком Лариона Удина, крепостного крестьянина гр. Шереметева из Шуйского уезда⁴⁸.

Таким образом, развитие товарного рынка Нижнего Поволжья протекало в разных направлениях. Происходило экстенсивное территориальное расширение рынка путем освоения и вовлечения в экономический и торговый оборот новых земель. Наблюдалось и интенсивное развитие за счет увеличения плотности ярмарочной, разносной и прогрессирующего роста стационарной торговли, хозяйственной специализации отдельных районов.

В процессе складывания единого всероссийского рынка и углубления территориального разделения труда укреплялись торговые межрегиональные связи. Эта закономерность распространялась и на Нижнее Поволжье. Современники, посещавшие Нижнее Поволжье, единодушно отмечали обширнейшие связи этого региона, в первую очередь самих губернских городов со многими областями страны. «При встрече с здешним кругом, — сообщал об Астрахани И. Н. Берзин, — вас поражает разнородие его: один приехал из Олонедка, другой из Харькова, третий из Тобольска, четвертый из Петербурга; одним словом — все приехали откуда-нибудь»⁴⁹. Описывая торговлю Саратова, Я. В. Сабуров отмечал: «Мало городов в России, которые бы совокупляли столько торговых выгод по местоположению как Саратов... Рынок Саратова завален железом, получаемым из Сибири, лесом из Вятки, пшеницею от немцев, скотом, салом и шерстью от киргизцев и калмыков. Прибавьте к тому благоденствия природы: всякого рода рыбу, доставленную Волгою, и соль из заволжских соляных озер...»⁵⁰.

Одним из основных предметов торговли Нижнего Поволжья с другими регионами становится хлеб. В начале 80-х гг. XVIII в. даже из Хвалынска и Вольска, то есть самых северных волжских городов Нижнего Поволжья, хлеб шел на продажу преимущественно на юг этого же региона. Так, вольские купцы отправляли его вверх по Волге — до 3 тыс. четвертей, но в основном в Астра-

⁴⁸ ГАСО, ф. 3, оп. 1, д. 1303, л. 239.

⁴⁹ Берзин И. Н. Путевые впечатления // Москвитянин. 1844. Ч. 4, № 8. С. 384.

⁵⁰ Сабуров Я. В. Поездка в Саратов, Астрахань и на Кавказ // Московский наблюдатель. 1835. Ч. 2. С. 179.

хань — до 100 тыс. четвертей хлеба, 5 тыс. четвертей овса и 2,5 тыс. четвертей пшеничных круп⁵¹. В первой половине XIX в. определяются устойчивые направления хлебной торговли, растут ее объемы. По-прежнему обеспечивалась хлебом южная часть Астраханской губернии. Сюда в начале 1850-х гг. из Саратовской губернии ежегодно отправлялось до 300 тыс. четвертей ржи. Через Дубовку переправлялось на Дон в Ростов до 30 тыс. четвертей ржаной муки и 40 тыс. четвертей ржи. Кроме того, из Саратовской губернии осуществлялись большие казенные поставки для левого и правого флангов Кавказской армии — до 415 тыс. четвертей муки, овса. Но в связи с ростом потребности в зерне центрально-промышленного региона России основной поток хлеба, преимущественно пшеницы, стал теперь поступать с Нижнего Поволжья вверх по Волге, до Рыбинска и далее до Москвы и Петербурга. В этом направлении отгружалось до 350 тыс. четвертей пшеницы и до 50 тыс. четвертей других хлебов⁵². Возможно, на корректировку направления хлебной торговли региона повлияло и то, что перегрузки в Дубовке и Качалине повышали цену товара, и ему трудно стало конкурировать с растущим зерновым потоком из заселяемых губерний Новороссии. Это направление оставалось выгодным лишь в те годы, когда в южных провинциях был неурожай и цены на хлеб увеличивались. Из северо-западной части губернии хлеб обозами отправлялся к Моршанской пристани для дальнейшего сплава в те же Рыбинск и Москву. В середине 1850-х гг. в этом направлении вывозилось до 6 млн пудов ржаной муки, до 7 млн пудов пшеницы, по 1,5 млн пудов овса и гречневых круп. Значительная часть товарного хлеба поступала вверх по Волге из завожских Николаевского и Новоузенского уездов. В 1856 г. только с трех пристаней — Балаковской, Екатерининштадтской и Покровской было вывезено более 4 млн пудов пшеницы⁵³.

Хлебная торговля почти целиком находилась в руках скупщиков, получавших зерно от крестьян по низким ценам. Крестьяне вынуждены были идти на это вследствие необходимости уплаты податей или оброка, из-за незнания конъюнктуры, материальной зависимости от скупщика, трудности доставки хлеба на выгодные рынки. Частично хлеб скупался на сельских ярмарках и базарах. Большие партии закупались в помещичьих имениях, где скупщики выговаривали себе выгодную доставку приобретенного товара до места складирования, так как труд крепостных возчиков не принимался в расчет⁵⁴. В свою очередь, мелкие скупщики перепродавали хлеб купцам-оптовикам. Во второй половине 1850-х гг. из-

⁵¹ РГБ ОР, ф. 68, ед. хр. 68, л. 107–113.

⁵² См.: Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. V, ч. 4. С. 156.

⁵³ См.: Мордовцев Д. А. О важности соединения Среднего Поволжья с центром России и южными морями. Саратов, 1857. С. 9, 12.

⁵⁴ См.: Мордовцев Д. А. Картины судоходства по Медведице и Дону // Памятная книжка Саратовской губернии на 1859 год. Саратов, 1859. С. 12–14.

вестными поставщиками хлеба являлись саратовские купцы А. Л. Мордовцев, Г. Н. Зайцев, Д. И. Удалов, вольские купцы — городской голова А. А. Брюханов, Е. Ф. Курсаков и некоторые другие, имевшие миллионные капиталы. Так, торговый оборот вольских купцов в селе Балаково, являвшимся в 50-х гг. центром пшеничной торговли трех уездов, достигал 10 млн руб.⁵⁵

Часть пшеницы поступала на внешние рынки через порты Азовского моря и Петербург⁵⁶. Дешевизна хлеба, удобства его вывоза привлекали в Саратовскую губернию капиталы некоторых заграничных торговых домов, обосновавшихся в Новороссийском крае. Посредством своих агентов и местных комиссионеров ежегодно скупались большие партии хлеба для отправки его через черноморские порты за границу⁵⁷. В 50-х гг. XIX в. самые большие сплавы хлебов по Хопру и Медведице производили торговые дома Ралли, Скараманги и К°, Мариолаки и К°, имевшие обширные коммерческие сношения со многими городами Европы⁵⁸.

Другим по значительности товаром, традиционно поступающим на всероссийский рынок из Нижнего Поволжья, являлась рыба. Со второй половины XVIII в. центр рыбного промысла размещался в дельте Волги и северной части Каспийского моря⁵⁹. По официальным данным, из Астрахани в конце 40-х — начале 50-х гг. XIX в. ежегодно отправлялось в Саратов, Казань, Нижний Новгород, другие волжские города рыбы и рыбопродуктов на 2,5–3 млн руб. и за границу рыбного клея до 800 пуд. на 35 тыс. руб. сер.⁶⁰ По неофициальным, но, как отмечалось в отчете астраханского губернатора за 1851 г., «более близким к истине сведениям», улов всех астраханских рыбопромышленников определялся в 8 млн руб. сер.⁶¹ Некоторые представители астраханского и саратовского купечества наживали на продаже рыбы миллионные состояния, как, например, известный на всей Волге купеческий дом Сапожниковых, состояние которых в середине 1850-х гг., по мнению современников, оценивалось в 6 млн руб. сер.⁶²

⁵⁵ См.: Костомаров Н. Поездка в г. Вольск // Памятная книжка Саратовской губернии на 1859 год. Саратов, 1859. Отд. III. С. 97.

⁵⁶ Так, саратовская пшеница мягких сортов (русская, гирка) через порты Азовского моря отправлялась в Лондон, Ливерпуль, Марсель и другие города Англии и Франции. См.: Сельскохозяйственная статистика Саратовской губернии. С. 115.

⁵⁷ РГИА, ф. 1281, оп. 6, 1862 г., д. 53, л. 10 об.

⁵⁸ См.: Сельскохозяйственная статистика Саратовской губернии. С. 46; Мордовцев Д. А. О важности соединения Саратовского Поволжья с центром России и южными морями. С. 21.

⁵⁹ Более подробно о рыбном промысле см.: Булячев М. В. Борьба за каспийские рыбные промыслы в первой половине XIX века // Поволжский край. Вып. 11. Саратов, 2000. С. 106–118.

⁶⁰ См.: Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. V, ч. 5. СПб., 1852. С. 145.

⁶¹ См.: РГИА, ф. 1281, оп. 6, 1852 г., д. 55 а, л. 81.

⁶² См.: Костомаров Н. Указ. соч. С. 96.

Одним из важнейших предметов торговли, занимавшим едва ли не третье место после продажи хлеба и рыбы, была эльтонская соль. Доходы, получаемые от ее реализации, давно привлекали внимание купечества, но особенно с середины 30-х гг. XIX в., когда основная торговля казенной солью (свыше 90% всей торговли Эльтонского озера в 1840—1841 гг.) начала производиться непосредственно из запасов, хранящихся при озере. Представители крупного купечества, воспользовавшись тем, что подряды большого количества фур для перевозки соли к Волге были недоступны средним и мелким торговцам, монополизировали оптовые закупки. Из донесения смотрителя Эльтонского озера Астраханской казенной палате видно, что почти вся соль выбора 1857 г. взята от озера купцами: саратовскими второй гильдии Аносовым, третьей гильдии Китаевым и Медведевым и камышинским второй гильдии Ковалевым⁶³. Оптовая торговля солью росла, приобретая огромные размеры. Если за семилетие с 1834 по 1840 гг. из запасов Эльтонского озера было продано 18 млн пудов⁶⁴, то с 1851 по 1857 гг. уже свыше 37 млн пудов⁶⁵. Сосредоточив оптовые закупки эльтонской казенной соли в своих руках, купцы получали возможность для извлечения сверхприбыли, произвольно устанавливая цены для мелочной продажи (тем самым разоряя конкурентов и держа в зависимости розничных торговцев солью) и понижая расценки за перевоз соли⁶⁶.

Кроме хлеба, рыбы и соли Нижнее Поволжье поставляло на всероссийский рынок продукцию животноводства: скот, кожи, сало, шерсть. Увеличились к середине XIX в. поставки льняного и конопляного семени, табака, бахчевых культур, ряда других товаров сельского хозяйства и агроперерабатывающей промышленности. В 1858 г. только из Саратовской губернии было вывезено 500 тыс. пудов сала, 80 тыс. пудов шерсти мериносовых и 60 тыс. пудов русских овец, до 3 млн пудов льняного и конопляного семени, до 600 тыс. пудов табака⁶⁷.

В то же время Нижнее Поволжье было потребителем промышленных товаров центра России, железа и изделий из него Урала и Западной Сибири, леса и лесных изделий Пермской, Вятской и Костромской губерний. К середине XIX в. Нижнее Поволжье, связанное разнообразными торговыми узами с центром страны и другими регионами стало важным экономическим районом.

Выгодное географическое положение позволило Нижнему Поволжью занять видное место во внешней торговле Российской империи с Ираном и государствами Средней Азии. Большинство внешнеторговых связей Нижнего Поволжья

⁶³ См.: Астраханские губернские ведомости. 1858. 14 февраля.

⁶⁴ См.: ГАСО, ф. 421, оп. 2, д. 49, л. 17.

⁶⁵ См.: Астраханские губернские ведомости. 1858. 14 февраля.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ См.: ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 1408, л. 4об.—5.

велось через Астрахань, издавна являвшуюся важным торговым и транзитным пунктом, связывавшим российский рынок со странами Среднего Востока⁶⁸.

В течение всей первой половины XIX в. азиатский экспорт составлял сравнительно небольшую часть всей торговли России. Тем не менее, для России азиатский рынок приобретал все большее значение как рынок сбыта изделий русской промышленности, особенно текстильной, составлявшей большую часть русского экспорта на Восток⁶⁹.

Присоединение к России Грузии и Северного Азербайджана расширило торговые связи с Ираном и примыкающими территориями Азиатской Турции. Ввиду того, что русская буржуазия в Причерноморье и Приазовье в 1820-х гг. была еще очень слаба⁷⁰, для освоения новых кавказских рынков и расширения старых связей с Ираном русское купечество использовало старинный и более удобный торговый путь по Волге и Каспийскому морю. Торговля с Ираном велась в основном через порты южного побережья Каспия — Энзели, Мешеддер, Астрабадский залив или через Баку, куда стекалось для торговли купечество со всего Закавказья и Ирана. С Ираном велась и сухопутная торговля через Кизляр⁷¹, однако она была незначительной и не оказывала заметного влияния на состояние внешней торговли.

В течение первой четверти XIX в. при общем росте азиатской торговли динамичнее всего развивались торговые связи с Ираном и отчасти с Турцией⁷² по Каспийскому морю и кавказской границе. В 1802 г. вывоз русских товаров в эти страны составил всего 3,3% русского экспорта в Азию. Гюлистанский мирный договор 1813 г. как бы заложил юридические основы для развития экономических связей между Россией и Ираном⁷³, создал благоприятные возможности развития торговых связей для обеих сторон. В 1827 г. вывоз по Каспию и кав-

⁶⁸ См.: *Рябцев А. Л.* Роль Ирана в восточной торговле России в XVIII веке. М., 2002. С. 8–55.

⁶⁹ См.: *Рожкова М. К.* Из истории торговли России со Средней Азией в 60-х годах XIX в. // *Исторические записки.* 1960. № 67. С. 190.

⁷⁰ См.: *Фадеев А. В.* Социально-экономические предпосылки внешней политики царизма в период «восточного кризиса» 20-х годов XIX века // *Исторические записки.* 1955. № 54. С. 338.

⁷¹ РГБ ОР, ф. 256, ед. хр. 428, л. 148–158; *Соколов А. П.* Астрахань в прошлом и настоящем // *Журнал министерства внутренних дел.* 1845. Ч. XII. С. 366.

⁷² Используемые автором источники не позволяют рассмотреть отдельно торговлю с каждой из этих стран.

⁷³ Купцы обеих стран получали равные права свободной торговли, устанавливалось свободное плавание по Каспийскому морю, устанавливалась предельная 5%-ная пошлина с объявленной цены. Впрочем, последний пункт не соблюдался до 1822 г., так как практически действовал старый астраханский тариф 1755 г., по которому со всех товаров, за исключением шелка-сырца, брались 23% пошлины в таможнях и портах Каспийского моря.

казской границе составил уже 30,4% от общего экспорта в Азию⁷⁴. Победоносная война с Ираном и заключение в 1828 г. Туркманчайского договора поставили русское купечество в особо благоприятные условия, способствовали расширению потока русских товаров на иранский рынок. В 1829 г. вывоз в Иран и Азиатскую Турцию составил 39,7% русского экспорта в Азию⁷⁵. Но расцвет русской, в том числе астраханской, торговли с Ираном оказался кратковременным⁷⁶.

Наводнение Северного Ирана в 30-х гг. XIX в. дешевыми изделиями английской промышленности поставило внешнюю торговлю Нижнего Поволжья в тяжелое положение. Значительно сократившаяся русская торговля ограничивалась в основном прикаспийскими провинциями Ирана. Выход из сложной ситуации решался путем переориентации в 30–50-х гг. XIX в. всей азиатской торговли на Казахстан и Китай. Экономические же отношения со среднеазиатскими ханствами в этот период находились в застое, что также подрывало внешнюю торговлю Астрахани, имевшую традиционную связь с ними.

Торговые отношения Астрахани в Средней Азии поддерживались в основном с Хивой и в незначительной степени с Бухарой и кочевавшими по восточному побережью Каспия казахами. Торговля велась через Тюк-Караганскую пристань на западной оконечности Мангышлакского полуострова и Ново-Александровское укрепление в заливе Катдаг. В Ново-Александровском укреплении производился лишь незначительный меновой торг с кочующими поблизости казахами. От Тюк-Караганской пристани в 1840–50-х гг. ежегодно, с доставкой сюда товаров с Нижегородской ярмарки, отправлялся в Хиву караван, состоявший из 500 верблюдов. В обратном направлении обычно уходили один-два каравана в 700 верблюдов⁷⁷. К этому же времени относятся попытки завязать торговые отношения с туркменскими племенами. В конце 1834 г. астраханский купец второй гильдии А. Герасимов заключил с одним из туркменских феодалов Кият-ханом договор, по которому туркмены обязывались ловить для Герасимова рыбу в обмен на товары. Герасимов был первым русским купцом, всту-

⁷⁴ См.: Рожкова М. К. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX века и русская буржуазия. М., 1949. С. 37, 66.

⁷⁵ Там же. С. 66.

⁷⁶ Указом 8 октября 1821 г. льготный 5%-ный тариф был распространен на западноевропейские товары, вывозившиеся в Закавказье и беспоплинный транзит их в Иран. Это вызвало огромный поток западных товаров через Редут-Кале на Черном море в Закавказье и далее — в Иран. Среди транзитных товаров особое место занимали хлопчатобумажные и шерстяные ткани. Это подрывало позиции русских фабрикантов, связанных с иранским рынком. В 1831 г. транзит европейских товаров через Редут-Кале был отменен, пошлины на европейские товары были повышены. Но позиции западноевропейских товаров на иранском рынке уже упрочились, они бесперебойно теперь поступали в Персию через Трапезунд.

⁷⁷ Соколов А. П. Указ. соч. С. 366, 367.

пившим в прямую торговую связь с туркменами, населявшими юго-восточный берег Каспия⁷⁸.

Среднеазиатский рынок для астраханского экспорта значил меньше, чем иранский. Так, если в 1841 г. из Астрахани в Иран было отпущено товаров на 220 тыс. руб. асс., то в Хиву — всего на 76 тыс. руб., в Бухару — на 5 тыс. руб., к туркменам — на 2 тыс. руб.⁷⁹. Дальнейшее развитие экономических связей Нижнего Поволжья со Средней Азией в немалой степени сдерживалось режимом насилия и произвола, господствовавшим в ханствах и постоянной враждой между ними. Так, в 1839 и 1840 гг. торговля с Хивой не производилась по случаю военных действий в этом районе⁸⁰. Подобные годы были нередки. Препятствовала развитию русской торговли и английская конкуренция. Сокращение вывоза товаров через Астраханский порт было также обусловлено внешнеполитическими факторами, в целом благоприятными для России. Адрианопольский мир 1829 г. способствовал расширению экономических связей России с другими странами через азово-черноморские порты. Продолжавшееся в 1830—50-х гг. продвижение русских войск вглубь Казахстана к границам среднеазиатских ханств укрепляло позиции старых торговых городов — Оренбурга, Орска, Троицка.

В результате всех этих обстоятельств значение каспийского торгового пути для русского экспорта падает. В первой половине 1850-х гг. доля астраханского экспорта в общем азиатском экспорте России составляла всего 3,2%⁸¹. Сократились и абсолютные размеры экспорта.

Анализ состояния внешней торговли через Астраханский порт содержится в табл. 2 и 3⁸². Как видно из табл. 2, вывоз русских изделий после падения в 30-х гг. в последующее время не повышался. Наоборот, с начала 1840-х гг., когда Англия и Иран заключили торговый договор, наблюдается резкое уменьшение объема вывозимых из Астрахани товаров. Изменился и характер вывоза: место продуктов текстильной промышленности заняли товары других отраслей промышленности и полуфабрикаты. Отличительной чертой астраханской вывозной торговли в 1830—50-х гг. является высокий удельный вес вывозимых металлических изделий и металлов, которые удобнее и дешевле было сбывать за границу морским путем. Доля металлических изделий уже в первой половине 1830-х гг. составляла 34,8%, а к середине 1850-х гг. возросла до 56,2%. В то же время в

⁷⁸ *Бларамберг И. Ф.* Историческая записка о прибрежных туркменских поселениях со времени вступления их в сношения с русским правительством // Записки Русского географического общества. 1850. Кн. IV. С. 105.

⁷⁹ *Соколов А. П.* Указ. соч. С. 371.

⁸⁰ Имеется в виду неудачный поход на Хиву отряда под командованием оренбургского генерал-губернатора В. А. Перовского.

⁸¹ *Рожкова М. К.* Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX века и русская буржуазия. С. 68, 69, 71.

⁸² В основу таблиц легли сведения, опубликованные в Астраханских губернских ведомостях в 1857 г. в статье С. Лошкарева «Астраханская торговля». Автор использовал официальные данные о движении товаров через таможенную астраханского порта.

общем азиатском экспорте России этот предмет вывоза значительно уступал изделиям хлопчатобумажной и суконной промышленности⁸³. Вывоз хлопчатобумажных изделий, сукна, полотна, кожи и ряда других предметов русской промышленности в астраханском экспорте 1830–50-х гг. оставался незначительным.

Таблица 2

Экспорт русских товаров через Астраханский порт
в 30-х – середине 50-х гг. XIX века

Годы	Вывезено товаров, тыс. руб. сер.	В том числе важнейших товаров									
		металлов и изделий		кож и изделий		сукна		льняных и пеньковых изделий		хлопчатобумажных изделий	
		тыс. руб. сер.	%	тыс. руб. сер.	%	тыс. руб. сер.	%	тыс. руб. сер.	%	тыс. руб. сер.	%
1831–1835	500	174	34,8	23	4,6	13	2,6	2	0,4	–	–
1836–1840	454	206	45,4	9	2,0	12	2,6	6	1,3	–	–
1841–1845	393	175	44,5	8	2,0	20	5,0	6	1,5	10	2,5
1846–1850	313	144	45,3	9	2,8	8	2,5	19	6,0	12	3,8
1851–1855	333	187	56,2	3	0,9	12	3,6	23	6,9	9	2,7

Примечание. Сост. по: Лошкарев С. Астраханская торговля // Астраханские губернские ведомости. 1858. 4 апр., 11 апр., 2 мая.

В то же время импорт из Ирана и Средней Азии через Астрахань успешно развивался. В начале 1830-х гг. он в денежном выражении еще уступал экспорту (табл. 3). Но в дальнейшем баланс астраханской внешней торговли, как и в целом азиатской торговли России, являлся пассивным. К середине 1850-х гг. импорт превышал экспорт в 2,5 раза⁸⁴.

⁸³ Так, в 1840 г. доля металлических изделий в азиатском экспорте страны составляла 5,9%, тогда как хлопчатобумажных изделий – 45,9%, сукна – 37,5%. См.: Рожкова М. К. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX века и русская буржуазия. С. 184.

⁸⁴ Таким образом, положительное сальдо Ирана в торговле с Россией стимулировало экономическое развитие первого. Помимо этого, постоянный приток серебра и золота в Иран поддерживал его платежеспособный баланс с Англией. Впрочем, торговля была выгодна и для России.

Импорт товаров через Астраханский порт в 30–50-х гг. XIX века

Годы	Ввезено товаров, тыс. руб. сер.	В том числе важнейших товаров									
		продовольствия		хлопка		пряжи и хлопчатобумажных изделий		шелка		шелковых изделий	
		тыс. руб. сер.	%	тыс. руб. сер.	%	тыс. руб. сер.	%	тыс. руб. сер.	%	тыс. руб. сер.	%
1831–1835	312	7	2,2	12	3,8	130	41,7	99	31,7	5	1,6
1836–1840	466	15	3,2	16	3,4	132	28,3	105	22,5	6	1,3
1841–1845	481	31	6,4	16	3,3	147	30,6	74	15,4	13	2,7
1846–1850	719	111	15,4	45	6,3	155	21,6	191	26,6	16	2,2
1851–1855	828	176	21,3	88	10,6	89	10,7	271	32,7	13	1,6

Примечание. Сост. по: Лошкарев С. Астраханская торговля // Астраханские губернские ведомости. 1858. 4 апр., 11 апр., 2 мая.

Важным является вопрос о составе импорта. В начале 1830-х гг. 41,7% стоимости ввозимых товаров приходилось на хлопчатобумажную пряжу и изделия из нее. Государства Среднего Востока не только представляли собой рынки сбыта для продукции русской промышленности, но и сами поставляли свои изделия в Россию. На следующем месте стоял привоз шелка-сырца и пряженого, необходимого для ткацкой промышленности. В дальнейшем в структуре импорта произошли существенные изменения. Уже во второй половине 1840-х гг. важнейшей статьёй астраханского импорта становится шелк. Возрос привоз и хлопка-сырца, хотя общий объем его был еще невелик. Русская хлопчатобумажная промышленность развивалась в первой половине XIX в. в основном на базе использования американского, египетского и отчасти индийского хлопка, привозившегося по западноевропейской границе. Одновременно с растущим привозом сырья для нужд русской промышленности произошло падение удельного веса, а затем и абсолютное сокращение ввозимых хлопчатобумажных и шелковых изделий. Этот факт, который, несомненно, отражал успехи технического развития русской хлопчатобумажной промышленности, отмечался многими современниками. Так, автор краткого описания астраханской торговли конца 1830-х — начала 40-х гг. замечал, что хлопчатобумажные «изделия наших фабрик по дешевизне и доброте начинают предпочитаться азиатским»⁸⁵. П. И. Демезон, чиновник оренбургского генерал-губернатора

⁸⁵ РГАДА, ф. 186, оп. 1, д. 175, л. 5.

В. А. Перовского, побывавший в Бухаре в 1834 г., писал, что бухарские купцы, торгуя с Россией одними и теми же товарами, совершенно не думают об их улучшении и «в результате успешного развития русской промышленности цены на их товары быстро снижаются»⁸⁶. Вместе с ростом привозного сырья во много раз увеличился приток продуктов питания — риса, фруктов, рыбы и др. К середине 1850-х гг. они являлись второй по значимости статьёй импорта.

Таким образом, общий объём внешней торговли Нижнего Поволжья в целом не только не сокращался, но и увеличивался за счёт развивающегося импорта. Но этот общий рост объёма торговли не оказал заметного воздействия на экономику Астраханского края, так как внешняя торговля находилась в этот период в руках иностранного купечества. В 1826 г. во внешней торговле Астрахани участвовали всего 36 астраханских купцов и мещан и в то же время 246 иранских, 226 хивинских и 21 бухарских торговцев⁸⁷. «Персияне, бухарцы, хивинцы и туркмены, пользуясь занятием астраханских купцов одною перевозкою, присвоили себе всю торговлю по Каспийскому морю», — отмечал современник⁸⁸. Иностранцы для того, чтобы получить более высокие прибыли и избежать посредничества астраханских купцов, использовали различные лазейки: записывались в астраханском магистрате временно во вторую и третью гильдии. Проводя обширнейшую торговлю в разных городах и ярмарках России, они, как отмечалось в депеше астраханского губернатора министру финансов в 1825 г., даже шли на прямое нарушение условий торговли, продавая товары без посредничества местных купцов не только в Астрахани, но и в столицах⁸⁹, подрывая тем самым внутреннюю и транзитную торговлю астраханских предпринимателей.

Лишь в 50-х гг. XIX в., когда правительство стало рассматривать азиатскую торговлю как один из факторов, укрепляющих влияние России на Востоке, оно вынуждено было пойти на оказание покровительства русской торговле, в частности, в Средней Азии⁹⁰, что сказалось и на некотором росте экспорта через Астраханский порт.

⁸⁶ Записки о Бухарском ханстве (отчеты П. И. Демезона и И. В. Виткевича). М., 1983. С. 82–83.

⁸⁷ Карагодин А. И. Указ. соч. С. 85.

⁸⁸ РГБ ОР, ф. 256, д. 428, л. 146.

⁸⁹ ГААО, ф. 1, оп. 5, д. 353, л. 9–10.

⁹⁰ ПСЗ-2. Т. XXVII. № 26842, 31964.

В. В. Назаров

НА ЗЕМСКОЙ СЛУЖБЕ

(саратовский период

деятельности выдающегося

врача-психиатра С. И. Штейнберга)

Имя Самуила Ивановича Штейнберга (1830—1909) известно относительно узкому кругу специалистов в области истории медицины и земского самоуправления. Между тем как врач-практик и организатор здравоохранения он оставил свой след в истории Саратовского края.

С. И. Штейнберг родился в 1830 г. в Могилеве в небогатой немецкой семье. В 1862 г. он окончил медицинский факультет Киевского университета Св. Владимира. Своей врачебной специализацией С. И. Штейнберг избрал психиатрию — новое по тому времени направление отечественной медицины¹.

На службу в Саратовское губернское земство он был приглашен в 1883 г., имея за плечами богатый опыт работы в различных медицинских учреждениях России. Его формулярный список (до приглашения в Саратовское земство) содержит перечисление двенадцати должностей в десяти местах службы². Среди наиболее важных следует назвать должности старшего врача Киево-Кирилловских богоугодных заведений, врача-психиатра при Санкт-Петербургском Николаевском военном госпитале, главного врача Московской Преображенской больницы, консультанта по психиатрическим вопросам при Медицинском департаменте Министерства внутренних дел³. За безупречную службу С. И. Штейнберг был награжден орденами Св. Станислава и Св. Анны 2-й степени⁴. Служба в Саратовском губернском земстве занимает особое место в его жизни: из сорока четырех лет профессиональной деятельности двадцать три года были посвящены организации психиатрической лечебницы в Саратовской губернии.

О степени важности психиатрической лечебницы для Саратовской губернии говорит тот факт, что по предложению министра внутренних дел Государственный департамент и Департамент законов на совместном заседании постановили приравнять статус служащих в ней специалистов к государственной службе и присвоить им соответствующие классные чины⁵.

¹ См.: Врачебно-санитарная хроника Саратовской губернии. 1909. № 11. С. 1121.

² ГАСО, ф. 5, оп. 2, д. 1495, лл. 42—48 об.

³ Там же. Л. 41 об., 43 об., 44 об., 45 об.

⁴ Там же. Л. 44 об., 45 об.

⁵ ГАСО, ф. 5, оп. 1, д. 487, л. 65.

Прежде чем приступить к организации психиатрической лечебницы в Саратове, С. И. Штейнберг предпринял специальные поездки в Тверскую губернию и Санкт-Петербург с целью ознакомления с образцовыми учреждениями подобного профиля. Главная заслуга врача-психиатра состояла в том, что он, используя передовые научные достижения, смог создать полноценное лечебное заведение, отменив полупоремный режим содержания больных, а также наряду с медикаментозными средствами широко применяя метод трудотерапии. В докладах губернской управы отмечалось, что «больные очистили двор, разбили сад, мужчины работали в сапожной мастерской, женщины занимались шитьем и вязанием»⁶.

В психиатрической лечебнице существенно изменились правила внутреннего распорядка, повысилась трудовая дисциплина обслуживающего персонала. Так, например, в прежнем доме умалишенных «прислуга расхаживала по коридорам в шапках, раскуривая трубки, или же, прогнав больного, сама располагалась на его постели во всем одеянии ... Попрошайничество было естественным следствием существовавшего порядка приема и раздачи пожертвований для «сумасшедших»: благотворители обыкновенно привозили подаяние в виде калачей, яблок, яиц, и это добро разносилось в присутствии благотворителей по коридорам и раздавалось толпившимся больным»⁷. В новой лечебнице старые «порядки» были отменены, нанята более квалифицированная прислуга.

Вместе с тем создание данного учреждения не решило окончательно всех проблем, связанных с лечением душевнобольных. Возможности психиатрической лечебницы были весьма ограничены, и значительная часть нуждающихся в психиатрической помощи пациентов была лишена возможности ее получить. Ситуация усугублялась тем, что Саратовское губернское земство испытывало хронический дефицит средств, предназначенных для содержания благотворительных заведений. Оно дважды безуспешно ходатайствовало перед правительством об увеличении благотворительного фонда и в итоге было вынуждено восполнять недостающие средства из запасного капитала⁸.

В 1884 г. ревизионная комиссия исключила из годовой сметы пункт о постройке психиатрической колонии. После продолжительных дискуссий губернское земское собрание приняло предложение комиссии. В соответствии с постановлением губернского земского собрания сбор средств на устройство психиатрической колонии и лечебницы был приостановлен, а для размещения

⁶ Доклады Саратовской губернской земской управы очередному губернскому земскому собранию 1883 г. Саратов, 1884. Ч. 1. С. 74; Доклады Саратовской губернской земской управы очередному губернскому земскому собранию 1886 г. Саратов, 1887. Ч. 3. С. 45–64.

⁷ Доклады Саратовской губернской земской управы очередному губернскому земскому собранию 1884 г. Саратов, 1884. С. 148.

⁸ Там же. С. 149.

колонии и лечебницы был приостановлен, а для размещения спокойных душевнобольных предложено помещение Александровской богадельни⁹.

В 1885 г. С. И. Штейнберг докладывал губернскому земскому собранию о невозможности использования здания богадельни ввиду отсутствия свободного места для размещения больных. Решение данной проблемы требовало изыскания дополнительных средств¹⁰.

Бывшее здание дома умалишенных было переоборудовано под мужское отделение на 100 человек, Александровская богадельня — под женское отделение на 50 человек, хозяйственные постройки перестроены в соответствии с потребностями лечебницы¹¹.

В 1887 г. по подсчетам земства в Саратовской губернии около двух тысяч пациентов нуждалось в психиатрической помощи, что во много раз превышало возможности лечебницы. С. И. Штейнберг поставил вопрос об устройстве загородной колонии для душевнобольных. Директором лечебницы совместно с губернской земской управой было разработано два проекта: один предполагал создание загородной колонии, другой — реконструкцию существующей лечебницы. Проекты были переданы на рассмотрение губернского земского собрания 1888 г. После продолжительных дискуссий большинство гласных высказалось против устройства колонии¹². В целях уменьшения расходов было решено сократить число призываемых в лечебнице больных, отправляя их на попечение родственников и сельских обществ. На осуществление этих целей губернское земское собрание ассигновало две тыс. руб.¹³ Данная мера вызвала резкий протест со стороны некоторых гласных и земских врачей¹⁴.

Последнее десятилетие XIX в. открывает собой новый этап в развитии земской психиатрии. Сокращение расходов на соматические больницы позволило земствам более тщательно заниматься вопросами психиатрии. В этот период времени в некоторых земствах получает распространение такая форма призрения душевнобольных, как патронаж. Неопасные хронические душевнобольные передавались в крестьянские семьи, где в домашних условиях происходил процесс со-

⁹ См.: Доклады Саратовской губернской земской управы очередному губернскому земскому собранию 1884 г. С. 149.

¹⁰ См.: Доклады Саратовской губернской земской управы очередному губернскому земскому собранию 1885 года. Саратов, 1885. С. 132.

¹¹ Там же.

¹² См.: Доклады Саратовской губернской земской управы очередному губернскому земскому собранию 1888 года. Саратов, 1888. С. 56.

¹³ См.: Зайковский А. В. Тридцать пять лет деятельности губернского земства по призрению и лечению душевнобольных // Саратовская земская неделя. 1901. № 26. С. 13—14.

¹⁴ См.: Доклады Саратовской губернской земской управы очередному губернскому земскому собранию 1887 г. Саратов, 1887. Ч. 2. С. 73.

циальной реабилитации, возвращения их к полноценной жизни. Семьям, осуществлявшим патронаж, земство выплачивало специальные пособия. Расходы подобного рода несли, как правило, уездные земства. Что же касается лечебно-психиатрических учреждений, то они по-прежнему находились на балансе губернских земств¹⁵. Ведущим типом психиатрических лечебниц стали загородные колонии, построенные по павильонной системе. Данный тип получил распространение в Московском, Рязанском, Тверском земствах.

В 1890 г. Саратовское губернское земское собрание, наконец, приняло решение о возведении загородного филиала психиатрической лечебницы, рассчитанного на 70 человек. Губернская земская управа приобрела земельный участок стоимостью 24 800 руб. Возведение всех необходимых построек обошлось земству в 37 тыс. руб. В январе 1896 г. губернским земством была предпринята очередная попытка ограничения числа пациентов, подлежащих помещению в больницу¹⁶.

Губернский гласный А. А. Уваров в качестве решения проблемы предлагал полностью перейти на патронажную форму призрения душевнобольных¹⁷. Предложение встретило возражение со стороны С. И. Штейнберга, который, ссылаясь на зарубежный опыт и мнение специалистов, считал патронаж неприемлемым в медицинском, нравственном и социально-экономическом отношениях¹⁸.

Тем не менее, недостаток свободных мест в лечебнице вынуждал прибегать к патронажу. Вопреки мнению С. И. Штейнберга призрение душевнобольных, осуществляемое крестьянскими семьями, давало положительные результаты. По отзыву врача-психиатра А. Н. Никольского, «находясь в привычной обстановке в патронаже, больной начинает проявлять интерес к окружающей трудовой жизни, сам становится более трудоспособным, бредовые идеи стихают, настроение улучшается»¹⁹.

Между тем нельзя не отметить ряд недостатков в организации психиатрической помощи. По словам земского врача-психиатра С. А. Лясса, призрение душевнобольных в Саратовской губернии «представляется во многих отношениях неорганизованным и незаконченным»²⁰. Прежде всего сказывалось отсутствие

¹⁵ См.: Веселовский Б. Б. История земства за сорок лет: В 4 т. СПб., 1909. Т. 1. С. 268.

¹⁶ См.: Зайковский Л. В. Указ. соч. С. 13–14.

¹⁷ См.: [Уваров А. А.] Как Саратовскому губернскому земству облегчить лежащую на нем тяжесть призрения душевнобольных. Доклад губернского гласного графа Уварова. Саратов, 1898. С. 10.

¹⁸ См.: Журналы 32-го очередного Саратовского губернского земского собрания сессии 1897 г. Саратов, 1898. С. 126; Саратовская земская неделя. 1901. № 26–29. С. 20.

¹⁹ Труды Восьмого губернского съезда земских врачей и председателей земских управ Саратовской губернии. Саратов, 1904. Т. II, вып. 1. С. 254.

²⁰ Там же. С. 217.

четко определенной системы госпитализации пациентов. «Больных доставляют в лечебницу родственники, полиция, уездные управы, военное ведомство, тюремное ведомство, различные судебные учреждения, местные больницы, земские начальники, волостные и сельские правления и т.п.», — отмечалось в его докладе Восьмому губернскому съезду земских врачей²¹.

Плата за лечение для всех без исключения составляла 7 руб. 50 коп. в месяц. Она взималась с родственников больного или с сельского общества, к которому он был приписан²². За счет земства осуществлялось лечение душевнобольных преступников. Ввиду отсутствия в Саратове специализированного учреждения, судебно-медицинская экспертиза осуществлялась в психиатрической лечебнице. Так, например, только в 1903 г. в ней содержалось 76 арестантов²³. Это излишне перегружало лечебницу, снижало эффективность лечения больных и создавало нездоровую атмосферу среди других категорий пациентов.

Наряду с заключенными большие неудобства представляло содержание в психиатрической лечебнице алкоголиков. Как свидетельствовал земский врач Н. Филатов: «Люди, которым терять уже нечего, с неудержимой страстью к спиртным напиткам ... приносят немалый материальный ущерб земству, так как доставляются в лечебницу обыкновенно почти голыми, и при каждой выписке их приходится снабжать одеждой, которая, конечно, немедленно по выходе из лечебницы процивается»²⁴.

К 1894 г., когда число призреваемых в загородном филиале психиатрической лечебницы достигло 300 человек, многократно превысив его возможности²⁵, специально созданная комиссия признала необходимым немедленное расширение филиала, превращение его в самостоятельное лечебное заведение (загородную сельскохозяйственную психиатрическую колонию), с устройством при нем пансионата для наиболее состоятельной части больных. Однако окончательно вопрос был решен только в 1900 г.²⁶ В 1905 г., после длительной подготовки, состоялся перевод пациентов в загородную колонию²⁷.

²¹ Труды Восьмого губернского съезда земских врачей... С. 217.

²² Там же. С. 219.

²³ См.: Медико-хозяйственный отчет по психиатрической лечебнице Саратовского губернского земства за 1903 год. Саратов, 1905. С. 76.

²⁴ Врачебно-санитарная хроника Саратовской губернии. 1905. № 8/9. С. 836.

²⁵ См.: Зайковский А. В. Указ. соч. С. 13–14.

²⁶ См.: Доклады Саратовской губернской земской управы экстренному губернскому земскому собранию сессии 1900 года по психиатрическому вопросу. Саратов, 1900. С. 1–4; Журнал чрезвычайного Саратовского губернского земского собрания 3 июня 1900 года. Саратов, 1900. С. 3.

²⁷ См.: ГАСО, ф. 5, оп. 1, л. 1716, л. 11–242, л. 2055, л. 79–84; Врачебно-санитарная хроника Саратовской губернии. 1909. № 11. С. 1123.

Новое лечебное заведение было построено по принципу сельскохозяйственной колонии в с. Бурашево Тверской губернии²⁸. Занятия сельскохозяйственным трудом являлись важным элементом трудотерапии. Для того времени это был один из самых передовых методов лечения психических заболеваний.

В 1906 г. в возрасте семидесяти шести лет С. И. Штейнберг оставил службу в Саратовском губернском земстве, а спустя три года 26 ноября 1909 г. его не стало²⁹. Незадолго до смерти он подал заявление в губернскую земскую управу с просьбой похоронить его на территории психиатрической колонии.

С. И. Штейнбергу, вне всякого сомнения, принадлежит ведущая роль в создании высокоорганизованной системы оказания психиатрической помощи пациентам Саратовской губернии. Это был результат многолетних усилий, творческих поисков талантливого врача-организатора, принадлежавшего к лучшим представителям земской интеллигенции.

²⁸ См.: Веселовский Б. Б. Исторический очерк деятельности земских учреждений Тверской губернии (1864–1913 гг.). Тверь, 1914. С. 313.

²⁹ См.: Врачебно-санитарная хроника Саратовской губернии. 1909. № 11. С. 1123.

От русской печи до водяной батареи

Стремление человека согреть окружающее его пространство для создания более-менее комфортных условий жизни уходит в седую древность. Обогреть зимой жилище — всегда было важнейшей заботой хозяина. В нашем суровом климате самым надежным источником тепла на протяжении веков был особый тип печи, получивший название «русская печь». Такую печь и сейчас можно еще увидеть в деревнях Саратовской области.

Русская печь отличается большой теплоемкостью. Она медленно нагревается, но зато потом долго сохраняет тепло. Сухое проникновенное тепло ее лежанки служило лучшим лекарством от простуд и ломоты в костях. В печурках, специально сделанных на гладких боковых поверхностях печи углублениях, сушились варежки, носки, платки и другие, промокшие в снег и дождь, мелкие вещи. Нижняя часть печи, имевшая над полом небольшой лаз, в лютые холода служила приютом для кур, коз, новорожденных телят, поросят и другой живности. Кстати, истари подпечье считалось местом обитания духа дома — домового.

Как правило, в доме была одна печь. Несколько печей имелось в домах побогаче, с многочисленными комнатами. Чаще всего «тело» печи с лежанкой помещалось в комнате, а топка ее находилась за стеной в сенях. В парадных помещениях богатых саратовцев печи облицовывались изразцами или кафелем.

Вспоминая дедовский дом постройки начала XIX в., член Саратовской ученой архивной комиссии И. Я. Славин писал: «Остались у меня в памяти массивные печи, широкими неуклюжими лежанками и громадами выдававшиеся в комнаты ...»¹. Описание русских печей находим и в воспоминаниях чиновника, также члена СУАК Н. Ф. Иванова: «Дом был оштукатурен, и наружные стены окрашены форменной тогда желтой краской, а внутри выбелены мелом. Печи толстостенные, большие, узорного изразца, с неизбежной по тому времени лежанкой таких размеров, что на ней свободно мог спать взрослый человек ...»². Русская печь запомнилась и пленному офицеру, воевавшему в составе армии Наполеона. Вспоминая свое пребывание в 1813–1814 гг. в Саратове, он писал: «Получили в свое распоряжение маленький дом на берегу Волги, в котором кроме нас никто не проживал ... Посредине дома стояла большая печь. Одна

¹ Славин И. Я. Минувшее-пережитое // Волга. 1998. № 2–3. С. 108.

² Иванов Н. Ф. Рассказы из прошлого // Земли родной минувшая судьба. Саратов, 2007. С. 207.

стена, шедшая вдоль здания, и другая, поперечная, делили дом на четыре помещения, каждое из которых представляло собой комнату, из которых две были большие, а две — поменьше, а громадная печь в центре отапливала все четыре комнаты ...»³

Наряду с русскими печами с XVI в. стали распространяться печи другого типа, без лежанки, называвшиеся голландскими. Первоначально они не уступали по размерам русской печи. Ставилась такая печь обычно в углу со значительным отступом от стен, чтобы дверцы топки можно было устроить со стороны стены. Истопник с запасом дров мог сидеть часами за печкой и следить, чтобы дрова прогорали равномерно. Вот откуда произошли не совсем понятные нынешнему читателю выражения: «сидеть за печкой» или «держат кого-либо за печкой», встречающиеся в воспоминаниях или в описывающей быт литературе. За печку прятались члены семейства при неожиданном приходе нежеланных гостей или застигнутые врасплох «по причине непорядка в домашнем костюме».

В XIX в. голландские печи стали появляться и в не слишком просторных жилищах, в связи с чем они уменьшились в размерах. Ставились они теперь не только в углу помещения, но и посредине, а чаще всего в проеме капитальной стены, обогревая сразу две комнаты. В зависимости от местоположения они назывались угловыми, средизальными и проемными. Нередко голландские печи имели круглую форму и в противопожарных целях заключались в металлический короб⁴.

И в русской и в голландской печи дым выходил из топки в дымоходы, выложенные внутри массива («тела») печи в виде вертикальных «колодцев» или горизонтальных «винтов», и попадал, наконец, в дымовую трубу, ведущую наружу дома. Когда топливо прогорало, дымовая труба закрывалась специальным устройством — выюшкой. Искусство истопника заключалось в том, чтобы вовремя закрыть выюшку. Если закрыть поздно, то упустишь на улицу тепло, а если рано — можно погубить угаром обитателей отапливаемого помещения. Услуги истопников были сезонными. Ими пользовались в пределах отопительного периода, который, как правило, длился с 1 октября по 1 апреля (с 13 октября по 13 апреля по новому стилю), что фактически совпадает с современным отопительным сезоном в Саратове.

³Ведель К. А. В. фон. История одного офицера в войне против России в 1812 году, в русском плену в 1813–1814 годах, в походе против Наполеона в 1815 году: воспоминания // Саратовская губерния глазами пленных великой армии. Саратов, 2009. С. 19.

⁴ Энциклопедический словарь: В 82 т. СПб., 1898. Т. 46. С. 541–544.

В некоторых дворянских усадьбах, а также в богатых городских особняках устраивались каминные⁵. В отличие от печей, в которых топка закрывается (в русской печи — заслонкой, в голландской — дверцей), каминные всегда открыты. Обогрев помещения происходит непосредственно только в момент сжигания топлива. Если нужно было направить поток тепла в определенную сторону, перед топкой ставилась специальная каминная доска. Камин — это самый простейший и несовершенный способ отопления жилища, так как значительная часть тепловой энергии, примерно, три четверти, растрчивается впустую. Привычные для Западной Европы с ее более мягким, чем у нас, климатом, в Саратовской губернии каминные были данью моде и служили не столько для обогрева жилья, сколько для приятных бесед у огня.

Топились печи в основном дровами. Но в безлесных заволжских уездах Саратовской губернии в качестве топлива использовался кизяк — сухой навоз. «Прелестям» использования этого топлива уделила внимание в своих воспоминаниях известная политическая деятельница Е. Д. Кускова. Она писала: «Несчастьем нашей жизни в Новоузенске была топка печей. Зима стояла суровая, — лютые ветры насквозь пронизывали деревянные и плохо оштукатуренные постройки. Топить же приходилось кизяком. Плотный кизяк очень трудно разжечь. Иногда разжигала его не только киргизка-прислуга, но и вся наша семья. Печей в доме было много (тогда еще все городские люди любили жить, не стесняясь в «квадрато-метрах» — просторно), и картина была удивительная: около каждой печки сидел кто-нибудь из нас, стараясь разжечь кизяк-кирпичик. Во сколько раз было легче потом, в Берлине, разжечь угольный брикет! А затем, когда кизяки разгорались, по всей квартире распространялись такие ароматы, что хоть беги ...»⁶

Заготовка, доставка и продажа дров была отдельной сферой деятельности. Даже в начале XX в., когда уже появились другие виды топлива и новые способы отопления (о чем будет сказано ниже), число торговцев дровами продолжало расти: в 1910 г. в Саратове насчитывалось восемь торговых домов и торговых точек, в 1916 г. их было уже 16⁷.

Наиболее высоко ценились дубовые и березовые дрова, дававшие максимум тепла. Менее ценными по теплоотдаче были кленовые, сосновые, осиновые, а также смешанные, называвшиеся разнопородными. Для того чтобы покупатель мог определить, сколько и каких дров ему следует приобрести, в торговых справочниках

⁵ История Саратовского края: Учеб. пособие для средних и старших классов / Под общ. ред. В. П. Тотфалушина. Саратов, 2000. С. 122–124.

⁶ Кускова Е. Д. Дано минувшее // Новый журнал. Нью-Йорк, 1955. Кн. XLIII. С. 109–110.

⁷ Весь Саратов. Адрес-календарь на 1910 год. Саратов, 1910. С. 237; Весь Саратов. Адрес-календарь на 1916 год. Саратов, 1916. С. 152.

указывалось соотношение пород по их способности «давать жару», например, таким образом: «Липовых дров нужно как раз в два раза больше, чем дубовых. Десять сажень березовых дров равняются восьми сажням дров дубовых»⁸.

Конечно, каждому хозяину дома или начальнику учреждения хотелось получить дрова самого лучшего качества. Иллюстрацией этого естественного стремления может служить отложившаяся среди дел Саратовской городской управы переписка об отоплении образовательных учреждений за 1914 г. Среди поступивших от заведующих городскими училищами прошений нередки просьбы об отпуске только дубовых или березовых дров⁹. Вот одно из таких прошений: «Покорнейше прошу городскую управу сделать распоряжение, чтобы назначенные по ордеру осиновые дрова были заменены березовыми или дубовыми дровами, так как в 17-м мужском училище очень плохие печи: скоро остывают, и при плохом топливе в наступающие морозы температура в классах будет 8–11 градусов»¹⁰. Стремясь обеспечить школы только хорошим топливом, городская училищная комиссия при рассмотрении сметы на 1915 г. постановила: «... внести в смету по каждой школе определенную сумму на поставку березовых дров». Извещая об этом заведующих училищами, комиссия просила «сообщить отделению народного образования о каждом случае получения школой дров какой-либо другой породы»¹¹. И из этих сообщений выяснилось, поставка вместо березовых дров кленовых, сосновых, осиновых или разнопородных, а также гнилых и сырых дров иногда случалась¹².

Отопление помещений было постоянной статьей расходов каждой семьи. Учитывая это, некоторые учреждения и организации брали на себя заготовку или закупку дров не только для ведомственных нужд, но и для нужд своих чиновников. К примеру, в 1906 г. Саратовская городская управа обеспечила служащих городских учреждений дровами на сумму 86495 руб. 05 коп.¹³ Причем служащим разрешалось вносить плату за дрова в рассрочку¹⁴.

Саратовская беднота заготавливала для отопления валежник в окрестных лесах. А когда в 1888 г. городская дума запретила сбор валежника в городских лесах, то бедняки стали собирать опавшие листья на городском бульваре и улицах¹⁵.

Будучи непременным атрибутом любого обитаемого сооружения, печь требовала к себе определенного внимания и затрат со стороны владельцев или аренда-

⁸ Весь Саратов. Адрес-календарь на 1910 год. С. 237. Сажень — 2,1336 м.

⁹ ГАСО, ф. 4, оп. 1, д. 3486, лл. 132, 139.

¹⁰ Там же. Л. 194.

¹¹ Там же. Л. 146.

¹² Там же. ЛЛ. 194, 195, 247.

¹³ Отчет Саратовской городской управы за 1906 год. Саратов, 1908. С. 74.

¹⁴ ГАСО, ф. 4, оп. 1, д. 3486, л. 116–117 об.

¹⁵ Саратовский листок. 1888. 5 октября.

торов этого сооружения. Неисправности в каких-либо частях печи приводили к понижению ее теплоотдачи, к задымлению помещений, и к самому худшему — к пожарам. Поэтому печи необходимо было ежегодно осматривать, проверять состояние дымоходов и труб. Так, в 1883 г. очистка от сажи печных труб в принадлежавших городу зданиях обошлась Саратовской городской управе в 630 руб.¹⁶

В 1884 г. некая М. М. Залетова открыла первый в городе склад по продаже каменного угля¹⁷. А четыре года спустя в трех саратовских домах появилось нефтяное отопление печей. Сообщая об этом, газета «Саратовский дневник» писала: «Этому роду отопления при низких ценах на нефть предстоит блестящая будущность»¹⁸. Приведенные факты позволяют считать 1884 и 1888 гг. началом внедрения в саратовскую повседневность новых видов топлива. К 1916 г. в городе действовало пять торговых точек по продаже угля и пятнадцать — по продаже нефти и нефтепродуктов¹⁹.

В середине XIX в. наряду с конной тягой стали применяться паровые двигатели, для которых на промышленных предприятиях устанавливались паровые котлы. Разрешение на установку котлов и контроль правильности их эксплуатации осуществляло Саратовское губернское правление. В документах правления за 1872–1873 гг. имеются таблицы, отражающие состояние некоторых предприятий. С точки зрения истории отопления интересны сведения о чугунолитейном и механическом заводе купчихи Р. Г. Малышкиной, на котором действовала четырехсильная паровая машина. В пояснении к таблице отмечено: «Слесарная отапливается исходящим паром через посредство чугунных труб, степень нагрева воздуха от 12 до 14 градусов по Реомюру (то есть 14–17 градусов по Цельсию. — Э. Г.). Литейная и столярная отапливаются печами и тепло непостоянное ...»²⁰.

Таким образом, отработанный пар отапливал одно из рабочих помещений завода — слесарную, в то же время литейная и столярная отапливались традиционно — печами. Был ли завод Р. Г. Малышкиной единственным, где догадались так рационально использовать пар? Трудно сказать. В пояснениях к таблицам о состоянии других предприятий, где тоже имелись паровые котлы, таких сведений нет. Остается только гадать: то ли не отапливались паром, то ли забыли это указать. В составленных несколько позднее, в 1878 г., «Статистических таблицах

¹⁶ ГАСО, ф. 4, оп. 1, д. 513, л. 96об.—97.

¹⁷ Саратовский край. Исторические очерки, воспоминания, материалы. Саратов, 1893. С. 97.

¹⁸ Саратовский дневник. 1888. 17 декабря.

¹⁹ Весь Саратов. Справочник-календарь на 1916 год. С. 153–154.

²⁰ ГАСО, ф. 2, оп. 1, д. 4514, л. 231 об.

существующим в г. Саратове фабрикам и заводам» числится всего 102 промышленных заведения, из них паровые машины имели лишь 19 заведений²¹. В последующие годы установка паровых котлов и применение паровых двигателей шла весьма интенсивно и в Саратове, и по всей губернии. Можно предположить, что простой способ обогрева рабочих помещений отработанным паром также получил распространение и стал настолько привычным, что не фиксировался в документах. К такому выводу приходишь еще и потому, что за рубежом отопление отработанным паром на фабриках и заводах существовало еще в XVIII в.

С конца XVIII в. стала известна в России только что примененная в Европе система пневматического (воздушного или огневоздушного) отопления. Основной частью системы была печь, называвшаяся духовой или калорифером. Печь сооружали в подвале дома. Она состояла из большого металлического кожуха (или короба, отчего такие печи называли также коробовыми), внутри которого устраивалась топка из кирпича. В нижней части короба проделывались отверстия, через которые поступал свежий воздух. В верхней части от короба отходили трубы, отводившие согретый воздух в отапливаемые помещения. Перемещение тепла от печи вверх по трубам происходило за счет уменьшения плотности горячего воздуха по отношению к поступающему снизу в печь холодному воздуху. Трубы или каналы для поступления нагретого воздуха от подвала в жилые помещения прокладывались в стенах дома. Благодаря русским инженерам (в частности, Амосову, по имени которого печи его системы назывались «амосовскими»), внесшим значительные усовершенствования в систему, калориферы стали распространяться и в России²².

Годом появления в нашей губернии калориферного отопления, вероятно, следует считать 1885 г. В этом году был открыт Художественный музей имени А. Н. Радищева²³, здание которого, согласно заключенному с купцом А. И. Крашенинниковым контракту, должно было обогреваться тремя духовыми печами с помощью проложенных от них в стенах и под полами дымовых и тепловых каналов. В ходе эксплуатации здания обнаружился один из основных недостатков калориферного отопления: неравномерное распределение тепла по горизонтали и вертикали отапливаемого объема, и как итог, излишняя сухость воздуха в отдельных частях этого объема. Об этом красноречиво сказано в отчете музея за 1910 г.: «Следует отметить, что отопление музея, так называемое «амосовское», вредно отзываясь на картинах и вещах музея. Чтобы смягчить резкую сухость воздуха, в настоящее время устроены в печах четыре увлажнителя, а пе-

²¹ См.: ГАСО, ф. 2, оп. 1, д. 4514, л. 22–30.

²² См.: Энциклопедический словарь. СПб, 1895. Т. 27. С. 87; СПб, 1897. Т. 43. С. 426–427.

²³ См.: Саратовский край. Исторические очерки, воспоминания, материалы. С. 97.

ред отдушниками в музее расставлены тазы с водой. Однако эти меры не всегда приводят к желаемому результату»²⁴.

Еще одним подтверждением того, что 1885 г. можно считать годом появления в Саратовской губернии калориферного отопления, является относящееся к этому же году дело об устройстве такого отопления в здании Царицынской тюрьмы, хранящееся в архивном фонде строительного отделения губернского правления²⁵. Проект вызвал много замечаний. Его дважды тщательно рассмотрели на заседаниях строительного отделения, а затем отослали в Санкт-Петербург в Главное тюремное управление. Суть замечаний сводилась к изменению размеров сечения воздухопроводов и определению необходимого числа их, чтобы обеспечить равномерное тепло во всем здании тюрьмы. Внедрение проекта в жизнь было разрешено лишь при соблюдении условий, выдвинутых экспертами из Техническо-строительного комитета Министерства внутренних дел.

В 1897 г. для расквартированных в Саратове Балашовского и Бобруйского батальонов были возведены новые казармы, поныне стоящие друг против друга на Московской улице неподалеку от железнодорожного вокзала. С точки зрения отопления здания интересны тем, что в них предусматривалось сооружение печей разных систем. Калориферное отопление, обеспечивавшееся восемью «амосовскими» печами, охватывало только основные помещения казарм. В подсобных помещениях были сложены две русских и двенадцать круглых голландских печей. Кроме того, для других нужд служили четыре двухъярусные пекарные печи, 19 котловых топков, очаг в мастерской и горн в кузнице. Все работы выполнили печники отец и сын Заколюкины²⁶. Хотя в документах по проведению печных работ в казармах П. А. и Ф. П. Заколюкины названы опытными мастерами, а контролировал их деятельность городской архитектор А. М. Салько, со временем выяснилось, что некоторые магистральные каналы, по которым теплый воздух должен поступать в помещения, имели уклон в сторону, противоположную движению этого воздуха. В итоге, часть каналов перестала действовать, в них расплодись крысы, натаскавшие вороха соломы, тряпок и прочего хлама, и тепло по ним перестало поступать²⁷.

Наряду с калориферным постепенно получают распространение разные варианты парового или водяного отопления. В январе 1889 г. местная пресса сообщала, что городской архитектор А. М. Салько командирован в Санкт-Петербург «для ознакомления с паровым отоплением, которое предполагается применить в

²⁴ Отчет Боголюбовского рисовального училища и Радищевского музея за 1910 год. Саратов, 1910. С. 17.

²⁵ См.: ГАСО, ф. 656, оп. 1, д. 215.

²⁶ Там же. Ф. 629, оп. 1, д. 1, л. 8, 9, 18, 19.

²⁷ Там же. Ф. 4, оп. 1, д. 3487, л. 3.

новой городской больнице»²⁸. Как видно из «акта осмотра вновь выстроенных зданий городской больницы», составленного 26 июля 1890 г., поездка городского архитектора не была безрезультатной: в центральном, Т-образном здании больницы, в подвале имелось «помещение для водогрейных котлов водяного отопления всего главного корпуса»²⁹. Ныне это клиника госпитальной терапии 1-й городской клинической больницы. К сожалению, в цитируемом акте не имеется подробного описания водяного отопления. Поэтому стоит поподробнее остановиться на системе отопления, установленной в грандиозном трехэтажном здании, заложенном в мае 1898 г. на Театральной площади для городской публичной библиотеки, народной аудитории и городского общественного банка (ныне Горького, 40, областная научная библиотека)³⁰. Тем более что, исходя из выявленных на сегодня сведений, это было второе в Саратове строение с водяным отоплением.

Устройством отопления здесь занимался Московский торговый дом «В. Залесский и В. Чаплин», существовавший с 1880 г., имевший отделение в Харькове и представительства в Петербурге, Казани, Нижнем Новгороде, Орле, Саратове и Смоленске³¹. Саратовская городская управа заплатила за выполненные работы 20000 руб. В подвале здания в отдельном помещении были установлены два котла: паровой и водогрейный. От водогрейного котла к потолку подвала поднимались трубы и здесь расходились по стенам здания, где были устроены вертикальные стояки для подачи горячей воды на этажи. В местах соединения труб с вертикальными стояками имелись краны, позволявшие регулировать температуру путем изменения подачи горячей воды в батареи. Чугунные батареи с флянцевыми соединениями устанавливались в нишах под окнами. Отработанная вода возвращалась по обратным вертикальным стоякам и вновь поступала в котел. Паропровод от парового котла проходил по подвальному этажу и питал также находившиеся в подвале две вентиляционные и пародуховую камеры. Воздух, поступающий в камеры через специальные отверстия, нагревался в них до нужной температуры и по заложенным в толще стен каналам поступал в служебные помещения. Каждая вентиляционная камера давала 200 куб. сажен воздуха в час при температуре + 25 градусов Цельсия. Пародуховые каналы, служившие для отопления и вентиляции читального зала, давали 600 куб. сажен воздуха в час при температуре + 50 градусов Цельсия³².

²⁸ Саратовский листок. 1889. 8 января.

²⁹ ГАСО, ф. 4, оп. 1, д. 342, л. 14–15.

³⁰ Саратовский дневник. 1898. 9 мая.

³¹ ГАСО, ф. 4, оп. 1, д. 1894, л. 8.

³² См.: Там же. 1514, л. 1–5.

На рубеже XIX—XX вв. водяное отопление получает все большее и большее распространение. В 1902 г. в загородной психиатрической колонии начато возведение двух больших корпусов, в которых устраивается паровоздушное отопление и вытяжная вентиляция по проекту фирмы Кертинг³³.

В 1903 г. городская управа рассматривала вопрос об устройстве водяного отопления и вентиляции в строящемся новом городском родильном доме на углу Шелковичной и Царевской (ныне Пугачевской) улиц, который существует и сейчас. На выполнение соответствующих работ поступило три заявки. Одним из претендентов выступил уже упоминавшийся выше торговый дом «В. Залесский и В. Чаплин». По его проекту предполагалась установка в подвале здания трех водогрейных котлов: для отопления, для вентиляции и для увлажнения воздуха. Перерывы между топками каждого из них должны были составлять 6 часов. Первый из указанных котлов должен был использоваться только в отопительный сезон, остальные — круглогодично, поэтому затраты топлива потребовались бы значительные. Кроме того, в случае порчи одного из котлов здание оставалось бы или без отопления, или без вентиляции. Положительной стороной проекта было предполагавшееся использование в качестве нагревательных приборов гладких, железных труб, удобных для чистки и окраски. Стоимость проекта составила 9933 руб.³⁴

На устройство отопления в родильном доме претендовала также петербургская фирма «К. Зигель», имевшая отделения в Ростове-на-Дону, Ревеле и Екатерининском. По ее проекту предполагался всего один водогрейный котел, то есть в случае прочистки или порчи его здание могло остаться без отопления. В качестве приборов для отопления почти во всем здании предполагались чугунные, ребристые батареи, которые неудобны в эксплуатации из-за трудности удаления с них грязи и сора. Исключение составляли родильное, оперативное и стерилизационное отделения, где предполагалось поставить четыре железные, клепанные, цилиндрические печи. Стоимость проекта составляла 9050 руб.³⁵

Третьим претендентом был инженер-технолог В. А. Яхимович, представлявший Александровское ремесленное училище. Его проект предусматривал установку двух котлов: рабочего и запасного, и «нагревательные приборы для всех помещений, за исключением лестниц, гладкие радиаторы». Вентиляционный воздух должен был нагреваться водяными калориферами. Стоимость проекта 9600 руб.³⁶

³³ Саратовский листок. 1902. 14 июля.

³⁴ См.: ГАСО, ф. 4, д. 1894, л. 8—13, 27—27 об.

³⁵ Там же. Л. 2—4 об., 27.

³⁶ См.: Там же. Л. 19—26, 27 об.—28.

Представление в управу сразу трех проектов свидетельствует о том, что водяное отопление было уже достаточно освоено, имелось немало фирм этого профиля и, более того, в конкурентную борьбу со столичными специалистами вступили саратовские умельцы. И как показал проведенный 29 мая 1903 г. торг, одержали в этой борьбе победу. Подряд на устройство отопления и вентиляции в роддоме был передан Александровскому ремесленному училищу за 8500 руб.³⁷

Говоря о саратовских умельцах в сфере отопления, нельзя обойти вниманием Вячеслава Августовича Яхимовича. О нем я впервые узнала, занявшись историей отопления, и вначале не имела других источников, кроме обнаруженного среди документов соединенного механико- и химико-технического училища личного дела Яхимовича, на котором и основывались первые публикации о нем³⁸. Позднее в ходе поисков совсем других сведений вдруг встретились записи о Яхимовиче, ставшие зацепкой для постепенного выявления все новых и новых данных о нем. В итоге стало возможным сделать пусть не исчерпывающий, но отдельный очерк об этом талантливом изобретателе нового отопления, который дан в качестве приложения к данной публикации.

В начале XX в. системы отопления отличались большим разнообразием. Сложно сказать, какие конкретно системы предпочитали частные домовладельцы. Документов об этом обнаружить пока не удалось, но некоторую картину состояния и постановки отопительного дела дают документы Саратовской городской управы, организовавшей отопление 110 муниципальных общественных зданий, содержавшихся на городском бюджете. Среди них — учебные заведения, библиотека, читальни, городская больница, амбулатории, полицейские и пожарные части, ночлежные дома, водоразборные колонки, таможни и т. д.

В штате управы существовала должность заведующего отоплением городских учреждений. Из его докладов и отчетов видно, что, например, в 1914 г. самым распространенным видом отопления по-прежнему оставалось печное. Из 1541 отопительной установки 1317 составляли печи. Причем первое место занимали разнообразные «голландки»: кирпичные, изразцовые, в железном футляре, специальные небольшие для клозетов и другие — всего 798. Для общественных зданий они были удобнее, чем довольно громоздкие русские печи. Впрочем, и русских печей насчитывалось 506. И они также были весьма разнообразны: без подтопка и горячей стенки, с подтопком, но без горячей стенки, с горячей стенкой для отопления соседнего помещения и др.³⁹

³⁷ ГАСО, ф. 4, д. 1894, л. 33, 37–39.

³⁸ Гусакова Э. Е. Нагревателями могут быть полы, балясины перил, колонны, пилястры, вазы, статуи // *Репортер*. 2005. 12 октября. Она же. Изобретатель паро-бетонного отопления // *Кто есть кто в Саратовской губернии*. Саратов, 2007. С. 154–155.

³⁹ ГАСО, ф. 4, оп. 1, д. 3487, л. 44–45.

Отдельную группу составляли печи банные — каменки. Они топились только в банные дни. Но некоторые бани и ваннные комнаты отапливались голландскими печами. Для временного отопления помещений использовались 32 переносные чугунные и железные печи. Интересно, что камины, игравшие скорее декоративную, чем отопительную роль, тоже имелись в городских зданиях — всего 31 камин. Новые виды отопления только-только начинали внедряться. В шести зданиях было водяное отопление и в четырех — паровое⁴⁰.

К отопительному сезону хозяйственный отдел управы запасал на своих складах дрова и уголь и централизованно нанимал истопников для всех принадлежащих городу зданий. Топливо отпускалось со складов только по ордерам хозяйственного отдела. Нефть и мазут для парового и водяного отопления поставляла саратовская контора «Товарищества нефтяного производства братьев Нобель» по ценам: с доставкой — 47 коп. за пуд, без доставки — 45 коп. за пуд⁴¹.

В 1913 г. управа решила провести ревизию состояния тепловых систем, чтобы «выяснить недостатки приборов отопления в городских общественных зданиях и способы регулирования расхода топлива в таковых»⁴². Как существенный недостаток многих печей была отмечена плохая кладка, которая «произведена на не вымоченном кирпиче с толстым швом, чем нарушается устойчивое сцепление кирпичей между собою и способствует образованию трещин на нагреваемых поверхностях». Выяснилось, что в муниципальных зданиях было немало печей устаревшей конструкции с большим топливником, требующим соответственно большого количества дров. Зачастую «величина печей по отношению к охлаждающимся поверхностям и их кубатуре взята на глаз, благодаря чему получилось, что печь или велика, или мала по отношению к обогреваемому ею помещению»⁴³. Отрицательную роль играло также отсутствие самостоятельных дымовых каналов от каждой печи. Две, три, а иногда и четыре печи обслуживались одним дымовым каналом. В многоэтажных зданиях порой на печи всех этажей был один дымоход. Конечно, они сильно дымили, и, кроме того, ремонтировать их было значительно сложнее. Заведующий отоплением городских учреждений констатировал: «Русские печи в их настоящем виде громоздки, не экономичны в расходе топлива, что обуславливает устройство в них различных горячих стенок, подтопов и прочих ухищрений печных мастеров, служащих только увеличению расхода топлива»⁴⁴.

⁴⁰ ГАСО, ф. 4, оп. 1, д. 3487, л. 44–45.

⁴¹ Там же. Д. 3486, л. 18–89. Пуд — 16,38 кг.

⁴² Там же. Л. 1.

⁴³ Там же. Л. 2–11.

⁴⁴ Там же. Д. 3487, л. 11.

В целях экономии средств заведующий отоплением предложил вместо единой нормы расхода топлива разработать нормативы для каждого типа печей и составить «подробную расценочную ведомость, которая бы предусматривала, кроме капитальных работ, также работы по мелочному ремонту печей»⁴⁵. Устаревшие печи предлагалось заменить более современными, однако речи о широком внедрении парового или водяного отопления пока не шло. Все рекомендации сводились лишь к усовершенствованию печного отопления. В частности, предполагалось постепенно перейти от дров к минеральному топливу — углю, мазуту и нефти. Но так как для осуществления такого перехода еще нужно было изыскать средства, то на ближайшее время намечалась лишь рационализация заготовки дров: предпочтение твердых пород (дуб, береза, клен), доставленных гужевым способом, а не сплавом, срубленных осенью или зимой, так как дрова весенней и летней рубки, а также сплавленные содержат много влаги. Вместо нескольких разрозненных складов следовало создать один главный склад с ровным замощенным или шоссированным полом и там «организовать распилку и расколку дров машинным способом». Большое внимание уделялось и «оперативному персоналу», то есть истопникам. Предлагалось изменить систему их найма: принимать на постоянную работу, а не на сезонную, и подчинить истопников непосредственно заведующим зданиями, а не управе. Эти меры должны были повысить заинтересованность истопников в сохранении рабочего места и, следовательно, повысить качество их работы. Кроме того, так обеспечивался постоянный контроль их работы⁴⁶.

Намеченным переменам в деле отопления, к сожалению, не суждено было осуществиться. Череда событий (начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война, революция и Гражданская война) отнюдь не способствовала развитию городского хозяйства. Особенно тяжелыми были 1918, 1919 гг., когда из-за отсутствия топлива многие учебные и общественные здания закрывались на так называемые «дровяные каникулы». Некоторое улучшение наступило в 1920 г.: Саратовская губерния стала получать донецкий уголь и бакинскую нефть⁴⁷, но до появления в Саратове и других городах губернии централизованной системы отопления было еще далеко.

Изобретатель нового отопления

Земля Саратовская славна многими именами талантливых людей, в самых разнообразных сферах деятельности сотворивших нечто новое, небывалое, памятное. К числу таких людей принадлежит и Вячеслав Августович Яхимович.

⁴⁵ ГАСО, ф. 4, оп. 1, д. 3487, л. 11.

⁴⁶ Там же. Д. 3486, л. 7 об.

⁴⁷ ГАНИСО, ф. 27, д. 149, л. 26–27.

Родился Вячеслав Августович в Саратове 25 июня (7 июля по новому стилю) 1875 г. и крещен в Александро-Невском кафедральном соборе 15 августа. Как указано в метрической книге собора, «родители его: потомственный дворянин Август Иванович Яхимович и законная жена его София Ивановна, первый католического, а вторая православного исповедания»⁴⁸. Дворянским происхождением новорожденный был обязан деду, Ивану Францевичу Яхимовичу, который «в службу вступил подпрапорщиком в Пермский пехотный полк в 1818 году, ... выслужил кампанию в войну с турками в 1829 году ... в 1855 году произведен в коллежские ассесоры, каковыми приобрел право на потомственное дворянское достоинство ...»⁴⁹.

Отец его учился в Каменец-Подольской гимназии, но по каким-то обстоятельствам ушел после шестого класса и в 1871 г. стал канцеляристом первого разряда Роменской дворянской опеки. Через пять лет перешел на такую же должность в Саратовскую дворянскую опеку, затем был письмоводителем канцелярии камышинского и царицынского предводителя дворянства, наконец, стал служить в Саратовском губернском правлении и получил чин коллежского секретаря. В 1891 г. ушел в отставку по болезни. Кроме Вячеслава у Августа Ивановича и Софии Ивановны была еще дочь Вера 1872 г. рождения⁵⁰.

В 1883 г. Вячеслав поступил в приготовительный класс Саратовской первой мужской гимназии, но 12 марта следующего года по решению педсовета был исключен «за невнос платы за обучение»⁵¹. Какие осложнения в материальном положении семьи стали причиной тому, сейчас установить, к сожалению, невозможно. Можно лишь считать, что положение все же улучшилось, так как в 1885–1886 учебном году Вячеслав значится в первом классе, в числе способных гимназистов, имевших хорошие и отличные годовые оценки, и «переведен с наградой 2-ой степени» в следующий класс. Но далее учеба идет очень неровно, появляются тройки⁵². В пятом классе Вячеслав не справился с экзаменом по латинскому языку и сдавал его дополнительно в августе, когда все же перешел в следующий класс⁵³. В седьмом классе имя его упоминается среди гимназистов, которые «при хорошем прилежании оказывали менее или более удовлетворительные успехи, как в течение года, так и на испытании, что в достаточной мере доказывает столь высокую степень удовлетворительности их знаний, что вполне справедливо можно заявить и о дальнейшей их успешности, если ученики эти и

⁴⁸ ГАСО, ф. 19, оп. 1, д. 2600, л. 10.

⁴⁹ Там же. Л. 7 об.-8.

⁵⁰ Там же. Ф. 2, оп. 1, д. 7062, л. 1–7.

⁵¹ Там же. Ф. 248, оп. 1, д. 234, л. 9 об., 24, 49 об.

⁵² Там же. Д. 233, л. 140, д. 271, л. 9, д. 315, л. 178 об., д. 319, л. 20 об.-21.

⁵³ Там же. Д. 421, л. 152–152 об., д. 425, л. 92 об.

впредь будут проявлять ту же энергию в преодолении трудностей»⁵⁴. И вместе с тем, при аттестации по итогам седьмого класса за неаккуратное посещение богослужений в гимназической церкви Вячеслав получил по поведению четверку (такой низкий балл был только у трех учеников, у остальных — отлично). А в выпускном восьмом классе у него с начала учебного года и до марта «висел хвост» по греческому языку, причем в качестве причины, почему гимназист никак не ликвидирует эту задолженность, указано: «по лености»⁵⁵. Но, в конце концов, Вячеслав все же оказался в числе гимназистов, в отношении которых 31 мая 1894 г. педагогический совет постановил: «удостоить аттестатами зрелости в виду отличного поведения и вполне удовлетворительных успехов»⁵⁶.

Стоит отметить, что в одном классе с Вячеславом Яхимовичем учился и одновременно с ним получил аттестат зрелости Петр Лященко — также талантливый наш земляк, экономист, специалист в области агрономических проблем и истории народного хозяйства, академик Академии наук Украинской ССР, заслуженный деятель науки РСФСР⁵⁷.

Далее Вячеслав учился в Харьковском технологическом институте, по окончании которого в 1900 г. свой трудовой путь начал учителем специальных предметов Саратовского соединенного среднего механико-химико-технического училища (ныне колледж имени П. Н. Яблочкова)⁵⁸.

Первые годы по возвращении в родной город были омрачены тяжелой семейной драмой. У жены Веры Николаевны, урожденной Воскобойниковой, оказалось неизлечимое психическое заболевание, обострившееся с возрастом. После тяжких, связанных с этим перипетий, Яхимович расторг брак, забрав к себе дочь Наталию, родившуюся в 1895 г. в Харькове⁵⁹.

Однако Вячеслав Августович сумел не позволить своим личным обстоятельствам отразиться на педагогической работе. Всего через год после поступления на службу он был утвержден в должности преподавателя и избран секретарем педагогического совета училища, а в следующем году избран членом хозяйственного комитета училища. Со временем за успешное исполнение преподавательских обязанностей он удостоился орденов Святого Станислава III степени и Святой Анны III степени. К 1914 г. Яхимович дослужился до чина статского советника⁶⁰.

⁵⁴ ГАСО, ф. 19, оп. 1, д. 465, л. 113–113 об.

⁵⁵ Там же. Д. 464, лл. 21 (1-е полугодие), 23 (2-е полугодие); д. 465, л. 70.

⁵⁶ Там же. Лл. 36, 73–73 об. (2-е полугодие).

⁵⁷ БСЭ. 3-е изд. Т. 15. С. 135.

⁵⁸ ГАСО, ф. 254, оп. 1, д. 54, л. 1-1 об.

⁵⁹ Там же. Ф. 2, оп. 1, д. 8703, л. 1–2; ф. 19, оп. 1, д. 2600, л. 12.

⁶⁰ Там же. Ф. 19, оп. 1, д. 2600, л. 16–20, ф. 254, оп. 1, д. 54, л. 1–40.

Уладлись и его семейные дела. 6 февраля 1905 г. в Санкт-Петербургском Исаакиевском кафедральном соборе состоялось его бракосочетание с дочерью почетного гражданина г. Петербурга Еленой Александровной Лимониной. В ноябре того же года появился на свет их сын Борис. А затем с интервалом в два года родились дочери Елена и Тамара. В новой семье отца жила также и Наталия⁶¹.

Довольно успешно шла и научно-техническая деятельность Яхимовича, занимавшегося разработкой проблем внедрявшегося тогда в саратовский быт водяного отопления. Так, например, в 1903 г. городская управа решила сделать такое отопление в строящемся родильном доме на углу улиц Шелковичной и Царевской (ныне Пугачевской), который действует и в наши дни. В управу поступили проекты устройства отопления и вентиляции, подготовленные Московским торговым домом «В. Залесский и В. Чаплин», Санкт-Петербургской фирмой «К. Зигель» и инженером-технологом Яхимовичем, представлявшим интересы саратовского Александровского ремесленного училища. В конкурентной борьбе преимущество оказалось у проекта Вячеслава Августовича.

В 1905 г. соединенное среднее механико-химико-техническое училище участвовало во Всемирной выставке в Льеже (Бельгия), куда было отправлено три ящика экспонатов, подготовленных его учащимися в механической и химико-технической лабораториях. На эту выставку по предложению попечителя Казанского учебного округа (к которому относились в то время учебные заведения Саратовской губернии) «с Высочайшего соизволения был командирован с ученой целью» Вячеслав Яхимович. В чем именно состояла «ученая цель» и каковы итоги поездки, сведений пока не обнаружено. Но сам этот факт позволяет предполагать, что руководством была замечена склонность Яхимовича к решению технологических задач⁶².

В последующие годы Яхимович разработал систему использования голландских печей в качестве центрального обогревателя для водяного отопления и собственную систему парового котла. Оба изобретения были запатентованы в России. Но самым главным его изобретением стало вначале паро-бетонное, а затем и водо-бетонное отопление, которое Яхимович запатентовал не только в своей стране, но и в Германии и Англии. Этот способ отопления был так назван потому, что в качестве отопительных приборов Яхимович использовал трубчатые батареи, покрытые бетоном, то есть смесью песка, щебня и цемента. Покрытие позволяло не допускать слишком сильного нагрева их поверхностей, что делало удобной и безопасной эксплуатацию такой отопительной системы. «Испытание показало, — писал Яхимович, — что, действительно, бетонный слой усиливает теплоотдачу железной паровой трубой и понижает, хотя и незначительно, темпе-

⁶¹ ГАСО, ф. 254, оп. 1, д. 54, л. 11–15.

⁶² Там же. Л. 16 об.; ф. 254, оп. 1, д. 143, л. 1–32.

ратуры теплоотдающей поверхности без уменьшения теплопроводности, как-то достигается в чугунной трубе приливкой снаружи ее круглых ребер». К тому же отопительным приборам можно было придать любую форму: балясины перил, колонны, пилястры, вазы, статуи и прочего, так как бетон с заложёнными в него трубами по мере затвердения хорошо сохранял приданную ему архитектором форму. То есть проблема вписывания отопительных приборов в интерьер практически отпадала полностью⁶³.

За свои технические достижения Вячеслав Августович получил в 1908 г. на строительно-художественной выставке в Петербурге серебряную медаль от Общества охраны народного здравия и в 1911 г. на выставке в Дрездене (Германия) был удостоен диплома. Системы отопления саратовского инженера стали использоваться в Вильне (ныне Вильнюс), Казани, Киеве и других городах страны. К 1918 г. в России действовало более 100 таких установок⁶⁴.

Впервые паробетонное отопление было применено при строительстве больницы на станции Ртищево в 1907 г. «Постановка такой системы отопления в родильном доме на ст. Ртищево, — сообщал на заседании Саратовского отделения Русского технического общества его председатель Дмитрий Александрович Матренинский, — являлась попыткой изыскания способа, как нагреть до надлежащей температуры комнату с тремя световыми сторонами. Обычными голландскими печами этого достичь было нельзя, потому что в морозы от окон с трех сторон веяло холодом, а близ печей было невозможно жарко, так как их приходилось топить до накаливания. Равномерности температуры по всей комнате не могло быть, и только устройством отопления по системе Яхимовича была достигнута эта равномерность, чем сразу выяснилось преимущество данной системы».

Немного позднее какие-то нагревательные приборы системы Яхимовича были установлены также в одном из помещений училища, в котором он преподавал. Подробных сведений об этом пока не обнаружено. Но известно, что поскольку и в родильном доме, и в училище отопление действовало исправно, было решено использовать новый вид отопления и в Саратовской железнодорожной больнице, которая возводилась в Артамоновском саду близ товарной станции и состояла из трех одноэтажных зданий. В таком большом масштабе паробетонное отопление раньше не применялось. Заказчиков «предложение В. А. Яхимовича подкупало новизной, гигиеничностью, а также своей дешевизной; цены, заявленные фирмами, были в пределах от 25 000 до 35 000 рублей, между тем как паробетонное отопление Яхимовичем оценивалось в 12 000 рублей, а затем, вследствие некоторых изменений, цена его повысилась до 14 000 рублей».

⁶³ См.: Вестник Саратовского отделения Императорского Русского технического общества. Саратов, 1909. № 3—4. С. 129—138, 151.

⁶⁴ См.: ГАСО, ф. 254, оп. 1, д. 54, л. 1—17.

В январе 1909 г. больница вступила в строй. В каждом из ее корпусов, в подвальном этаже, помещался паровой котел низкого давления, рассчитанный на беспрерывную топку. Сеть паропроводных труб от котла и к котлу для обратного возвращения конденсата не отличалась от сети обычного парового отопления. Особенность заключалась в приборах отопления, представлявших собой трубчатые батареи и установленных в толще стен и перегородок. Для этих батарей при строительстве оставались ниши и проемы, которые после их установки «обкладывались кирпичом на ребро на цемент под лицо со стеной, причем промежуток между кирпичной обкладкой и самой батареей заливался цементом. Таким образом, печь представляла из себя кирпичный массив с большим содержанием внутри цементного раствора». Затем и стены, и заделанные ниши и проемы одинаково штукатурили и белили или красили, так что отличить, где стена, а где отопительный прибор, было невозможно. Регулирование температуры осуществлялось с помощью вентиля, установленного в парораспределительном шкафу, заключенном в специальную нишу⁶⁵.

Вслед за железнодорожной больницей паробетонное отопление было установлено и в городской гинекологической лечебнице. Об этом упомянул Яхимович на заседании Саратовского отделения Русского технического общества 21 декабря 1910 г., подчеркнув, что расход на отопление в лечебнице оказался даже на 20% ниже гарантированного им по договору.

На том же заседании Вячеслав Августович сообщил об изобретении им водобетонного отопления, отличавшегося тем, что по трубам пропускался не пар, а вода. Преимущество использования воды, а не пара заключалось в конструкции центрального нагревателя, представлявшего собой голландскую печь с вмазанным в нее водотрубным котлом. Так отпадала необходимость сооружения и оборудованная подвального помещения для установки котла и, следовательно, удешевлялось строительство. Новое отопление было успешно опробовано с разрешения управления Рязано-Уральской железной дороги в больнице станции Белев в Тульской губернии⁶⁶.

В 1913 г. паробетонное отопление появилось в городских смешанных училищах Саратова № 2, 6 и 13. Стоимость установки составляла от 6 750 руб. до 8 350 руб., что было примерно на 500–1000 руб. дешевле более широко распространенного водяного отопления. «Для выяснения дефектов отопления, равно его целесообразности» Саратовская городская управа назначила в 1914 г. специальные техническую и гигиеническую комиссии, которые провели «подробные опыты». К сожалению, заключения комиссий не удалось обнаружить. Но можно предполагать, что комиссии оценили новый вид отопления положительно, так как в том же 1914 г. паробетонное отопление появилось и в училище № 11⁶⁷.

⁶⁵ См.: Вестник Саратовского отделения Императорского Русского технического общества. Саратов, 1909. № 3–4. С. 129–138.

⁶⁶ См.: Вестник Саратовского отделения Императорского Русского технического общества. Саратов, 1911. № 10. С. 525–530.

⁶⁷ См.: ГАСО, ф. 4, оп. 1, д. 1894, л. 19–26, 27 об.–28, 33, 37–39, д. 3486, л. 254, д. 3487, л. 4 об.

Значительно выше, чем в России, было оценено изобретение Яхимовича в европейских странах, где оно получило распространение под названием «панельного», или «лучистого». Оно до сих пор считается одним из самых прогрессивных, удобных, экономичных и эстетичных.

Спрос на придуманные Яхимовичем системы отопления принес ему не только славу, но и деньги. 30 апреля 1910 г. он купил за 20 000 руб. у вдовы Евдокии Степановны Аносовой «дворовое место со всеми, находящимися на нем жилыми и нежилыми постройками, состоящее в городе Саратове ... в 173 планном квартале на Константиновской улице под номером три ...» В 1913–1914 гг. дом был надстроен двумя этажами, украшен атлантами и кариатидами и до сих пор привлекает к себе внимание необычностью фасада (нынешний адрес — улица Советская, 5). До покупки этого дома Яхимович проживал на той же улице в доме 23, который не сохранился⁶⁸.

В этот же успешный период своей жизни Яхимович, числившийся вольным дворянином, подает прошение в Саратовское дворянское депутатское собрание о причислении его и всей семьи к саратовскому дворянству. В мае 1913 г. прошение его было удовлетворено. Он и все члены семьи получили свидетельства о дворянском происхождении и внесении рода Яхимовичей во II часть «Саратовской дворянской родословной книги»⁶⁹.

Смена политического строя в стране лишила инженера Яхимовича доходов от прежних изобретений. Но преподавательская деятельность его не прервалась. Вячеслав Августович служил одновременно инженером-технологом практического института, профессором путейского факультета университета и профессором института народного хозяйства⁷⁰.

В сентябре 1923 г. Яхимович со всей семьей переехал в Петроград, где стал служить в железнодорожном техникуме. Поводом для такого шага было продолжение обучения сына Бориса — студента путейского факультета Саратовского университета⁷¹. Завершился саратовский этап в жизни талантливого человека. Но факт изобретения новой системы отопления, во многом опередившей свое время и не утратившей своего передового технологического значения до наших дней, навсегда остался вписанным в историю Саратова.

⁶⁸ ГАСО, ф. 19, оп. 1, л. 2600, л. 7–8 об., ф. 2, оп. 1, л. 8703, л. 1–2.

⁶⁹ Там же. Л. 25 об.—27 об.

⁷⁰ Там же. Ф. 254, оп. 1, л. 54, л. 39.

⁷¹ Там же. Л. 36–40.

Е. Н. Морозова

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МЕРОПРИЯТИЯ САРАТОВСКОГО ЗЕМСТВА (1890–1917)

История земских учреждений вызывает пристальный интерес не только российских и зарубежных специалистов, но и широких общественных кругов. На волне этого интереса наряду с серьезными исследованиями появляются публикации, зачастую носящие конъюнктурный характер, где идеализируются все стороны этих учреждений. Поэтому необходимо, не впадая в крайности, объективно оценить многогранный опыт земств, их место и роль в истории России. Это позволит поставить вопрос не только о природе и статусе местной власти, но и о возможности использования сегодня некоторых форм практической деятельности органов земского самоуправления.

Российские земства отличались большим разнообразием социального состава, направлениями и интенсивностью своей работы. Поэтому очень важно исследовать деятельность локальных земств, выявить общность и различия в главных сферах бытия этого политического института, в частности, в области экономических мероприятий по подъему благосостояния сельского населения. Этот сюжет интересно рассмотреть на примере Саратовской губернии, одной из крупнейших в России¹, чей хозяйственный облик в пореформенный период определяло земледелие с экстенсивным характером, когда увеличение его товарности шло за счет расширения пашни: с 3,6 млн дес. в 1865 г. до 5,5 млн дес. в 1899 г. Саратовское зерно вывозилось в губернии европейской части России, на Кавказ, поставлялось в армию. Постепенно через балтийские порты саратовский хлеб стал поступать на европейские рынки². Еще в 1871 г. саратовский губернатор М. Н. Галкин-Враский с гордостью отмечал: «Саратовский хлеб успел занять почетное место на хлебных рынках Лондона, Марселя, Константинополя... 6 млн пудов одной пшеницы было предназначено к вывозу на хлебные рынки как Рос-

¹ Саратовская губерния с общей площадью в 7,5 млн десятин и населением в 2 млн человек (1890 г.) делилась на 10 уездов, располагавшихся в разных природных зонах. В северо-западных уездах преобладали черноземные земли, в юго-восточных — суглинистые и солончакосы. Отсюда большие различия в экономическом развитии этих районов. Урожайность в северо-западных уездах была в 2–2,5 раза выше, чем в юго-восточных. Эти районы различались и по соотношению помещичьего землевладения с крестьянским, и по развитию промыслов. См.: Статистический обзор Саратовской губернии за 1891 г. Саратов, 1891. С. 12, 51–54.

² Очерки истории Саратовского Поволжья. Саратов, 1995. Т. 2, ч. 1. С. 117, 152.

сии, так и западноевропейские»³. В общей хозяйственной площади в 1870–80-е гг. 41,2% посевов было занято рожью, 22,2% — пшеницей, остальная площадь засеивалась овсом, просом, гречихой⁴.

Сельское хозяйство Саратовской губернии, по выражению известного статистика С. А. Харизоменова, было «рассчитано всецело на божью волю, да хорошую погоду»⁵. В целом, характеризуя экономику Саратовской губернии в 1880-е гг., представители местной администрации указывали на ее «неблагоприятное состояние», «серьезное экономическое расстройство населения». Политические обзоры по Саратовской губернии за 1884–1885 гг. акцентировали внимание «на общем застое в хлебной торговле» в связи с мировым аграрным кризисом, захватившим и Россию. Общий вывод был неутешительным: «Экономическое положение губернии далеко не в цветущем состоянии»⁶. В качестве примера приводились цифры, свидетельствовавшие об оскудении крестьянского хозяйства: «32% рабочих рук не занимается земледелием по недостатку рабочего скота и инвентаря, зажиточность крестьянства резко уменьшается. Труды землевладельцев оплачиваются весьма скудно»⁷.

Основной бедой пореформенного крестьянского хозяйства являлось малоземелье, недостаточное количество рабочего скота, высокие арендные цены, постоянные неурожаи, которые вызывались различными причинами. Настоящим бичом для губернии были засухи, разорявшие как помещичьи, так и крестьянские хозяйства⁸.

Голод 1891 г. стал поворотным пунктом в деятельности земств по повышению экономического благосостояния крестьянства. В журналах торжественного заседания Саратовского губернского земства, посвященного 50-летию юбилею российских органов самоуправления, констатировалось, что «в области экономической и сельскохозяйственной деятельности роль отправного и опорного пункта сыграл голод 1891 г. Земству в борьбе с этим бедствием пришлось играть главную роль»⁹. Основную причину этой экономической катастрофы земские гласные видели в рутинных формах ведения крестьянского хозяйства и считали необ-

³ ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 2122, л. 111.

⁴ См.: Сборник статистических сведений по Саратовской губернии (далее — ССС): В 12 т. Саратов, 1891. Т. 11. С. 217.

⁵ Харизоменов С. А. Экономическая деятельность Саратовского земства. Саратов, 1887. С. 31–32.

⁶ Журналы заседаний очередного губернского земского собрания 1879 г. Саратов, 1879. С. 11; СОМК. № 27258; ГАРФ, ф. 102, д. 3, оп. 7, 1885, д. 59, ч. II, л. 52.

⁷ Там же. 1884. д. 88, ч. 16, л. 61.

⁸ Очерки истории Саратовского Поволжья. Т. 2, ч. 1. С. 114, 122–123.

⁹ Журнал торжественного заседания 19 января 1914 года, посвященный пятидесятилетию земских учреждений. Саратов, 1914. С. 51.

ходимым найти пути его модернизации. Саратовское губернское земское собрание 1900 г. постановило: «Положить начало экономической деятельности губернского земства на пользу местного населения»¹⁰.

Неофициальная агрономическая секция, организованная известным статистиком А. А. Фортунатовым во время IX съезда естествоиспытателей и врачей, и земская секция на 6-м съезде сельских хозяев в Москве (1895 г.) были первыми попытками выработать коллективную концепцию общественной агрономии¹¹. В Саратовской губернии с комплексной программой вывода сельского хозяйства из кризиса выступил известный статистик С. А. Харизоменов. Он предложил целый ряд мер «для поднятия уровня нашего сельского хозяйства». По его мнению, необходимо было совершенствовать земледельческие системы, применять новую технику, проводить мелиоративные работы, обратить часть «избыточных рабочих рук на организацию кустарных промыслов»¹².

В 1890-х гг. подобные меры носили лишь спорадический характер, несмотря на то, что Положением о земских учреждениях (1890 г.) на земства были возложены заботы о подъеме экономического благосостояния крестьянского населения. Катастрофическое положение в сельском хозяйстве не могло не беспокоить правительство. Оно через Департамент земледелия осуществляло финансовую помощь земствам в мероприятиях по «воспособлению местному земледелию»¹³. Но альтруизм правительственных органов нельзя преувеличивать. Речь идет не только о желании вывести сельское хозяйство из кризиса, но и о фискальных проблемах. Рост недоимок крестьян по всем видам платежей и налогов оказывал крайне негативное влияние на доходные статьи бюджета страны. Земство также было заинтересовано в росте доходности сельского хозяйства, особенно крестьянского, ибо на крестьянские земли всей тяжестью ложились земские сборы. В Саратовской губернии поземельное обложение в уездах в среднем за сорок лет возросло почти в 15 раз, составляя в 1871 г. 4–7 коп., в 1901 г. — 20 коп., в 1913 г. — 59 коп.¹⁴ Недоимки по земским сборам пробивали ощутимую брешь в

¹⁰ Систематический сборник постановлений Саратовского губернского земства. 1891–1900 (далее — ССП). Саратов, 1900. Ч. II. Отд. 11. С. 6.

¹¹ См.: Овчинцева Л. А. Общественная агрономия в России: теория и практика (конец XIX—начало XX века): Автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 1995. С. 7.

¹² Левин С. В. С. А. Харизоменов. Общественная и научная деятельность: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1991. С. 11. Вопросами кустарной промышленности видный статистик занимался уже в 1880-х гг., о чем свидетельствуют его работы: Харизоменов С. А. Промыслы Владимирской губернии. М., 1882–1884; Он же. Значение кустарной промышленности // Юридический вестник. 1883. № 11–12.

¹³ В 1899 г. произошла реорганизация Министерства земледелия, которое было преобразовано в Главное управление землеустройства и земледелия.

¹⁴ Журнал торжественного заседания ... С. 54.

бюджетах органов самоуправления, заставляя последних брать кредиты в банках, у частных лиц под 8—9% годовых¹⁵. Возрастали долги уездных земств губернского, которые часто не возвращались. Причем уездные управы, отказываясь расплачиваться по кредитам, объясняли свою позицию следующим образом: «Что делать, если уездные управы не платят долга? Не платят, значит не могут этого сделать без ущерба для уездного дела»¹⁶.

Безусловно, тяжелое положение в земских финансах осложняло развитие нового направления в практической деятельности земских учреждений. Первоначально новые статьи в расходной части земских бюджетов в уездах Саратовской губернии занимали незначительную часть, но, тем не менее, они свидетельствовали о росте ассигнований на экономические мероприятия (таблица).

**Ассигнования на экономические нужды уездных земств
Саратовской губернии (в процентах к общей смете)**

Уезд	1902 г.	1903 г.	1904 г.
Аткарский	—	—	—
Балашовский	1,8	3,5	4,5
Вольский	—	12,5	14,9
Камышинский	3,4	3,5	3,1
Кузнецкий	1,9	4,5	3,7
Петровский	1,3	3,3	4,3
Саратовский	3,3	4,5	3,3
Сердобский	1,1	1,0	3,9
Хвалынский	2,5	2,9	3,9

Примечание. Сост. по: Сельскохозяйственный справочный листок. 1904. № 1.

Из таблицы явствует, что в 1904 г. подавляющее число уездных земств тратило на экономические нужды от 3,1 до 4,5% своего бюджета. Из земств Саратовской губернии резко выделялся Вольский уезд, чьи ассигнования на эти цели составляли около 15% всех расходов. К 1914 г. практически во всех уездных земствах расходы на экономическое благосостояние составляли около 10%, занимая третье место среди необязательных трат земских учреждений¹⁷. Расходы губернского земства в сфере экономических мероприятий возросли с 38, 8 тыс.

¹⁵ См.: Морозова Е. Н. Саратовское земство. 1865—1890. Саратов, 1991. С. 36—37.

¹⁶ Журнал заседаний очередного губернского собрания 1913 года. Саратов, 1914. С. 193.

¹⁷ См.: Журналы заседаний очередного губернского земского собрания 1915 года. Саратов, 1916. С. 173.

руб. (3,4% к губернской смете) в 1907 г. до 535,8 тыс. руб. (22,7% к губернской смете) в 1916 г.¹⁸

Появление новой формы практической деятельности органов местного самоуправления дало возможность земским гласным говорить о «старом» и «новом» земстве: «Позади работа старого земства, работа широкая и плодотворная, но, до некоторой степени, односторонняя. Старое земство создало медицину и образование. Но до настоящего времени игнорировало третью свою обязанность — подъем сельского хозяйства»¹⁹.

В Саратовской губернии, как и в других земских губерниях России²⁰, координационную роль в мероприятиях по подъему сельского хозяйства играли экономические советы, агрономические совещания и совещания по опытному делу. Главная задача этих органов — «взаимное осведомление, обсуждение и разработка организационных и технических вопросов», связанных с новой агротехникой. Первый Экономический совет был открыт в Саратовском уездном земстве (1892 г.). Экономические советы, куда входили специалисты — агрономы, земские гласные и председатели уездных управ, должны были заниматься выработкой тех концептуальных позиций по агрономическому делу, которые выносились для обсуждения в земские собрания. Ряд уездных гласных вообще считал эти органы «детищем кабинетной работы, детищем мертворожденным»²¹. Но, думается, что этот негативизм был преувеличен. Об этом свидетельствует деятельность постоянно действующего губернского Экономического совета, созданного в 1901 г. и имевшего широкую перспективную программу по координации всех экономических мероприятий. Через экономические советы губернное земство субсидировало уездные. Средства брались не только из земского бюджета, но и в форме ссуд у правительства. В 1903 г. на эти цели Саратовское губернное земство получило от Департамента земледелия 250 тыс. руб.²²

Первое место по расходам в экономической области занимало содержание земских агрономов. Начало агрономической службы в губернии относится к 1893 г., когда Саратовское уездное земство пригласило агронома. К 1902 г. агрономы работали уже во всех уездах губернии, кроме Аткарского, а в 1906 г. агрономов насчитывалось 12 человек (по одному в каждом уезде и два губерни-

¹⁸ См.: Отчет Саратовской губернской управы чрезвычайному Саратовскому губернскому собранию 18 мая 1917 г. Саратов, 1917. С. 8–9.

¹⁹ Журналы заседаний очередного Саратовского губернского земского собрания 1914 г. Саратов, 1916. С. 52.

²⁰ См.: Самарское земство: опыт практической деятельности (1865–1918). Самара, 2009. С. 239–247.

²¹ Саратовская земская неделя (далее — СЗН). 1902. № 6–7. С. 12.

²² ГАСО, ф. 5, оп. 1, д. 2111. л. 93; Справочный сельскохозяйственный листок (далее — ССА). 1903. № 2. С. 2–3.

ских агронома). Агрономы принадлежали к элите земской интеллигенции. Все они имели высшее образование и высокое жалованье, которое было сравнимо с зарплатой врачей: губернские агрономы получали по 3 тыс. руб., уездные — от 1500 до 2400 руб. Жалованье агрономам выплачивалось на паритетных началах: половину давало губернское земство, другую — уездные земства²³.

Потребности в дальнейшем развитии агрономической службы постоянно возрастали, о чем свидетельствует реализация столыпинской аграрной реформы в Саратовской губернии. «Спрос на советы агрономов до того велик, особенно на отрубных участках, что в силу необходимости приходится отказывать многим», — указывалось в журнале заседаний Камышинского уездного земского собрания в 1913 г. Именно «отрубники» были «заинтересованы в рекомендательных мерах и способах ведения хозяйства рациональным образом, системах севооборота и возделывания кормовых культур»²⁴.

Саратовская губернская земская управа обращала постоянное внимание на недостатки агрономической службы, отмечая, что «агрономический персонал перегружен работой»²⁵. Но найти агрономов с высшим образованием было весьма сложно, ибо в России существовало всего пять высших сельскохозяйственных учебных заведений, а на юго-востоке страны их не было вовсе. Органы земского самоуправления губернии находили выход из положения, приглашая студентов на сельскохозяйственную практику, которая длилась пять месяцев. На протяжении всего этого времени им выплачивалось жалованье, дорожные, суточные²⁶. Но и подобная мера не могла привести к кардинальному решению вопроса и обеспечить квалифицированными агрономическими кадрами всю территорию губернии. Единственный выход губернская управа видела в открытии в Саратове высшего сельскохозяйственного учебного заведения, о чем ходатайствовало перед правительством в 1910 г., предлагая на эти цели 150 тыс. руб.²⁷

Саратовское земство предпринимает целый ряд мер, которые бы позволили решить проблему нехватки профессиональных кадров и подготовить специалистов среднего и низшего звена агрономического профиля. Своеобразной кузницей агрономических кадров стали специализированные сельскохозяйственные училища, школы и специальные классы в общеобразовательных учебных заведениях.

²³ ГАСО, ф. 5, оп. 1, д. 3439, л. 99–100.

²⁴ Журналы 48 очередного Камышинского уездного собрания сессии 1913 года и доклады управы со сметой. Камышин, 1913. С. 40.

²⁵ Отчет экономического отдела Саратовской губернской земской управы за 1914 год. Саратов, 1916. С. 77.

²⁶ См.: Доклады Саратовской губернской земской управы очередному губернскому земскому собранию 1910 года. Саратов, 1911. С. 3.

²⁷ Там же. С. 4–5.

Среднее сельскохозяйственное образование можно было получить в Мариинском (Саратовский уезд) и Вольском (Вольский уезд) сельскохозяйственных училищах. Последнее являлось классическим примером организации подобных учебных заведений. Оно имело все необходимое для осуществления успешного учебного процесса. В докладах губернской земской управы за 1910 г. отмечалось, что «здание Вольского училища — прекрасное, скотный двор — образцовый, ученики производят хорошее впечатление»²⁸. В училище находились просторные учебные классы, лаборатории, хорошая библиотека, помещение для метеонаблюдений. Для практических занятий предназначались несколько мастерских, скотный двор, большое опытное поле. Можно отметить благоприятные условия труда и быта, как преподавателей, так и учащихся. В здании училища находился приемный покой с аптекой, где все нуждавшиеся могли получить необходимую медицинскую помощь. Содержание этого училища ежегодно обходилось Саратовскому губернскому земству в 55,5 тыс. руб.²⁹

В Саратовской губернии существовали две образцовые школы садоводства и огородничества Н. Корбутовского (Царицынский уезд) и Д. Олсуфьева (Камышинский уезд). Эти школы содержались в основном на средства самих земских гласных — организаторов этих профессиональных учебных заведений. Но средств, безусловно, не хватало. В содержании школ участвовало губернское земство, которое давало по 800 руб. ежегодно, небольшие деньги давали уездные земства, основную же часть составляли частные пожертвования. Состояние указанных школ даже по современным меркам являлось превосходным. Студенческая школа (Ахматская волость Камышинского уезда) была открыта в 1910 г. и рассчитана на 30 учащихся, только питание и одежда которых обходилось около 3 тыс. руб. в год. На это число обучающихся полагалось три классных комнаты, три спальни, раздевалка, гардеробная, кухня, столовая, баня, людская. Заведующий школой и учителя обеспечивались квартирами, бесплатными дровами, имели дрожки для выезда. Студенческую школу обслуживали 16 человек: кухарка, прачка, поломойка, коровница, плотник, пастух, экономай, конюх, садовник, дворник, караульщики бахчей и т.д. Кроме теоретических знаний, учащиеся получали хорошую профессиональную подготовку, ибо при школе находились теплицы, свинарня, овчарня, молочная, коровник, конюшни, машинный сарай. По отзывам членов губернской управы и инспектора по сельскому хозяйству Саратовской губернии, побывавших на выпускных экзаменах, эти школы давали прекрасные знания³⁰.

²⁸ ГАСО, ф. 5, оп. 1, д. 3790, л. 9.

²⁹ Там же. Л. 8—9.

³⁰ Там же. Д. 3439, л. 86; Доклады губернской земской управы за 1910. Докл. № 7. С. 1.

С земской агрономией связаны важнейшие мероприятия органов местного самоуправления по рациональному ведению хозяйства, улучшению агротехники. Одной из подобных мер являлось создание сельскохозяйственных складов. В 1885 г. на всю Россию существовало всего 12 таких учреждений. В Саратовской губернии первый склад возник при губернском земстве в 1896 г., а в начале XX в. во всех уездных земствах были открыты сельскохозяйственные склады, некоторые из них имели по 5–6 отделений. Сельскохозяйственные склады возглавляли лица со специальным образованием³¹. Среднегодовой оборот сельскохозяйственных складов составлял около 60–70 тыс. руб.³² Главная функция подобных складов — продажа сельскохозяйственной техники крестьянам. В основном она закупалась у иностранных фирм и немецких колонистов, имевших свои небольшие мастерские. Этот факт является свидетельством позитивного влияния опыта немецких колонистов, ведущих хозяйство более современными методами, чем русское население. В документах сохранились свидетельства, что по примеру колонистов в Саратовском уезде были созданы «5 небольших производств плугов Эккерта на базе кустарных мастерских. Только мастер Болдырев сделал свыше 50 плугов, которые были сразу распроданы»³³. Но говоря об уровне распространения сельскохозяйственных машин, следует признать его явно недостаточным. Вместе с тем существовали уезды с относительно благополучными цифровыми показателями: в 1913 г. на 100 хозяйств Саратовского уезда приходилось свыше 55 плугов, 22 веялки, других же сельскохозяйственных машин были считанные единицы. В журналах заседания Камышинского земства за 1913 г. отмечалось, что «распространение сельскохозяйственных орудий идет вперед большими шагами. Наш сельскохозяйственный склад продал менее, чем за полгода, на такую сумму, которую раньше и не выручал за год»³⁴. Только в селе Мордовом Ахматской волости (Камышинский уезд) насчитывалось 130 плугов и 71 веялка³⁵.

Несмотря на то что сельскохозяйственные склады торговали в кредит с рассрочкой платежей до трех лет, многим крестьянам такие траты были не по карману. Поэтому земства организуют прокатные пункты, где население могло пользоваться дорогими машинами, не покупая их.

Но получить сельскохозяйственные машины крестьяне могли не только через склады. Губернское земство организовало специальное посредническое бюро, которое, обращаясь непосредственно к крупным фирмам (например, плуги выписыв-

³¹ См.: ССА. 1903. № 1. С. 3.

³² СЗН. 1900. № 11–12. С. 17.

³³ Там же. С. 35.

³⁴ Журналы заседаний Камышинского уездного земского собрания. С. 41.

³⁵ Список населенных мест Саратовской губернии. Саратов, 1912, С. 2; Доклады Саратовской губернской управы за 1916 год. Саратов, 1916. С. 33.

вали у фирм «Аксай», «Гельферих-Саде»), отправляло им заказы сразу на крупную партию изделий. Оно же договаривалось о кредитах и рассрочке их на три года³⁶.

Потребности в новой технике резко возросли в годы Первой мировой войны в связи с оттоком рабочих рук из деревни. Балашовская уездная управа отмечала, что «в связи с мобилизацией людей и лошадей обостряется потребность в сельскохозяйственных машинах. По сравнению с 1912 г. жаток продано в пять раз, а молотилок в 10 раз больше»³⁷.

В целях популяризации агротехнических новшеств создавались опытные поля, которые в начале XX в. имело каждое уездное земство Саратовской губернии. Их главная задача — показать населению, какие «культуры благоприятны для разведения в конкретных естественно-исторических районах». В 1912 г. на содержание опытных полей уездные земства тратили 17 тыс.; в 1913 г. эта сумма снизилась до 14 тыс. руб. в год; в 1917 г. она возросла до 20 тыс. руб.³⁸

Развитие опытного дела поставило вопрос о создании научно-исследовательских центров по изучению агротехнических условий для всей губернии. Для Саратовской губернии учреждение подобного рода было остро необходимо, так как она находилась в зоне рискованного земледелия. Помимо всего существовали резкие различия в природно-климатических условиях северо-западной и юго-восточной частей губернии. В 1910 г. Саратовское губернское земство открыло Областную сельскохозяйственную опытную станцию, которая обходилась земству ежегодно в 340 тыс. руб. Правительство оплачивало из государственного бюджета нужды станции в размере 249 тыс. руб. Сами доходы этой организации были невелики: чуть более 6 тыс. руб. в год. Естественно, что станция была убыточным учреждением, но ее значение для «изучения техники сельского хозяйства в связи с местными условиями» была неопределимой. Станция имела целый ряд отделов: селекционный, полеводческий, метеорологический, энтомологический отделы; отдел прикладной ботаники, сельскохозяйственную и химическую лаборатории, кабинет почвоведения³⁹.

Популяризация агрономических знаний шла и через печатное слово. Саратовское земство занималось издательской деятельностью: выпускалось периодическое специальное издание «Справочный сельскохозяйственный листок», публи-

³⁶ См.: Доклады губернской управы за 1910 год. Докл. № 9. С. 1–10.

³⁷ Сельскохозяйственный вестник Юго-Востока России. 1916. № 2.

³⁸ Отчет губернской земской управы чрезвычайному Саратовскому губернскому собранию 18 мая 1917 г. Саратов, 1917. С. 16.

³⁹ См.: ГАСО, ф. 5, оп. 1, л. 3700, л. 7; Доклад Саратовской губернской управы о постройке опытной станции. Саратов, 1910. С. 24; Отчет губернской земской управы ... 18 мая 1917 г. С. 15.

ковались специальные брошюры о пользе новой агротехники. Уездные земства устраивали сельскохозяйственные библиотеки, рассылали книги по земским школам. Но, естественно, для большей массы крестьян (в силу низкого уровня грамотности в деревне) они были недоступны. Поэтому наиболее действенными формами распространения агротехнических знаний стали краткосрочные сельскохозяйственные курсы. В журналах заседаний Камышинского земства сохранились свидетельства о «прекрасных результатах краткосрочных курсов для крестьян по садоводству, пчеловодству, огородничеству, на которых присутствовало 35 слушателей»⁴⁰. В качестве позитивного итога земские гласные указывали, что после окончания курсов многие крестьяне из числа обучавшихся завели собственные пасеки.

Большую роль в распространении агрономических знаний играли сельскохозяйственные выставки и показательные сельскохозяйственные работы. Например, Петровское земство провело сравнительный опыт молотбы зерна тремя способами: молотильными камнями, старым дедовским способом — цепами и двухконной молотилкой. «На ярмарочной площади были приготовлены 3 тока, работа началась одновременно в 8 часов утра и продолжалась 3 часа при значительном стечении народа»⁴¹. Таким образом, органы местного самоуправления демонстрировали преимущество машинного труда перед ручным. В документах отсутствуют данные о том, сколько крестьянских хозяйств после этой показательной работы приобрели сельскохозяйственные машины. Но практические результаты просветительской деятельности земства можно проследить на другом примере. В Камышинском уезде были проведены показательные работы по садоводству, где наглядно демонстрировались следующие методы: прорезка, перекопка, опрыскивание, внесение удобрений. Крестьяне применили этот опыт у себя и, благодаря ему, в селе Студенка, славившемся своими садами, было собрано свыше 700 пудов яблок, т.е. в два раза больше, чем обычно. Благодаря популяризации агротехнических знаний, в Камышинском уезде были заложены плантации винограда⁴².

Особое место в экономических мерах занимала работа губернского и уездных земств по развитию кустарных промыслов. «Кустарные промыслы, — говорилось в журналах заседаний губернского земства, — при пятимесячной зиме должны в тяжелом экономическом положении играть видную роль в бюджете крестьян»⁴³. По подсчетам земского Статистического бюро, в Саратовской губернии насчитывалось до 120 специальностей. Промыслы были развиты нерав-

⁴⁰ Журналы заседаний Камышинского уездного собрания. С. 41.

⁴¹ СЗН. 1900. № 11–32. С. 27.

⁴² См.: ГАСО, ф. 19, оп. 1, д. 2153.

⁴³ ССП. С. 11.

номерно: особое распространение они получили в юго-восточных уездах, где было мало плодородных земель. В Камышинском уезде промыслами занималось около 80% всего населения, в Царицынском — 47% всех мужчин⁴⁴. Промыслы существовали и в других уездах. Количество занимающихся кустарными промыслами постоянно росло: в 1900 г. — около 100 тыс., в 1905 г. — 160 тыс. человек⁴⁵. Значительную роль в развитии кустарного производства играло земство, которое способствовало открытию кустарных мастерских и субсидировало их. К числу подобных заведений относились шорные, бондарные, коврово-ткацкие, экипажные, мастерские по производству огнеупорной черепицы и керамических труб для водопроводов. В селах Озерки, Синеньких, Вязовке, Елшанке существовали мастерские по производству плугов. В Саратовском, Кузнецком, Хвалынском уездах были организованы артельные земские кожевенные заводы. Наиболее крупный из них находился в с. Базарный Карабулак (Саратовский уезд). Саратовские сыромятные кожи пользовались значительным успехом и покупались многими фирмами России, в частности, прибалтийскими⁴⁶.

Кустарными изделиями саратовских крестьян заинтересовались и иностранные фирмы. В областном архиве сохранился запрос американского консульства с просьбой сообщить «краткие сведения о кустарных и сельскохозяйственных артелях» в Саратовской губернии, и просьба американского предпринимателя о присылке прейскурантов и каталогов на предмет «ввоза в Америку некоторых русских кустарных изделий»⁴⁷.

Земства способствовали сбыту кустарных изделий через кустарные склады, принимая готовую продукцию от кустарей, кустарных кооперативов, скупщиков. Так, в Саратовском кустарном складе находились различные изделия: экипажи, мебель, корзиночные изделия. Особым покупательским спросом пользовалась продукция корзиночной мастерской графа Олсуфьева. Эти изделия отличались прекрасным дизайном и могли конкурировать с популярной «венской» мебелью. До сих пор у некоторых жителей села Ахмат (б. Камышинский уезд) сохранились стулья, изготовленные в этой мастерской. Интересно заметить, что развитие корзиночного производства было тесно связано с одним из направлений в экономической политике земства — «облесением песков и оврагов». В Саратовской губернии существовало свыше 13,5 тыс. оврагов с общей площадью свыше 55 тыс. десятин. Недаром значительное число населенных пунктов Саратовской

⁴⁴ См.: ССС. Т. 3. С 1—2, 32—43.

⁴⁵ См.: *Вороневцев А. В.* Саратовское земство накануне и в период первой русской революции (1900—1907 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1993. С. 13.

⁴⁶ См.: ГАСО, ф. 5, оп. 1, д. 3469, л. 73; О кожевенном промысле подробнее см.: *История Саратовского Поволжья*. Т. 2, ч. 1. С. 128.

⁴⁷ ГАСО, ф. 5, оп. 1, д. 3469, л. 73.

губернии имели в своем названии слово «буерак» — отсюда и их названия: Широкий, Черный, Красный. Только в Камышинском уезде было шесть сел с таким названием⁴⁸.

Основным методом борьбы с распространением оврагов стали посадки шелюги⁴⁹. Земство, организовав специальные питомники по выращиванию посадочного материала, раздавало его бесплатно, нанимало рабочих и временных десятников, оплачивало их работу и перевозки. В местах, где были такие посадки, развивалось корзинное и мебельное производство. Это касается уже упоминаемой мастерской Д. Олсуфьева. Подобные мастерские существовали в Аткарском и Балашовском уездах.

Как уже отмечалось, губернское и уездные земства имели кустарные склады, которые не только скупали готовые изделия, но и снабжали кустарей сырьем. В 1904 г. был открыт Центральный саратовский кустарный склад, который приобретал «от разных фирм товары, необходимые кустарям»⁵⁰. Хвалыинское уездное земство закупило лес в селах Андреевка и Шаровское, из которого выработывались изделия в учебно-показательных столярных мастерских.

По сравнению со складами сельскохозяйственных орудий кустарные склады имели меньший оборот: в 1908 г. кустарные склады губернского земства принесли прибыль в 14 тыс., вместе с тем долги частных лиц этим учреждениям составляли свыше 9 тыс. руб. Причины такой низкой рентабельности земские гласные объясняли незначительной продажей, высокими заготовительными ценами, многочисленными кредитами, которые кустари выплатить не могли. Только Русско-Камешкирский кустарный склад возбудил 14 исков против неплательщиков, чья сумма долга колебалась от 2 до 23 руб.⁵¹ Положение усугублялось случаями растрат и воровства. Так, заведующий Шаховским кустарным складом растратил свыше 1 тыс. руб. казенных денег и умер, находясь под следствием. Земская управа с горьким юмором отмечала: «Управа имеет честь долг за безнадежностью к поступлению отнести на убыток по кустарному фонду»⁵². Однако вместе с названными причинами неудач в сфере деятельности кустарных складов можно назвать высокий продажный процент, который был на 15–25% выше закупочной цены. Низкая рентабельность привела к тому, что губернское земство с 1908 г. начинает постепенно сворачивать мероприятия по кустарному

⁴⁸ Списки населенных мест ... С. 2.

⁴⁹ Шелюга (краснотап) — семейство ивовых. Ветви идут на плетение корзин, древесина — на различные поделки.

⁵⁰ ГАСО, ф. 5, оп. 1, д. 3783, л. 10.

⁵¹ Отчет кустарной организации за 1908 год. Саратов, 1910. С. 1, 47; ГАСО, ф. 5, оп. 1, д. 3469, л. 121.

⁵² ГАСО, ф. 5, оп. 1, д. 4404, л. 75–79.

делу, мотивируя этот процесс тем, что «результаты не соответствуют широкой постановке дела и затратам»⁵³. Губернское земство оставляет за собой проблемы исследования кустарных промыслов в регионе и проводит политику кредитования уездных земств. Таким образом, вся тяжесть мероприятий по развитию кустарных промыслов легла на плечи уездных земств, которые сделали все возможное, чтобы эта работа не только не прекратилась, но и развивалась дальше. Об определенных успехах в этой сфере свидетельствует участие Саратовского земства во Второй кустарной выставке (март — апрель 1913 г.), проходившей в Санкт-Петербурге. На эти цели губернское земство ассигновало 3 тыс. рубл., и для участия в выставке было приобретено 388 экспонатов по 50 видам кустарного производства от 76 хозяев. Саратовское земство построило для своей экспозиции павильон в русском стиле: «Павильон Саратовской губернии, несмотря на внешнюю скромность... охотно не только посещался публикой, но останавливал многих на продолжительное время»⁵⁴. 22 марта саратовский павильон посетил Николай II с дочерьми. Организаторы выставки отметили высокий уровень кустарного производства в Саратовской губернии. Губернское и Камышинское уездное земства получили Большие серебряные медали. Саратовское уездное земство было награждено бронзовой медалью. Кроме того, награды получили и крестьяне-кустари: восемь человек — малые серебряные медали, 23 — бронзовые⁵⁵.

В целом сельскохозяйственные и кустарные выставки играли огромную просветительскую роль и помогали в сбыте товаров. Помимо участия во всероссийских кустарных выставках (1902, 1913 гг.) проходили губернские и уездные выставки сельского хозяйства. В губернских выставках принимали участие представители и других губерний. В частности, на выставке 1889 г. было представлено свыше 5 тыс. экспонатов, большинство из которых были проданы. В указанной выставке принимали участие земства Тамбовской, Самарской, Курской губерний. Саратовское губернское земство ассигновало на эту выставку 11 тыс. руб. (в то время как Департамент земледелия — всего 1800 руб.)⁵⁶.

В годы Первой мировой войны появляются новые направления в экономической деятельности органов земского самоуправления. В Саратовской губернии в связи с мобилизацией резко сократились посевные площади: от 20 до 30% по разным уездам. Подобная ситуация заставила земство иными глазами посмотреть на результаты своей деятельности в сфере рационализации сельского хозяйства. Члены губернской земской управы с горечью отмечали, что «война показала нашу экономическую несостоятельность и выдвинула, в первую очередь, не-

⁵³ Доклады губернской управы по экономическому отделению за 1910. С. 2.

⁵⁴ ГАСО, ф. 5, оп. 1, д. 3469, л. 71.

⁵⁵ Там же. Л. 72–74.

⁵⁶ См.: СЗН. 1900. № 1–10. С. 62–64.

обходимость выработки общего плана экономических мероприятий земства»⁵⁷. Для того чтобы решить эту проблему, земские гласные считали первоочередной задачей переход на качественно новый этап своей политики в сфере помощи сельскому хозяйству: «Если до настоящего времени усилия земства направлены на технику, то в дальнейшем (они должны быть направлены) на улучшение общеэкономических условий сельского хозяйства»⁵⁸.

Но перспективный план в этой области так и не был создан: война внесла свои коррективы. Земские учреждения принимали участие в заготовке хлеба для армии (свыше 1 млн пудов) и регулировании хлебного сбыта. Следует заметить, что работа земства шла в сложной обстановке. С одной стороны, уполномоченные от правительства закупали хлеб по очень низким ценам (гораздо ниже рыночных). С другой — владельцы мукомольных заводов взвинтили цены на свою продукцию и таким образом получили свыше 150% прибыли. Одновременно банки задерживали кредиты под залог хлеба. Подобные явления способствовали разорению крестьянских хозяйств, снижению урожайности. В 1913 г. средняя урожайность с одной десятины ржи составляла 65,2 пуда, пшеницы — 49 пудов; в 1916 г. урожайность ржи — 51,2 пуда, пшеницы — 22,7 пудов⁵⁹. В этих условиях земства поручили закупку зерна председателям уездных управ и установили предельную цену на хлеб⁶⁰.

Сокращение рабочих рук привело, с одной стороны, к увеличению спроса на сельскохозяйственные машины (о чем говорилось выше), с другой — выросла потребность в рабочих руках. Для того чтобы решить проблему нехватки рабочих рук в сельском хозяйстве, земство пыталось использовать труд беженцев и военнопленных. В первую очередь земские учреждения стремились обеспечить рабочими руками помещичьи хозяйства. В журналах заседаний губернского земства отмечалось, что «все работники наши взяты на войну, и обеспечение хлебом России и войска зависит от количества военнопленных, и их привлечение к сельскохозяйственным работам является главной возможной мерой к уменьшению

⁵⁷ Доклады губернской земской управы за 1916 год. Саратов, 1917. С. 1.

⁵⁸ Доклады Саратовской уездной управы 1916 года. Саратов, 1916. С. 5.

⁵⁹ Экономический бюллетень Юго-Востока России. 1916. № 2. С. 15.

⁶⁰ Японский исследователь К. Мацузато высказал весьма парадоксальную точку зрения на причины Февральской революции 1917 года. По его мнению, она заключалась в межрегиональном конфликте, вызванном организационной политикой правительства, в целях вовлечения органов местного самоуправления в режим тотальной войны: «Для того чтобы превратить общественную ссылку ... в военные заготовительные мероприятия, правительство наделило земства полномочиями не только закупать хлеб, но и регулировать железнодорожные перевозки, изолировать местные рынки при помощи принудительных мер, а также мобилизовывать местных торговцев и мукомолов». См.: Земский феномен: политологический подход. Hokkaido University, 2001. P. 198.

недосева и уборке урожая»⁶¹. В 1916 г. в сельском хозяйстве Саратовской губернии было занято свыше 50 тыс. военнопленных. Земство обеспечивало их жалованьем (6–8 руб.) и обмундированием (на эти нужды полагалось по 20 руб. на человека)⁶².

Все эти расходы усложняли финансовое положение земства. По архивным данным, перерасход губернского земского сбора в 1917 г. составлял свыше 1 млн руб.⁶³. С наплывом беженцев и военнопленных появилась и другая проблема: губерния оказалась перед угрозой эпидемий. На проведение профилактических мер и организацию только пяти лечебно-продовольственных пунктов требовалось более 600 тыс. руб.⁶⁴

Мне бы хотелось затронуть весьма интересный вопрос, связанный с морально-этическими нормами: отношение земства к беженцам и военнопленным. Некоторые земские гласные желали применения карательно-репрессивных мер по отношению к этим людям, ибо видели в них врагов Веры, Царя, Отечества. Однако большинство земцев настаивало на том, что «хозяева должны к ним относиться по-человечески». В частности, граф Д. А. Олсуфьев утверждал, что отношение к военнопленным должно быть гуманным, в соответствии с нормами международного права. Он подчеркивал, что должна существовать «простая справедливость», и эти люди и так «несчастливы» без разного рода репрессивных мер⁶⁵.

Подводя итоги экономическим мероприятиям земства, которые шли в рамках общей работы органов самоуправления, следует заметить, что вся деятельность органов местного самоуправления сводилась к попыткам разрушить средневековое сознание крестьянства, воспитать цивилизованного хозяина. К этому стремилось земство, проводя культурно-просветительскую, медицинскую, экономическую деятельность. Многие земские гласные ощущали себя просветителями, культуртрегерами. Саратовское уездное земское собрание четко определило характер своей работы: «Пробуждение самодеятельности населения путем всестороннего развития общей культуры»⁶⁶. Земские служащие, к которым относились и земские агрономы, рассматривали свою деятельность как общественное служение. Основную свою задачу они видели «во внесении правды, света и знания в массу русского народа»⁶⁷.

⁶¹ ГАСО, ф. 5, д. 3790, л. 14.

⁶² Там же. Л. 15–16.

⁶³ Там же. Д. 3839, л. 35.

⁶⁴ См.: Сельскохозяйственный вестник Юго-Востока России. № 3. С. 10.

⁶⁵ Журналы очередного 49 губернского земского собрания 1914 года. Саратов, 1916. С. 48; ГАСО, ф. 5, оп. 1, д. 3790, л. 14–18.

⁶⁶ Журналы заседаний Саратовского уездного земского собрания 1916 года. Саратов, 1917. С. 43.

⁶⁷ Первый юбилей земского врача. Саратов, 1990. С. 14.

В целом можно отметить значительные усилия органов местного самоуправления в деле роста благосостояния населения губернии. По признанию земского агронома Е. Рауде (Вольский уезд), уездное земство тратило на агрономическую помощь крестьянству в 1911–1912 гг. свыше 11,5 тыс. руб., а крестьяне, используя агротехнические нововведения, по приблизительному подсчету получили около 180 тыс. руб. дополнительной прибыли. Справедливости ради следует сказать, что средние цифры не дают дифференцированной картины для отдельных крестьянских хозяйств. По признанию самих земских гласных экономические мероприятия были недоступны большинству крестьянских хозяйств, особенно общинных, где «было слишком много условий, мешающих успешному усваиванию рекомендательных мер и способов ведения рационального хозяйства»⁶⁸.

Результаты экономических мероприятий земства были обусловлены существовавшими аграрными отношениями. Земские гласные отчетливо понимали это: «Мы ратуем за подъем сельскохозяйственной культуры, оставляя в стороне паллиативы и несбыточные для земства проекты борьбы с малоземельем»⁶⁹. Думается, что попытки земства перейти от экстенсивного к интенсивному земледелию были обречены на неудачу как в силу сложившихся экономических отношений, так и в силу существования определенного стереотипа крестьянского мышления. Радикально изменить менталитет крестьян земские учреждения не смогли. Об этом свидетельствуют события 1905 г., о которых сообщал «Саратовский справочный листок»: «Существует искусственное разжигание брожения против интеллигенции в деревне ... В частности, против земских работников на местах, как врагов Царя и Отечества, стремящихся будто бы во вред народу подорвать основы существующего строя»⁷⁰.

Слишком мал был тот исторический отрезок времени, исполненный социальными и политическими катаклизмами, в котором действовали земства, чтобы говорить о значительных успехах в сфере повышения народного благосостояния.

⁶⁸ Доклады Саратовской губернской управы за 1916 г. С. 2–3, 7–10.

⁶⁹ Журнал торжественного заседания ... С. 52.

⁷⁰ ССА. 1905. № 1.

И. Н. Коновалов

КРЕСТЬЯНСКАЯ КРЕДИТНАЯ КООПЕРАЦИЯ ПОВОЛЖЬЯ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

На развитие крестьянского кредитного кооперативного движения в Поволжье влиял целый ряд внешних факторов, под их воздействием этот процесс развивался волнообразно, подъемы в кооперативном строительстве чередовались со спадами. Заметное воздействие на становление кредитной кооперации в деревне оказало принятие первых законов о кредитных кооперативах в конце XIX — начале XX в. В этот период большинство кооперативных ассоциаций создавались не крестьянами, а сельской интеллигенцией, духовенством, земцами, помещиками и в дальнейшем находились под их контролем и опекой. Влияние крестьянства на кредитную кооперацию стало заметным после революции 1905—1907 гг., когда по инициативе сельских сходов стали один за другим возникать крестьянские товарищества. Если в начале века темпы роста кооперативных учреждений в регионе были невысокими, то после первой российской революции поволжские губернии по этому показателю выходят на средне-русский уровень.

Кроме того, значительное влияние на динамику кооперативного кредитного строительства оказали социально-экономические факторы, а также подъем цен не только на товары первой необходимости, но и сельскохозяйственные машины и орудия, острый продовольственный кризис, вызванный неурожаями 1906 г. и 1911 г. В этой связи возрастает роль кредитной кооперации, которая от финансового и торгового рынков постепенно перешла к кооперированию производственных процессов.

Кредитные кооперативы были наиболее распространенными в начале XX в. К ним относились два вида учреждений мелкого кредита — ссудосберегательные и кредитные товарищества. Кредитные товарищества отличались от ссудосберегательных прежде всего отсутствием паевых взносов. Их основной капитал образовывался из ссуд государственного банка.

Появление в поволжской деревне кредитных ассоциаций объяснялось тем, что проблемы финансирования сельскохозяйственного производства в условиях рыночных отношений крестьянство могло решить только с помощью кооперации. До конца XIX в. ссудосберегательные кооперативы преобладали. Однако сначала весьма немногочисленные кредитные товарищества сравняются к 1905 г. по численности с ссудосберегательными, а затем и превосходят их, став основным видом кооперативных учреждений. Через два года они догоняют паевые товари-

щества и по общей сумме балансовых средств. В целом по стране выравнивание этих показателей произошло лишь в 1914 г.¹

Динамика развития кредитных кооперативов в регионе за 14 предвоенных лет представляет следующую картину. Кооперативные кредитные ассоциации региона, несмотря на противодействие местных властей, неуклонно развивались и увеличили свою численность более чем в 13 раз. К концу 1914 г. в общей структуре кредитных кооперативов на ссудосберегательные товарищества приходилось 9,5%, на кредитные — 90,5%. Их балансовые средства за это время возросли в 40 раз. Увеличилось количество кооперативов, насчитывающих более тысячи человек. Наибольшее число крупных товариществ приходилось на Самарскую (13) губернию. По темпам роста кредитной кооперации и по численности ее членов Поволжский регион выходит на одно из первых мест в России.

Наиболее быстрый рост кредитных кооперативов наблюдался после 1905–1907 гг. Здесь в среднем прирост численности товариществ в год держался на уровне 182. За это время в товарищества было вовлечено более половины всех участников, а их балансы выросли в 16 раз.

В 1901–1914 гг. в Поволжье была создана разветвленная система мелкого кооперативного кредита. Кредитным товариществам на этапе их становления оказывалась помощь государственного банка. Главной причиной быстрого роста численности кредитной кооперации и укрепления ее материально-финансовой базы было вступление деревни в рыночные отношения. Охват сельского населения кредитными кооперативами в поволжских губерниях был несколько ниже, чем на юге и в отдельных центрально-черноземных губерниях и не превышал 24%. Однако этот показатель был выше общероссийского.

Кредитные кооперативы размещались более равномерно, чем другие виды кооперативных учреждений. Сеть их с начала 90-х гг. XIX в. все шире охватывала земледельческие окраины России и постепенно уплотнялась в центральных районах страны. На 1 января 1914 г. из 8 тыс. с лишним кредитных кооперативов, объединявших более 6 млн участников, на Поволжье и Центр приходилось более 31% товариществ и 33% числа членов².

Из-за территориальной разницы исследуемого региона общая картина распределения кредитных кооперативов будет неясной, если не учитывать плотность их сети, в частности, количество товариществ, приходившихся на 100 тыс. жителей. Обратимся к табл. 1.

¹ См.: Корелин А. П. Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX — начале XX в. СПб., 1998. С. 132.

² См.: Хейсин М. А. Современное состояние кредитной кооперации в России // Вестник кооперации. 1916. Кн. 6. С. 43.; Корелин А. П. Указ. соч. С. 136.

Таблица 1

**Число кредитных кооперативов в поволжских губерниях
на 100 тыс. жителей в 1910 и 1915 гг.**

Группы губерний по количеству кооперативов	Количество кредитных кооперативов на 1.01.1910 г.	Количество кредитных кооперативов на 100 тыс. чел.	Группы губерний по количеству кооперативов	Количество кредитных кооперативов на 1.01.1915 г.	Количество кредитных кооперативов на 100 тыс. чел.
26–50			26–50		
Симбирская	48	3	–	–	–
51–100			51–100		
Астраханская	66	7	Астраханская	82	6
Оренбургская	55	3	–	–	–
Пензенская	67	5	–	–	–
101–200			101–200		
Казанская	113	5	Симбирская	149	7
Нижегородская	136	8	Пензенская	200	10
Самарская	198	7	201–300		
Саратовская	128	5	Казанская	210	7
201–300			Нижегородская	240	12
–	–	–	Саратовская	256	8
301 и более			Оренбургская	286	13
–	–	–	301 и более		
–	–	–	Самарская	316	8

Примечание. Сост. по: Хейсин М. Современное состояние кредитной кооперации в России. С. 43; Статистика кредитной кооперации в России // Вестник кооперации. 1910. Кн. 2. С. 99–100; Семенов И. Письма из России. Кооперативное движение в Вологодской губернии // Вестник кооперации. 1911. Кн. 1. С. 109; Россия 1913 год: Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 18, 19, 20.

Данные табл. 1 позволяют проследить динамику роста числа кредитных кооперативов за пять лет (с 1910 г. по 1915 г.) по шести группам губерний (26–50 товариществ, 51–100, 100–200, 201–300, 301 и более). В первые две группы в 1910 г. входили четыре губернии, в 1915 г. их число сократилось до одной. Вместе с тем группа, составляющая 201–300 товариществ, ранее не имевшая в своем составе ни одной губернии, стала самой многочисленной — в нее вошли четыре губернии. Группа от 301 и более товариществ пополнилась Самарской губернией с 316 товариществами. Следовательно, степень охвата населения кредитными кооперативами в 1910 г. была небольшой — от трех (Симбирская гу-

берния) до восьми (Нижегородская губерния) товариществ. К 1915 г. охват населения кредитными и ссудосберегательными товариществами возрос и составил от 6 (Астраханская губерния) до 13 (Оренбургская губерния)³.

После 1905–1907 гг. в губерниях наблюдается значительное преобладание кредитных товариществ. Преобладание кредитных товариществ именно в этих губерниях объяснялось в громадной степени беднотой крестьянского населения, которое не могло вносить паи, необходимые для образования ссудосберегательных товариществ, чего не требовалось при образовании кредитных товариществ.

К началу 1915 г. большинство губерний насчитывали более 200 товариществ, что видно из материалов табл. 2.

Таблица 2

**Поволжские губернии
с числом кредитных товариществ более 200 (1915 г.)**

Название губернии	Кредитные товарищества на 1 января 1915 г.
Казанская	210
Пензенская	200
Оренбургская	286
Самарская	316
Саратовская	256

Примечание. Сост. по: Хейсин М. А. Исторический очерк кредитной кооперации в России. М., 1926. С. 121–122.

Губернии, указанные в табл. 2, имели самые высокие показатели по России. Из них следует выделить Самарскую (316 товариществ), Саратовскую (256 товариществ), Оренбургскую (286 товариществ) губернии.

Размещение кредитных и ссудосберегательных товариществ находилось в прямой зависимости от факторов объективного и субъективного порядка. К первому фактору относился уровень развития аграрного капитализма в регионах, ко второму — политика правительства и местных властей. Кредитные кооперативы этого периода в большинстве случаев были сравнительно маломощными в финансовом отношении, что объяснялось недостаточно высоким общим уровнем развития товарно-денежных кредитных отношений в деревне.

Несмотря на недостатки в организации кредитных учреждений, их маломощность и небольшие размеры, к 1917 г. они превращаются в массовые крестьянские организации. Большинство районов деятельности товариществ совпадало с

³ См.: Статистика кредитной кооперации в России // Вестник кооперации. 1910. Кн. 2. С. 101.

волостью или большею ее частью, а потому соотношение числа волостей и товариществ может служить отчасти для определения степени насыщенности губерний учреждениями мелкого кредита. Так, в Самарской губернии число товариществ с начала 1907 г. до конца 1914 г. увеличилось со 140 до 316, число членов в них — с 54 545 до 250 000. Степень охвата товарищескими учреждениями составила свыше 63% от общего числа волостей губернии. Наибольшее число кредитных учреждений было в Бузулукском (86%), Николаевском (82%), Самарском (71%), Ставропольском (70%) и Бугурусланском (65%) уездах. Худшие показатели наблюдались в Новоузенском (33%) и Бугульминском (21%) уездах⁴.

Итак, кредитная кооперация в рассматриваемых губерниях достаточно стабильно и равномерно развивалась на всем протяжении периода. О ее возникновении и процветании заботилась большая армия инспекторов мелкого кредита при губернских отделениях государственного банка, которые являлись инструкторами и ревизорами товариществ, а часто и их инициаторами.

В губерниях складывались необходимые социально-экономические предпосылки для развития кооперативных отношений. Хотя этому мешала «общая некультурность деревни, недостаток сознательности и самодеятельности населения, его хозяйственная не предприимчивость, слабая распространенность кооперативных идей и навыков, недостаток пригодных для кооперации работников и отсутствие опытных руководителей на местах. К этому добавлялась подозрительность администрации и чинимая ею в деревне расправа, обезлюдевшая и запугавшая деревню»⁵.

Благодаря активности и аккуратности земских статистиков, изучавших проблемы кредитной кооперации, до нас дошло немало интересных источников о ее составе. Особую ценность для исследователя представляют материалы инспекций мелкого кредита при губернских отделениях государственного банка. В них сохранились учредительные документы, отчеты кредитных и ссудосберегательных товариществ, сведения об имущественном положении членов товариществ с указанием количества земли и рабочего скота. Названные источники в основном относятся к 1906–1914 гг., т. е. речь идет о кредитной кооперации на этапе ее массовой организации и развития. К сожалению, архивные материалы о более раннем периоде ее становления сохранились в гораздо меньшем объеме.

⁴ См.: *Минервин Б.* Мелкий кредит в Самарской губернии: Кредитная кооперация, сословные и земские учреждения // *Вестник кооперации.* 1912. Кн. 2. С. 123–126; *Хейсин М.* Исторический очерк кредитной кооперации в России. С. 121–122; *Он же.* Современное состояние кредитной кооперации в России. С. 43.

⁵ *Хижняков В. В.* К современному положению кооперативного дела в России // *Вестник кооперации.* 1910. Кн. 2. С. 15.

Кто же организовывал кредитные кооперативы в деревне? Если в начале века инициатива, как отмечалось выше, очень часто принадлежала не крестьянам, а помещикам, духовенству, земским деятелям, то в дальнейшем она постепенно стала переходить к самому сельскохозяйственному сословию. Это произошло, главным образом, после 1905–1907 гг., когда в деревне появилась своя интеллигенция.

Основным инициатором создания кредитных учреждений выступала инспекция мелкого кредита, хотя в ряде случаев эта организация тормозила развитие кредитной кооперации. Так, В. В. Хижняков в своей статье о кооперации писал об инспекторе, состоящем при саратовском отделении государственного банка, который на основании бездействия сословных учреждений мелкого кредита Новоузенского уезда утверждал на местном съезде сельских хозяев, что «население в учреждениях мелкого кредита не нуждается» и объявлял население уезда не кредитоспособным, заявляя, что «другим оно по местным климатическим условиям и не может быть»⁶.

Специальных обобщающих статистических данных о социальном составе кредитных учреждений региона в архивах нет, сохранились лишь случайные разнотипные сведения по отдельным губерниям. Из них видно, что кредитная кооперация вербовала себе членов почти исключительно из крестьян. Другие сословия были представлены в ней в крайне незначительном количестве. Вошедшее в нее крестьянское население по численности своего семейного состава, по своей земельной обеспеченности относилось по преимуществу к средней рядовой массе, и если оно обладало относительно большей посевной площадью, несколько большим количеством скота, то это следует отнести на счет большей работоспособности, большей культурности и предприимчивости кооперированного населения по сравнению с остальной частью. Кредитная кооперация, расширяясь, углублялась, захватывая все более и более рядовое крестьянство. Данные выводы подтверждаются архивными материалами Саратовской губернии. По учредительным документам и отчетам товариществ можно судить об обеспеченности кооперированных крестьян рабочим скотом и землей.

В табл. 3 представлены четыре товарищества, расположенные в разных концах губернии (Курдюмское в Саратовском, Вольско-Баклушинское в Вольском, Елано-Русское и Больше-Екатериновское в Аткарском уездах) и действующие в границах одного села. В районах деятельности кредитных товариществ находилось 3345 дворов.

⁶ Хижняков В. В. Указ. соч. С. 17.

Таблица 3

**Обеспеченность кооперированных крестьянских хозяйств
рабочим скотом по уездам Саратовской губернии в 1913 г., %**

Кредитное товарищество	Без рабочего скота	Количество лошадей				Всего
		1	2	3-4	5 и более	
Курдюмское	4,2	12,5	20,8	62,5	—	100
Вольско-Баклушинское	3,1	15,8	18,7	40,6	21,8	100
Елано-Русское	26,5	32,8	22,3	15,7	2,7	100
Больше-Екатериновское	—	23,0	46,3	30,7	—	100
Всего по губернии	24,7	33,7	22,0	12,5	7,1	100

Примечание. Сост. по: ГАСО, ф. 403, оп. 1, д. 158, лл. 4 об., 5 об., д. 151, лл. 5, 5 об., 6, д. 153, лл. 3, 4, 7, 7 об., 8, д. 154, л. 5 об.; Очерки истории Саратовского Поволжья: 1855—1894. Саратов, 1999. Т. 2, ч. 1. С. 111—112.

По данным табл. 3, хозяйства зажиточных крестьян, к которым относились дворы с пятью и более головами рабочего скота, представлены в двух товариществах. В одном из них — Елано-Русском эта цифра невысока (2,7%), в другом — Баклушинском — в десять раз больше (21,8%). Во многом такая ситуация объяснялась переходом зажиточных крестьян Баклушинской волости на укрепленные в собственность земли и на отрубные хозяйства, для «ведения в которых улучшенного землепользования требовались дополнительные кредиты»⁷.

Особую группу составляли малоимущие хозяйства: в Баклушинском (18,9%) и в Елано-Русском (59,3%), которые не имели рабочего скота или только одну лошадь на двор. Последняя цифра превышала губернский уровень, что свидетельствовало о наличии в товариществах противоположных групп с высоким и низким уровнем дохода. Из списочного состава Елано-Русского товарищества выявляется, что у крестьян из зажиточной группы (2,7%) на двор приходилось до 10 лошадей, более 20 голов крупного рогатого скота и 15 мелкого рогатого скота. В то же время у группы малоимущих, превосходивших губернскую норму, не было рабочего скота совсем или имелась только одна лошадь и по одной голове крупного рогатого и мелкого рогатого скота⁸. По сравнению с общероссийскими показателями размежевание внутри саратовских товариществ на зажиточных и малоимущих было более резким и заметным.

Несмотря на это, ядро саратовских кредитных учреждений составляла самая большая в абсолютном и процентном выражении группа, относившаяся к середнякам с двумя и тремя-четырьмя лошадьми на двор. В Курдюмском товариществе их было 83,3%, Больше-Екатериновском — 77, Баклушинском — 59,3 и

⁷ ГАСО, ф. 403, оп. 1, д. 151, л. 5, 5 об.

⁸ Там же. Л. 5 об.

лишь в Елано-Русском — 38%. В целом по губернии этот показатель был значительно ниже — 34,5%.

Для полного выяснения имущественного положения кооперированных хозяйств Саратовской губернии в тех же кредитных товариществах (Курдюмском Саратовского, Вольско-Баклушинском Вольского, Елано-Русском и Больше-Екатериновском Аткарского уездов) необходимо рассмотреть еще один важный показатель — обеспеченность членов товариществ землей. К сожалению, полученные результаты из-за отсутствия материалов невозможно сопоставить с данными обо всех крестьянских хозяйствах губернии, но сведения об обеспеченности землей различных социальных групп в товариществах получить все-таки можно, опираясь на данные табл. 4.

Таблица 4
Обеспеченность кооперированных крестьянских хозяйств землей по уездам Саратовской губернии в 1913 г., %

Кредитное товарищество	Без земли	До 5 дес.	6—10 дес.	11—15 дес.	16—20 дес.	21—40 дес.	Свыше 40 дес.	Всего
Курдюмское	4,2	4,3	20,8	8,3	20,8	33,3	8,3	100
Вольско-Баклушинское	12,6	12,5	21,8	25	—	12,5	15,6	100
Елано-Русское	12,9	26,2	30,6	19,2	10,8	0,3	—	100
Больше-Екатериновское	3,8	50	3,9	3,8	19,3	19,2	—	100

Примечание. Сост. по: ГАСО, ф. 403, оп. 1, д. 158, лл. 4 об., 5 об., д. 151, лл. 5, 5 об., 6, д. 153, лл. 3, 4, 7, 7 об., 8, д. 154, л. 5 об.

Данные табл. 4 подтверждают предварительные выводы о том, что беднейшие слои деревни слабо участвовали в кооперации, в то время как зажиточные, особенно в Курдюмском и Баклушинском товариществах, составляли примерно 1/3 членов кооперативных учреждений. Вместе с тем они свидетельствуют о том, что довольно весомую группу представляли середняки с наделами от 6—10, 11—15 и 16—20 десятин. Удельный вес этой группы в целом составлял от 27 до 60,6%.

По наличию рабочего скота и земли кредитная кооперация Саратовской губернии, как и многих других, была середняцкой. Однако в саратовских товариществах наблюдалось более резкое разделение на зажиточных и малоимущих крестьян. В ряде кооперативов зажиточная верхушка сосредоточила в своих руках до 1/3 рабочего скота и земельных ресурсов. Но это было вполне закономерно и соответствовало хозяйственной логике и сути кредитной кооперации. Именно середняцкие и кулацкие хозяйства были наиболее кредитно- и конкурентоспособными. Товарищества захватывали и бедноту, но бедноту, имеющую свое хозяйство, то есть безлошадным и безземельным крестьянам кредитная коопера-

ция помочь ничем не могла. Данные табл. 1–4 — типичные, подобного рода сведений много и по другим губерниям⁹.

В кредитных кооперативах происходил подбор более зажиточных членов. Особенно это было заметно в ссудосберегательных товариществах. По данным Управления по делам мелкого кредита, за 1910 г. в России было отказано в приеме в члены ссудосберегательных товариществ 9% от принятых, в кредитных — 6%. Управление объясняло это различие «большерайонностью, более сильным экономическим составом, вследствие отбора членов при посредстве пая, закрытостью и нерасположенностью к чужим». Процент выбывших и исключенных из кредитных учреждений в ссудосберегательных товариществах был также выше, чем в кредитных. Если в ссудосберегательных товариществах выбыло и исключено в 1910 г. — 10,7%, а в 1911 г. — 9,6%, то в кредитных соответственно 5,4 и 1,6%.

Таким образом, кредитная кооперация в губерниях региона была на 90% исключительно крестьянской. По численности семейного состава, средней посевной площади, обеспеченности рабочим скотом и другим показателям главный контингент кредитных кооперативов представлял средний слой крестьянства с «уклоном в сторону зажиточных». Низший экономический слой представлен в товариществах незначительно, более того, отмечались случаи вытеснения его из кооперации. За все годы «кооперация подбирала — по существу своему только и могла подбирать — лишь способные к самостоятельности элементы, которым было за что хозяйственно прицепиться. Элементом обездоленным, неимущим кооперация помочь бессильна»¹⁰. При всей дифференциации в степени участия в кооперативном движении различных социально-имущественных групп и пользовании ими кооперативными услугами и благами все участвующие в той или иной мере в кооперации получали определенную материальную выгоду, в целом соответствовавшую реальному вкладу в создание распределявшихся благ, что способствовало развитию и укреплению хозяйства практически каждого члена. Другими словами, кооперация не была благотворительной организацией, и неимущим она могла помочь только в соответствии с их вкладами.

⁹ См.: Коновалов И. Н. Крестьянская кооперация в России (1900–1917). Саратов, 1988. С. 39.

¹⁰ Прокопович С. Праздник русской общности: К 50-летию кооперативного движения в России // Русские ведомости. 1915. 22 окт.

В. А. Чолахян

РОЛЬ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ИНДУСТРИАЛЬНОМ РАЗВИТИИ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В 1920–1930-е ГОДЫ

В российской советской истории 1920–1930-е гг. — время борьбы противоположных тенденций: в экономике — рыночной и антирыночной, в политике — либерализации и ужесточения советского режима. Эволюция экономической политики большевиков от «военного коммунизма» к нэпу, лишь обозначив возможность реформаторского курса, привела к формированию особой советской модели развития, характерными чертами которой стали централизация, монополично-государственная собственность, господство политики над экономикой. В период новой экономической политики в острой теоретико-идеологической борьбе решался вопрос о выборе путей дальнейшего развития страны.

В современной российской историографии все больший научный интерес вызывает так называемое объективистское направление, сформировавшееся под влиянием таких концепций, как теории тоталитаризма и модернизации, социальной истории и повседневности, микроистории и т.д. Сложилось твердое убеждение, что 1930-е гг. были временем промышленного рывка, превратившего СССР в мощную индустриальную державу. Вместе с тем модернизация страны, основанная на заимствовании готовых технологий, не выработала механизма саморазвития и привела к подавлению рыночных отношений, порождающих стимулы к развитию¹. В то же время социологические исследования показывают, что у части общества наблюдается ностальгическая идеализация плановой государственной экономики, и советская парадигма в сознании людей не поддается вытеснению².

Важной проблемой российского общества в последнее десятилетие XX–XXI в. стал выбор путей дальнейшего экономического развития. От его решения зависит не только уровень жизни населения, безопасность, место и роль страны в мире, но и судьба будущих поколений россиян. Исследование основных направлений эволюции экономической политики Советского государства в 1920–1930-е гг. позволяет не только понять метаморфозы, происшедшие в стране в

¹ См.: Вишневецкий А. Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 56–57.

² См.: Отечественная история. 2000. № 1. С. 142.

конце XX столетия, но и попытаться избежать ошибок тех лет при создании новых общественных отношений.

Целостное представление о происходивших в советском обществе в те годы процессах могут дать региональные исследования, которые эмпирически привязаны к конкретному месту и времени. Ведь именно региональный аспект проблематики способен выявить, каким образом решения Центра реализовывались на местах и как происходило создание централизованной экономической системы. Многообразие обозначенных проблем и значительное увеличение числа доступных архивных источников обуславливают необходимость исследования роли Советского государства в индустриальном развитии Нижнего Поволжья в 1920–1930 гг. на основе применения различных методологических принципов и схем. Все больший интерес вызывает концепция социальной истории, являющаяся результатом междисциплинарного синтеза, вобравшего в себя достижения как истории, так и смежных наук. Исследования социальных историков подтвердили, что общественные процессы в СССР в 1920–1930-х гг. невозможно рассматривать вне действий власти³.

Мировой исторический опыт свидетельствует о том, что в условиях глобальных трансформаций значительно расширяется поле выбора моделей индустриального развития общества. Революция 1917 г. и Гражданская война прервали имперскую модернизацию. Они стали мощным источником как разрушительных, так и модернизирующих импульсов. Становление новой власти сопровождалось ростом социальной напряженности, углублением экономической разрухи. В основе экономической политики большевиков лежала марксистская доктрина построения социалистического, бесклассового и бестоварного общества, в котором будет ликвидирована частная собственность и осуществится полное обобществление производства. Частичное совпадение задач, диктовавшихся чрезвычайной обстановкой, с доктринальными установками большевиков о социализме, с плановой системой хозяйствования привело к формированию феномена «военного коммунизма». Он был порожден не только утопической верой в коммунизм и своеобразным пониманием экономических процессов, но и логикой предшествующего развития страны. Это социокультурное явление пришлось на первоначальный этап становления Советского государства и оказало большое влияние на всю его последующую историю, в том числе на выбор модели дальнейшего экономического и политического развития.

Сама логика перехода к более жесткому ограничению и практике административного управления привела к полному разрушению хозяйства. В Нижнем По-

---

³ См.: *Лебина Н. Б.* Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920–1930 годы. СПб., 1999; *Осокина Е. А.* За фасадом «сталинского изобилия»: распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М., 1997.

волжье положение приобрело катастрофический характер в связи с неурожаем 1920—1921 гг. и последовавшим за ним голодом, одним из эпицентров которого стала Саратовская губерния. Наступившая «демографическая катастрофа» явилась не только результатом природных катаклизмов, но и прямым следствием Гражданской войны и военно-коммунистических методов правления большевиков, которые усугубили социально-экономический кризис в регионе и затормозили начало восстановительных процессов.

Вместе с тем «военный коммунизм», рожденный в чрезвычайных экономических обстоятельствах, помог большевистскому режиму выжить и создать новую модель экономического развития. По сравнению с «военным коммунизмом» это было принципиально новым, хотя главным здесь оставалось «старое» — стратегический курс на создание бесклассового общества и жесткий авторитарный режим.

По своему экономическому содержанию нэп, хотя и выглядел на практике как политика быстрого реагирования на возникавшие и усугублявшиеся кризисы, несомненно, явился системой серьезных реформ, способствовавших восстановлению промышленности. Новая экономическая политика выдвинула необходимость более точного распределения предприятий по отдельным хозяйственным организациям на основании строго определенных производственных признаков, а именно значения предприятий для государства в целом в обслуживании важнейших нужд — транспорта, обороны, снабжения орудиями производства, экспорта и т.п. как в общегосударственном, так и в более узком, губернском и местном масштабах. Так создавались предприятия государственного и негосударственного значения. Первые подразделялись на предприятия общегосударственного, т.е. общесоюзного значения, республиканского и местного подчинения, а вторые составляли кооперативную, кустарную (не объединенную) и частную промышленность.

Первые шаги нэпа в государственной промышленности проявились в ликвидации жестких вертикалей отраслевых образований — главков и центров, характерных для периода «военного коммунизма», постепенном переходе от натуральной к денежной форме заработной платы и т.д. Появились такие новые организационные формы промышленности, как тресты, синдикаты, акционерные общества, осуществлявшие свою производственную деятельность на основе хозяйственного расчета.

Характерно, что внедрение в государственную промышленность таких элементов, как хозрасчет, самоокупаемость, прибыль, ценообразование и т.п., осуществлялось прежними революционными силовыми методами времен «военного коммунизма». Ленин в телеграмме Г. Я. Сокольникову от 1 февраля 1922 г. рекомендовал карательные, репрессивные меры для внедрения в работу промышленности сугубо экономических, коммерческих методов: «Я думаю, что тресты и предприятия на хозяйственном расчете основаны именно для того, чтобы они са-

ми отвечали за безубыточность своих предприятий. Если это скажется ими недостигнуто, то, по-моему, они должны быть привлечены к суду и караться в составе всех членов правления длительным лишением свободы (может быть с применением по истечении известного срока условного освобождения) с конфискацией своего имущества и т.д.»⁴.

Спустя десять дней в письме тому же Сокольникову Ленин еще раз требовательно запрашивал: «Обдуманно ли формы и способы ответственности членов правлений трестов за неправильную отчетность и за убыточное ведение дела? Не спит ли у нас НКЮст? Тут нужен ряд образцовых процессов с применением жесточайших кар. НКЮст, конечно, не понимает, что новая экономическая политика требует новых способов, новой жесткости кар»⁵.

Все эти указания находили свое практическое разрешение в промышленности не только центральных регионов страны, но и в периферии, в частности, в Нижнем Поволжье со своими специфическими особенностями. Здесь восстановительный период в промышленности начался значительно позднее (в 1923 г.). Это объяснялось объективными трудностями, сложившимися в регионе: большие разрушения в годы Гражданской войны, засуха и голод 1920 г. и 1921 г., низкий уровень развития промышленности, основными отраслями которой являлись предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья. Этим можно объяснить тот факт, что в плане ГОЭЛРО Нижнее Поволжье не рассматривалось как самодостаточный регион, и лишь в 1925 г. были предприняты шаги к пересмотру программы его электрификации⁶.

Проведение нэпа в промышленности региона началось с перевода предприятий на хозрасчет и создания трестов. Первым шагом в этом процессе было утверждение в августе 1921 г. СТО «Основных положений о мерах к восстановлению крупной промышленности, поднятию и развитию производства»⁷. Трестирование означало создание крупных производственных объединений государственной промышленности на началах хозрасчета. В ходе его осуществления стало проявляться определенное противоречие: с одной стороны, провозглашалась децентрализация управления промышленностью, а с другой — практика создания трестов означала укрепление централизма, поскольку только таким образом государство как собственник могло контролировать работу предприятий и обеспечивать плановое управление ими. С годами, по мере укрепления позиций сторонни-

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 159–160.

⁵ Там же.

⁶ См.: Материалы к пересмотру плана электрификации ГОЭЛРО по Нижне-Волжской области. Саратов, 1925. С. 9.

⁷ Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. М., 1957. Т. 1. С. 259–261.

ков полного обладания партией «командными высотами» народного хозяйства, это противоречие усиливалось, и происходил переход к жесткой централизованно-плановой структуре управления промышленностью.

В результате проведения нэпа в Нижнем Поволжье удалось вывести промышленность из тяжелой кризисной ситуации. В известном смысле нэп представлял собой шаг вперед по пути модернизации. В то же время восстановление промышленности региона шло с большим трудом и медленными темпами. В целом экономика общественного сектора страны была малоэффективной, а достижения в промышленности базировались исключительно на мобилизации накопленного ранее материального и интеллектуального материала. В 1928 г., в сравнении с 1913 г., производительность труда упала на 23%, а фондоотдача — на 25%. Рост национального дохода (2% в год) оказался меньше, чем рост численности населения — 6%⁸. Низкая рентабельность промышленности Нижнего Поволжья объяснялась также устаревшей техникой на предприятиях и изношенностью промышленного оборудования (30–41%)⁹.

Следует также отметить, что к 1927/28 хозяйственному году удельный вес государственных и кооперативных предприятий достиг 97,3%, а частных — понизился до 2,7%. Хотя в целом по общему объему промышленной продукции был достигнут довоенный уровень, производство чугуна, стали, цветных металлов, проката, строительных материалов было ниже показателей 1913 г.¹⁰ Такие результаты вызывали у многих партийных деятелей твердую убежденность в необходимости форсированной индустриализации. При этом происходит окончательная переоценка нэпа, и с весны 1929 г. Сталин делает акцент не на использование рыночных механизмов для развития промышленности, а только «на обеспечение регулирующей роли государства на рынке»¹¹. Он уже откровенно отмечал, что «если мы придерживаемся нэпа, то потому, что она служит делу социализма. А когда она перестанет служить делу социализма, мы ее отбросим к черту. Ленин говорил, что нэп введен всерьез и надолго. Но он никогда не говорил, что нэп введен навсегда»¹². Следует признать, что Сталин выражал точку зрения большинства партийного руководства. В сознании многих тогдашних лидеров прочно сохранялись со времен «военного коммунизма» силовые, административно-командные методы как универсальный инструмент для решения любых задач. Отсюда и готовность партийно-бюрократического аппарата к быстрым и

⁸ См.: ЭКО. 1989. № 10. С. 73.

⁹ См.: ГАРФ, ф. А-374, оп. 151, д. 471, л. 120 об., 121 об.

¹⁰ См.: СССР. Год работы правительства (Материалы к отчету за 1927/28 бюджетный год). М., 1929. С. 57.

¹¹ Сталин И. В. Соч.: В 13 т. М., 1946. Т. 12. С. 43.

¹² Там же. С. 171.

решительным действиям для достижения цели — построения социализма. Новая экономическая политика изжила себя и постепенно заменялась элементами планового хозяйства. Свою роль в свертывании нэпа сыграла не только идеология, но и международная обстановка: мировой экономический кризис 1929—1932 гг. укрепил уверенность политической элиты СССР в том, что рыночная экономическая модель непредсказуема, нестабильна, поэтому нужен другой подход к экономическому развитию страны. Сказался и внешнеполитический фактор: в условиях противостояния двух диаметрально противоположных политических и идеологических систем большевики рассматривали СССР как «осажденную крепость» в окружении капиталистического мира и стремились в короткие сроки догнать экономически развитые страны. Интересна аргументация, с помощью которой Сталин обосновывал необходимость форсированной индустриализации. «Мы отстали от передовых стран на 50—100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут»¹³. Такая постановка вопроса в целом соответствовала и «оборонному сознанию» народа, сложившемуся за несколько веков, и архетипу культуры русского традиционного общества, которое привыкло искать врага¹⁴. Правда теперь эта внешняя угроза принимала классово-идеологическую окраску как противостояние между мировым капитализмом и рабоче-крестьянским государством. В российской действительности 1920-х гг. выбор мобилизационной модели ускоренной индустриализации был предопределен не столько политической волей Сталина, сколько объективными причинами и задачами, стоящими перед страной. Этот выбор в целом соответствовал социокультурным и государственным традициям страны.

Таким образом, курс на ускоренную индустриализацию, переход к плановой экономике и свертывание нэпа в конце 1920-х гг. рассматривались большевиками как главное условие построения социализма, как политическая задача, требующая экстраординарных мер. Доминирование политических факторов над экономическими при решающей роли государства обусловило формирование мобилизационной модели развития страны, предусматривавшей своеобразный экономический рынок с использованием чрезвычайных средств.

Одной из проблем ускоренной индустриализации страны стал вопрос о размещении производительных сил и ресурсов. Наряду с реконструкцией старых индустриальных районов намечалось интенсивное промышленное освоение востока страны, а также Нижнего Поволжья. Реализация сложных задач модернизации страны потребовала изменения ее административно-территориального деления. Переход к директивному планированию и централизованному, командно-

¹³ Сталин И. В. Соч. Т. 11. С. 248.

¹⁴ См.: Красильщиков В. А. Вдогонку за прошедшим веком: Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. М., 1998. С. 90.

административному методу управления обусловил создание в 1928 г. Нижне-Волжского края в составе трех губерний (Саратовской, Сталинградской и Астраханской), Автономной республики немцев Поволжья и Автономной Калмыцкой области. Край представлял территорию в 319 тыс. кв. км с 5714 тыс. жителей, занимая по территории четвертое место в РСФСР. В нем проживало 5,8% населения республики¹⁵.

Официально изменение районирования страны объяснялось хозяйственной целесообразностью, а также необходимостью учета максимальной эффективности и отдачи общественного труда. Настоящие причины создания столь крупных образований диктовались потребностями централизации и унификации, выстраивания строгой вертикали власти, а также нехваткой подготовленных новых кадров, их неопытностью и несамостоятельностью. Замена волостей районами, губерний округами и ликвидация уездов, как предполагалось, должна была приблизить органы власти к массам, качественно улучшить руководящий аппарат и удешевить его. Превращение Нижнего Поволжья в мощную хозяйственную единицу открывало возможность Центру посредством централизованного директивного планирования более полно использовать природные богатства края и разрешать масштабные экономические задачи, требующие больших средств. Крайняя ограниченность материальных финансовых ресурсов стала одной из главных причин не только укрупнения территориальных образований, но и выделения приоритетных направлений развития промышленности.

Благоприятные географические и транспортные условия способствовали развертыванию в Нижнем Поволжье сельскохозяйственного машиностроения. Планом первой пятилетки предусматривалось форсированное строительство тракторного и комбайнового заводов-гигантов в Сталинграде и Саратове. Наряду с этим намечалось сооружение еще ряда крупных предприятий: электростанции и лесозаводы в Сталинграде, химический завод в Саратове, судостроительный завод в Красноармейске, консервные комбинаты в Астрахани. Из общей суммы краевых капиталовложений в размере 505,1 млн руб. на группу «Б» приходилось 79,3 млн руб. (15,7%), а на группу «А» — 425,8 млн руб. (84,3%)¹⁶, которые были распределены по основным отраслям тяжелой промышленности следующим образом (табл. 1).

¹⁵ См.: Материалы к первой краевой партийной конференции Нижне-Волжского края. Сентябрь 1928. Саратов, 1928. С. 7.

¹⁶ См.: Материалы к построению перспективного плана хозяйственного и культурного строительства Нижне-Волжского края. 1928/29—1932/33. Саратов, 1929. С. 2.

Таблица 1

**Капиталовложения в тяжелую промышленность Нижнего Поволжья
в первой пятилетке, тыс. руб.**

Отрасль	Объем вложений	В том числе на новое строительство
Районные электростанции	55652	51904
Топливная промышленность	19998	16727
В том числе нефтеперерабатывающая	15614	12343
Сланцевая	4384	4384
Черная металлургия	53146	2115
Машиностроение	197916	186745
В том числе тракторостроение	137938	136234
Сельскохозяйственное машиностроение	34377	34377
Двигателестроение	3502	—
Судостроение	14539	13700
Металлическая промышленность	8312	5115
Электротехническая промышленность	6691	6635
Цементная промышленность	22420	—
Химическая промышленность	18589	17069

Примечание. Сост. по: Нижнее Поволжье (Социально-экономическая справочная книга). Сталинград, 1934. С. 17–87, 217–229, 346–377.

Особого внимания заслуживают масштабы нового промышленного строительства: 384,6 млн руб. из 505,1 направлялось на эти цели, причем 324,4 млн руб. (84,3%) — на развитие производства средств производства, главным образом на организацию в регионе крупного машиностроения¹⁷. Столь значительные капиталовложения в индустриализацию края, помноженные на трудовой подъем рабочего класса, позволили в первые годы пятилетки резко ускорить темпы промышленного развития (табл. 2).

Таблица 2

**Темпы прироста промышленной продукции Нижнего Поволжья
в первой пятилетке, %**

Годы пятилетки	Темпы прироста промышленной продукции Нижнего Поволжья	Общесоюзные темпы
1927/28	3–4	—
1928/29	29,7	20,0
1929/30	32,0 (по группе «А» — 35,5)	22
1931	Нет данных	20,5
1932	Нет данных	14,7

Примечание. Сост. по: ГАНИСО, ф. 55, оп. 1, д. 18, л. 4–12, 19–25, 29–33, 138–144; Поволжская правда. 1931. 15 февр.; Коммунист (Орган ЦК КПСС). 1987. № 18. С. 84.

¹⁷ См.: Материалы к построению перспективного плана хозяйственного и культурного строительства Нижне-Волжского края. 1928/29 — 1932/33. Саратов, 1929. С. 2.

Следует отметить, что рост объема промышленной продукции в 1928–1930 гг. происходил главным образом за счет рентабельной работы старых, реконструированных предприятий¹⁸. Несмотря на отсутствие конкретных данных третьего и четвертого годов пятилетки, многочисленные документы крайкома ВКП(б), партийных организаций промышленных предприятий подтверждают наличие многочисленных прорывов в выполнении плана¹⁹. На этот период приходится пуск новых предприятий, связанный с серьезными проблемами в освоении технологии производства.

Необоснованное увеличение годовых планов привело к серьезным диспропорциям, нарушениям материального снабжения, простоям и снижению качества труда. Было очевидно, что произвольные фантастические скачки в планах развития после временного роста приведут к значительному спаду темпов. Однако в экономике уже срабатывал механизм «бюрократического лицемерия». Вместо того, чтобы, тщательно проанализировав сложившуюся ситуацию, вскрыть трудности развития, обеспечить необходимые резервы и т.п., партийные организации взяли курс на выполнение пятилетки в четыре года. Вторая Нижне-Волжская краевая партконференция, состоявшаяся в июне 1930 г., записала в своих решениях: «Исходя из огромного трудового подъема рабочих масс, признать возможным и необходимым намеченный план работы по пятилетке, утвержденный крайкомом (март 1929 г.), осуществить в четыре года»²⁰. Практическое осуществление этой директивы подтверждает табл. 3.

Таблица 3

Капиталовложения в промышленность Нижнего Поволжья, млн руб.

Годы пятилетки	1927/28	1928/29	1929/30	1931/32
Капиталовложения	22	48	98	324

Примечание. Сост. по: ГАНИСО, ф. 55, оп. 1, д. 18, л. 4-12; Поволжская правда. 1931. 15 февр.

Резкое увеличение капитальных вложений и темпов роста промышленности в 1931–1932 гг. создавали обстановку штурмов, перенапряжения сил и в конечном счете не могли привести к желаемым результатам. Так, в тезисах к докладу ВСНХ СССР о работе промышленности в первом полугодии 1929/1930 хозяйственного года под грифом «не подлежит оглашению» отмечалось значительное недовыполнение плана «по решающим отраслям» тяжелой индустрии: добыча угля — за полугодие было недодано 1150 тыс. тонн,

¹⁸ Выше уже отмечалось, что восстановительный процесс в Нижнем Поволжье затянулся и его окончание совпало с началом пятилетки.

¹⁹ См.: ГАНИСО, ф. 55, оп. 1, л. 225–228, ф. 81, оп. 1, д. 366, л. 41, ф. 44, оп. 2, д. 59, л. 22 и т.д.

²⁰ Резолюция 2-й краевой конференции ВКП(б). Саратов, 1930. С. 22.

ля — за полугодие было недодано 1150 тыс. тонн, производство чугуна — около 85 тыс. тонн, стали — 105 тыс. тонн²¹. Отставание в выполнении плана машиностроения, химической, нефтяной, электротехнической, хлопчатобумажной, кожевенной, маслостроительной промышленности крайне неблагоприятно отражалось на всей экономике, поскольку создавало многочисленные затруднения в снабжении как других отраслей, так и всего народного хозяйства.

За годы первой пятилетки коренным образом изменилось экономическое положение Нижнего Поволжья. Из преимущественно аграрного региона оно превратилось в один из развитых индустриальных центров СССР. Было построено свыше 25 крупных промышленных предприятий, освоено производство тракторов, комбайнов, аккумуляторов, высококачественных сталей и т.д. Удельный вес основных отраслей производства Нижнего Поволжья в общесоюзной промышленности удвоился и в конце 1932 г. определялся следующими данными, сведенными в табл. 4.

Таблица 4

Удельный вес Нижне-Волжского края в общесоюзной продукции в конце 1932 г., %

Вид продукции	Удельный вес в общесоюзной промышленности
Тракторы	48,0
Комбайны	22,3
Высококачественные стали	48,3
Цемент	15,0
Сланцы	20,0
Пиломатериалы	10,3

Примечание. Сост. по: ГАСО, ф. Р-442, оп. 1, д. 137, л. 21.

Ведущая роль в тяжелой промышленности перешла к машиностроению (75,2%), а также металлургии (18,8%) и метизному производству²². В структуре машиностроения главное место занимали новые предприятия по производству тракторов, комбайнов, судов и т.д. За годы пятилетки объем валовой продукции тяжелой промышленности увеличился в 9,9 раза²³. В то же время значительное сокращение (почти вдвое) производства предметов широкого потребления весьма отрицательно сказывалось на уровне жизни людей.

Становление командной экономики продолжалось и в годы второй и третьей пятилеток. Анализ плана индустриального развития Нижнего Поволжья показывает, что ведущую роль здесь играли два основных направления — тяжелая промышленность (особенно машиностроение, металлургия) и пищевая (в частности,

²¹ См.: ГАНИСО, ф. 6128, оп. 1, д. 17, л. 1-2.

²² См.: ГАСО, ф.-442, оп. 1, д. 137, л. 22, 27.

²³ См.: Там же. Л. 27.

рыбоконсервная). По официальным стоимостным показателям, общий объем валовой промышленной продукции региона за 1928—1940 гг. увеличился в восемь раз (в неизменных ценах 1926/27 г.), а численность работающих — примерно в 3,5—4 раза. Однако официальная статистика не учитывала интенсивный рост цен, инфляционные процессы, а также неоправданно использовала при подведении итогов показатель «неизменных цен 1926/27 г.». Натуральные показатели, весьма грубые и тоже неточные, свидетельствуют о четырех-пятикратном увеличении промышленного производства.

В рамках советской централизованной системы Нижнее Поволжье стало одним из крупных и самостоятельных экономических районов страны. Темпы промышленного строительства в регионе в период реконструкции народного хозяйства превышали общероссийские показатели и были сформированы три промышленных узла: Сталинградский, включавший основные предприятия тяжелой промышленности, Саратовский, как центр нефтеперерабатывающей, электротехнической и строительной индустрии, металлообработки и машиностроения, и Астраханский район, специализировавшийся на развитии рыбной и консервной промышленности, а также общего и специального судостроения. Особенностью реконструкции народного хозяйства региона стало формирование такой отраслевой структуры, в которой, несмотря на высокие темпы развития тяжелой индустрии, ведущее положение сохраняла пищевкусовая промышленность, причем как по числу предприятий, так и по количеству рабочих. Наряду с крупными заводами всесоюзного значения в экономике Нижнего Поволжья развивалась мелкая промышленность, в основном связанная с переработкой сельскохозяйственного сырья и производством товаров повседневного спроса.

Анализ экономического развития Нижнего Поволжья в предвоенные годы показывает, что, несмотря на отмеченные выше издержки и трудности, плановая советская экономическая модель в конце 1920-х — 1930-е гг. оказалась наиболее адекватной формой перехода к индустриальному и городскому обществу. Примечательно, что российское общество 1920—1930-х гг., преимущественно традиционное по своей культуре, в огромной степени люмпенизированное, сумело воспринять и освоить индустриальную технологию. Советская модель командной экономики в целом соответствовала как деспотической природе индустриального труда, так и уравнилельно-общинным традициям российского общества. Командно-административная хозяйственная система во многом отвечала объективным потребностям и природе индустриальных преобразований в стране. Начатый в годы первых пятилеток процесс форсированной индустриализации воспринимался многими людьми как воплощение их собственных мечтаний о новой жизни. С этим был связан массовый энтузиазм на промышленных стройках.

Советская экономическая система имела свои институциональные особенности: полное и безраздельное господство государственной собственности, исключение из процесса индустриализации мелкого и среднего производства, отсутствие широкого

слоя частного предпринимательства. Возникшая на основе строгой соподчиненности всех своих элементов (в области политики, экономики, идеологии и т.п.) она в период становления обладала прочностью и способностью к мобилизации потенциала страны и народа. Форсированная «социалистическая» индустриализация оказалась функцией государства. Власти удалось внедрить ценности экономического развития, индустриального производства и технического прогресса в массовое сознание населения. В этом, видимо, заключалась главная отличительная черта советской модели развития, обеспечившая ей опору на широкие народные массы и возможность использования массовых организаций (профсоюзы, комсомол и т.д.) для вовлечения в процесс модернизации как можно большего числа людей. Стратегия форсированного развития требовала активного идеологического обеспечения и воспитания у трудящихся и прежде всего коммунистов, готовности и необходимости идти на серьезные жертвы во имя создания светлого будущего. И этого во многом удалось добиться: люди 1930-х гг. вполне искренне поверили и принялись за осуществление намеченных планов. Устремленность в будущее, максималистский запал, особенно у молодежи, являлись той благодатной социальной почвой, на которой большевики умело строили свою политику поиска эффективных мотивационных механизмов в производственной сфере.

На уровне повседневной жизни разворачивались особо сложные формы взаимодействия власти и общества. Становление новой власти, представленной на предприятиях многочисленными завкомами, партийными ячейками, различными комиссиями и общественными организациями, происходило в рамках сложившихся патерналистских практик и схем. Ежедневные усилия администрации наполнялись новым идеологическим содержанием, классовым подходом, который, в свою очередь, получал поддержку в рабочей среде. С другой стороны, именно в сфере производственной повседневности происходило утверждение советских реалий, а все поведение человека было тесным образом связано с идеологией. В результате возник весьма сложный механизм воздействия государства на общество, призванный изменить историческое сознание людей.

С. О. Козурман

ПРОБЛЕМЫ ТРУДОУСТРОЙСТВА ЭВАКУИРОВАННОГО НАСЕЛЕНИЯ В САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРИОД 1941–1942 ГОДОВ

Появление больших масс перемещенного под влиянием войны населения ставило перед местными руководителями различного уровня две главнейшие задачи. Во-первых, обеспечить достойное материально-бытовое положение прибывшим гражданам; а во-вторых, в кратчайшие сроки включить этих граждан в производственные процессы так, чтобы это было, с экономической точки зрения, выгодно воюющему государству. Те же самые проблемы встали в первые месяцы войны и перед саратовскими руководителями. В данной работе хотелось бы осветить как именно трудилось эвакуированное население на первом этапе эвакуации. Представляется необходимым рассмотреть факторы, повлиявшие на трудовые процессы в области, вызванные как объективными проблемами военного времени, так и межличностным взаимовосприятием эвакуантов и местных властей.

Подводя предварительные итоги подсчета количества трудоустроенных эвакуированных граждан к началу октября 1941 г., переселенческий отдел отмечал, что из 37 877 жителей Саратовской области (без областного центра и районов АССР НП) работало только 70% или 25 222 человека¹. В районных масштабах эти цифры могли быть еще ниже. В Новоузенском районе в августе 1941 г. из 320 трудоспособных было трудоустроено лишь 175 человек, а в Новобураском из 600 — только 250². Примерно в это же время в Петровском районе, по сообщению завсектором агитации Андреева, находилось эвакуированных 1400 человек, из них «направлено в колхозы и устроено в предприятиях города 185 чел. (с ними детей 258). Выехало за пределы района 223 чел. (с ними детей 312), остальные находятся в районе»³. В 1942 г. наблюдалась аналогичная ситуация. Обследование материально-бытовых условий жизни семей начсостава Наркомата обороны показало, что из 46 семей, проживающих в Вязовском районе, состояло на службе в разных организациях и колхозах района 24 семьи⁴. В Ширококарамышском районе в мае 1942 г. проживало 480 семей (1136 чело-

¹ ГАНИСО, ф. 594, оп. 1, д. 2331, л. 25.

² ГАСО, ф. Р-1738, оп. 1, д. 184, л. 120.

³ ГАНИСО, ф. 594, оп. 1, д. 2304, л. 144.

⁴ ГАСО, ф. Р-1738, оп. 1, д. 183, л. 53.

век), из которых трудоспособными считались 558 человек. Но реально работало только 320 граждан, остальные 238 не работали⁵. Наиболее оптимальные данные о соотношении трудоспособных и работающих за указанный период удалось обнаружить по Унтервальденскому району. В конце марта 1942 г. там находилось 4286 эвакуированных, из них трудоспособными являлись 2492, а трудоустроенных было 2168 человек⁶. Приведенные данные, таким образом, показывают, что прибытие большого числа эвакуированного населения в подавляющем большинстве случаев не означало появление людей способных и готовых работать.

Совершенно определено можно сказать, что проблема трудоустройства эффективнее всего решалась для граждан, прибывших в область с эвакуированными предприятиями и учреждениями, проще говоря, с рабочими и служащими. Место их работы было известно заранее, а сложности обуславливались экономическими трудностями военного времени, некоторой суетой и неразберихой, характерной для многих регионов СССР. Государство и региональные власти действительно предприняли все от них зависящее для того, чтобы создать рабочим, а значит, и всей промышленности, в особенности оборонной, выгодные условия функционирования. Как метко замечает крупный отечественный специалист В. Т. Анисков, «городу перед деревней всегда отдавалось преимущество, как и заводу перед колхозом»⁷.

Саратовские власти пытались заранее решить важнейшие вопросы размещения и пуска эвакуируемых в область заводов. Показателен в этом отношении документ от 16 октября 1941 г. Это постановление бюро Саратовского обкома ВКП(б) о размещении эвакуированных заводов Наркомата авиапромышленности. В нем, в частности, были затронуты вопросы строительства промышленных корпусов, жилых бараков и землянок для рабочих, размещения их семей. Облторготделу специально поручалось решить вопросы питания рабочих (открытие столовых, хлебопекарен и т.д.)⁸. Однако учесть всего было нельзя. Поэтому во второй половине 1941 г. на крупных заводах области был выявлен ряд явлений негативного характера. В этом отношении показательна докладная записка «О неудовлетворительном руководстве Энгельского горкома ВКП(б) парторганизацией завода им. Урицкого», составленная 18 ноября 1941 г. инструктором обкома ВКП(б) Кульжонковым. В ней помимо претензий по чисто партийным вопросам

⁵ ГАНИСО, ф. 594, оп. 1, д. 2749, л.108.

⁶ ГАСО, ф. Р-2374, оп. 10, д. 3, л. 163.

⁷ Анисков В. Т. Крестьянство против фашизма. М., 2002. С. 42.

⁸ Саратовская область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Архивные документы. Саратов, 2005. С. 36–39. О размещении завода № 213 подробнее см.: Герман А. А. Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. М., 2007. С. 406.

(отсутствие партсобраний, плохая агитационная работа, бездействие профсоюзной организации и т.д.) говорилось о провале социалистического соревнования на заводе, отсутствии трудовой дисциплины. За октябрь месяц на этом предприятии было отмечено 66 прогулов, 35 опозданий, а заведующий военно-учебным столом Померанцев «на днях явился на работу в пьяном виде». К необходимой ответственности прогульщики не привлекались, дирекция никаких мер по укреплению трудовой дисциплины не предпринимала. В силу этого, отмечалось в документе, на заводе «... медленно восстанавливаются цеха, необходимые для выпуска оборонной продукции»⁹. Подобные неприятности происходили и на других эвакуированных предприятиях, например, на заводе Литер «С», где наблюдалось абсолютное невнимание к стахановскому движению и социалистическому соревнованию¹⁰. Эти сигналы, видимо, возымели действие, поскольку первый секретарь Саратовского обкома ВКП(б) В. П. Власов, вступая на VII пленуме обкома позитивно оценил усилия саратовских властей по своевременному вводу в эксплуатацию эвакуированных предприятий. В частности, он отметил такой факт: «Прибывший в город Энгельс завод имени Урицкого также в сжатые сроки был размещен на площади бывшего мотороремонтного завода, наладил производство снарядов и выполнил по ним план II полугодия 1941 года на 120%. За хорошую работу по выпуску боеприпасов директор этого завода т. Ильинский Указом Президиума Верховного Совета СССР награжден орденом Красной Звезды»¹¹.

Имел место в области и процесс прихода новых рабочих на уже существующие предприятия, т. е. замена старой рабочей силы на новую. Это, например, произошло на некоторых предприятиях в бывших районах Немецкой республики, когда депортированных немцев заменили прибывшие эвакуированные рабочие. В результате на ткацких фабриках им. Либкнехта и «Форшрит», в производственной мастерской в Бальцере, на чугунно-литейном заводе «Арбайтер» в период с сентября по декабрь 1941 г. было зафиксировано невыполнение плановых показателей, некоторые предприятия вообще приостановили работу. Причины этого крылись в отсутствии квалифицированной рабочей силы и задержках с обустройством новых работников¹².

Объективные трудности военного времени оказали существенное влияние на организацию труда эвакуированных в сельской местности. Вопросы их размещения и трудового устройства исполком облсовета своим решением от 2 июля 1941 г. возложил «... на исполкомы рай(гор)советов депутатов трудящихся под

⁹ ГАНИСО, ф. 594, оп. 1, д. 2305, лл. 91–94.

¹⁰ Там же. Д. 2305, лл. 127–130.

¹¹ Саратовская партийная организация в годы Великой Отечественной войны. Документы 1941–1945 гг. Саратов, 1969. С. 62.

¹² ГАНИСО, ф. 594, оп. 1, д. 2471, л. 23–25.

ответственность председателей»¹³. Последним при распределении трудоспособного населения приходилось учитывать, что среди огромного числа эвакуантов, прибывавших на территорию бывшей АССР НП, было немало людей никоим образом не приспособленных к тяжелому труду на селе.

Между тем шла война, и максимальная экономическая отдача заселяемых районов не могла не интересовать власти. О ходе обсуждения и решения этой проблемы можно судить по стенограммам совещаний, проводимых обкомом ВКП(б) в сентябре—октябре 1941 г. Так, на совещании, проходившем 1 сентября 1941 г., говорилось о необходимости создания специальной комиссии по «отсеиванию» эвакуированных, «с тем, чтобы в колхозы не попадали люди, которые не могут работать». Секретарь обкома В. П. Власов опасался, что в противном случае «... нас заселят артистами, горгапами и т.п. людьми». На совещании 17 сентября секретарь Саратовского обкома ВКП(б) Е. Колуцинский высказывается еще более категорично: «Из эвакуированных людей, не могущих работать, ни одну душу в немецкие кантоны не пустим, т. к. нам нужны люди, которые могут работать, а не те, которых еще нужно обрабатывать». Однако позже сам Колуцинский признался: «Я видел, что в некоторых районах целые бригады скомплектованы из учителей, инженеров и т.д.»¹⁴. На совещании от 4 октября такие же мысли высказал председатель исполкома облсовета Петров: «В отношении трудоустройства, которое проходит неудовлетворительно, не только потому, что люди не хотят работать. А потому что в ряде районов подходят неправильно к этому вопросу. Врачи, фельдшера работают колхозниками, как будто в этой квалификации нет нужды»¹⁵.

Дальнейшие события показали всю ошибочность «мероприятий» советского руководства по выселению немцев. В то время, когда колхозы должны были с максимальной отдачей работать на благо военной экономики, экономические показатели их были, мягко говоря, не на высоте, и все усилия местных властей по улучшению этих показателей, как показывают документы, были значительное время напрасными. Как отмечает А. А. Герман, «появившиеся в бывшей АССР НП первые эвакуированные, главным образом горожане, всячески уклонялись от расселения в колхозах, оседали в районных центрах ...»¹⁶. В докладной записке начала декабря 1941 г. отмечается, что в большинстве сельскохозяйственных артелей из вселившегося населения колхозники составляют лишь 40%, а «остальная часть — эвакуированные граждане городов и одиночки, прибывшие без семьи. Так, например, в Лизандергеймский район вселено 1473 хозяйства, из них

¹³ ГАСО, ф. Р-1738, оп. 1, д. 182, л. 28.

¹⁴ См.: ГАНИСО, ф. 594, оп. 1, д. 2325, л. 1, 74, 75.

¹⁵ Там же. Д. 2326, л. 52.

¹⁶ Герман А. А. Указ. соч. С. 456.

колхозников 570 хозяйств, а 903 семьи эвакуированных. В Гнаденфлюрский район вселено 1250 хозяйств, колхозников — 565 (44,8%)»¹⁷. Непродуманные решения в области хозяйственных мероприятий приводили к таким, например, картинам, которая сложилась в Бальцерском районе в середине декабря 1941 г. Там осталось неубранным 4200 га зерновых и крупяных культур, 3381 га подсолнуха, не заскородовано зерновых 830 га и не обмолочено 4253 га. Инвентарь и сельхозмашины разбросаны по полям. Автор этой записки, работник сельхозотдела Фарсов, видит виновных в этом в лице работников парторганизации¹⁸.

Вышеприведенные примеры показывают, скорее, не конкретную вину конкретных руководителей, а общие проблемы военного времени. Сказывалось и отсутствие опыта, ведь эвакуация такого масштаба не знала еще история ни одной страны. Тем не менее, можно выделить случаи, когда ответственность за нерациональные, а порой прямо преступные действия в вопросах трудоустройства, лежит на плечах городских и районных руководителей. Трагический инцидент произошел в Федоровском районе в конце 1941 г. Прибывшая из Киева семья Гольбер, состоящая из четырех человек, фактически оказалась брошенной на произвол судьбы директором Розендамской МТС Еремеевым и председателем колхоза «Серп и молот» Бауновым. Глава семейства не смог приступить к выполнению обязанностей заместителя бухгалтера, как это было намечено, ввиду болезни. Узнав об этом, руководство о нем попросту забыло, поместив всю семью в сырое и грязное помещение и отказываясь выдавать продукты питания. Не была оказана помощь и устроившимся на работу дочери и сыну Я. Гольбера. В результате всего этого Гольбер и его жена умерли от истощения. Зампрокура Лубянцевым была дана санкция на привлечение к уголовной ответственности местное руководство¹⁹.

Вообще необходимо отметить, что к приехавшим трудоспособным, но не желавшим работать гражданам местные руководители относились пренебрежительно, имея на то веские основания. Однако и отлично работавшие эвакуированные не всегда получали то чего заслуживали. Неприглядные факты мы видим в докладе Вольской прокуратуры за второе полугодие 1941 г. «В совхозе "Большевик" эвакуированная девушка Оля Никитина, не имея квартиры, проживала в свинарнике, имела одно пальто и сорочку, в бане не мылась, завшивела, питалась плохо, а работала в свинарнике добросовестно. Директор совхоза Голубев не обращал внимания на жалобы Никитиной», а в совхозе № 59 четверо эвакуированных рабочих-стахановцев, дававших по несколько норм в смену, спали

¹⁷ ГАНИСО, ф. 594, оп. 1, д. 2547, л. 14.

¹⁸ Там же. Д. 2305, лл. 142, 146.

¹⁹ ГАСО, ф. Р-2374, оп. 10, д. 4, л. 6.

на полу, не имели белья, даже спецодежды, положенной по закону²⁰. Здесь мы имеем дело с фактами безответственного, а порой и просто бесчеловечного отношения одних людей к другим.

Специфической чертой психологического состояния значительной части эвакуированного населения является восприятие своего пребывания в тылу как временного, а значит не особо обязывающего к «трудовым подвигам». Не трудно понять этих людей, оставивших на «малой родине» родственников, друзей, нажитое имущество. В литературе уже отмечалась проблема самовольного отъезда из области обратно, домой. Как правило, «чемоданное настроение» у людей появлялось по мере успехов Красной Армии и освобождения части западных областей СССР, а также часто из-за крайне тяжелых материально-бытовых условий²¹.

В Саратовской области проблема отъезда остро заявила о себе уже в декабре 1941 г. На совещании у секретаря обкома В. П. Власова отмечалось, что «... люди начинают осаждать райкомы ВКП(б) с вопросом о выезде обратно и просят пропуска»²². Сам Власов тогда посоветовал районным властям создать для эвакуированных такое хозяйство, такой новый дом, чтобы у них не возникло желания никуда уезжать, загрузить людей работой на новом месте. Ситуация усугубилась летом 1942 г. Основной категорией населения, получающего пропуска на выезд, были именно эвакуированные. В Ртищевском районе из 652 пропусков 33% падает на эвакуантов, в Клинцовском из 80 — 85%, в Терновском из 178 — 90%²³ (и это в разгар хлебоуборочной кампании). Здесь имеет место быть явление массово-психологическое. Значительно реже эвакуированные отказывались работать в силу личностных соображений, что было обусловлено индивидуальными особенностями психики конкретного человека. Были отмечены случаи симуляции рабочих, жалобы по поводу непривычного климата и т. д.

Особо хотелось бы остановиться на проблемах труда в среде эвакуированных семей политработников и начальствующего состава РККА. В литературе уже отмечено, что семьи, а в особенности жены военных, часто вызывали особое раздражение и ненависть со стороны как рядовых граждан какого-либо колхоза, так и со стороны его руководства²⁴. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. и рядом других документов семьи начальствующего состава РККА, НКВД, партийных работников получали по спе-

²⁰ ГАСО, ф. Р-2374, оп. 10, д. 3, л. 81–82.

²¹ См.: Ванчинов Д. П. Саратовское Поволжье в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Саратов, 1976. С. 119; Захарченко А. В. Социально-бытовой аспект жизни рабочих авиационных заводов Поволжья в годы Великой Отечественной войны // Отечественная история. 2005. № 2.

²² ГАНИСО, ф. 594, оп. 1, д. 2328, л. 42.

²³ См.: ГАСО, ф. Р-2374, оп. 10, д. 3, л. 302, 309–310.

²⁴ См.: Янковская Г. Эвакуация, или диалог поневоле // Родина. 2004. № 6.

циальным аттестатам весьма немалые денежные пособия. В районах Саратовской области были зафиксированы многочисленные случаи, когда члены таких семей, живя на данное пособие, имея предоставленную квартиру, снабжаясь бесплатно топливом и т.п., фактически сознательно игнорировали трудовые процессы на селе, попросту говоря, не работали²⁵. Естественно, что на чисто бытовом уровне это вызывало неприятие и непонимание у остальных граждан. Укорить, обругать, оскорбить при случае — эти действия часто встречаются в документах о взаимоотношении местных и эвакуированных жителей. В многочисленных записках райпрокурорам и председателям исполкомов райсоветов начальство настоятельно рекомендует, помимо оказания всемерной помощи, как можно быстрее обеспечивать работой семьи «... партийных, советских работников, начальствующего состава Красной Армии, флота и войск НКВД...»²⁶.

На невозможность работы влияли и вполне обыденные факторы: наличие в семье малолетних и часто больных детей, отсутствие обуви и одежды, болезни. Эвакуированные, занятые на сельскохозяйственных работах, зарабатывали трудными и в соответствии с ними получали продукты. Между тем по линии облисполкома было четко заявлено: «Лиц, уклоняющихся от работы, немедленно снимать со снабжения и бесплатного пользования жильем»²⁷. Конечно, семьи военных со снабжения никто не снимал, но иногда и им приходилось плохо. Например, в семье политрука Алымова, насчитывающей пять человек, на работу могли ходить только двое, ввиду отсутствия у остальных одежды и валенок. Супруга Алымова одно время вынуждена была даже «... ходить на бойню и собирать отходы, выброшенные собакам»²⁸. Такие случаи довольно редки.

Со стороны женщин — жен военных — порой появлялись неадекватные действия и высказывания, когда речь заходила о работе. В Петровском районе жена командира Кузнецова заявила: «Я никогда не работала, не умею работать и не собираюсь работать, прошу мне об этом не доказывать»²⁹. В Ширококарамышском районе гражданка Хандрыкина по тому же поводу заявила председателю: «... а тебе не все равно, что мы не работаем! Скорее бы Гитлер сюда пришел и разбомбил бы все!»³⁰. 15 женщин в Унтервальденском районе пошли дальше: они написали длинное письмо в редакцию газеты «Правда» и в Саратовскую

²⁵ См.: ГАСО, ф. Р-2374, оп. 9, д. 6, л. 40; ГАНИСО, ф. 594, оп. 1, д. 2752, л. 175.

²⁶ ГАСО, ф. Р-1738, оп. 1, д. 182, л. 27; д. 183, л. 55, ф. Р-2374, оп. 9, д. 1, л. 162.

²⁷ Там же. Д. 184, л. 120 об.

²⁸ ГАНИСО, ф. 594, оп. 1, д. 2756, л. 107–115.

²⁹ Там же. Д. 2304, л. 145.

³⁰ Там же. Д. 2749, л. 117.

облпрокуратуру с многочисленными жалобами на руководителей района; как показала проверка, большая часть из написанного была ложью³¹.

Проблемы трудоустройства эвакуированного населения в Саратовской области можно разделить на две группы. В первую попадают факторы, во многом не зависящие как от самих переселенцев, так и от местного руководства. Это сложности, вызванные войной, экстремальными условиями эвакуации (необходимостью быстрого перебазирования и пуска заводов) и специфическими решениями центрального руководства (ликвидация АССР НП). Ко второй группе нужно отнести человеческий фактор, социопсихологические особенности эвакуированного населения, особенности восприятия переселенцев местными жителями и, наоборот, проявление своеобразного архетипа «свои — чужие». Несмотря на это, нельзя забывать, что большая часть эвакуированного населения достойно включилась в трудовые будни войны. Не зря область все военные годы имела высокие показатели, как в сельском хозяйстве, так и в промышленности.

---

³¹ См.: ГАСО, ф. Р-2374, оп. 10, д. 3, л. 145—154.

В. В. Бородич

**РАЗВИТИЕ
МАТЕРИАЛЬНОЙ БАЗЫ
МУЗЫКАЛЬНЫХ
УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ
РСФСР В 1946–1953 ГОДАХ
(по данным Нижнего Поволжья)**

Две прифронтовые области (Астраханская и Саратовская) и практически полностью разрушенная в войну Сталинградская являли собой типичную послевоенную картину Европейской России. В планах восстановительной пятилетки 1946–1950 гг. в первую очередь планировалось масштабное экономическое и культурное развитие крупных промышленных регионов, в том числе и Нижнего Поволжья. Как информировал в центральной прессе 31 августа 1946 г. Комитет по делам искусств при Совмине РСФСР: духовная жизнь в Поволжье в послевоенное пятилетие должна была приблизиться «... к уровню культуры Москвы и Ленинграда, т.е. к уровню передовой культуры нашей страны»¹. В Саратове намечалось создать новый «... центр музыкальной жизни РСФСР»². В достижении этих целей важная роль отводилась имевшейся в Нижнем Поволжье триаде подготовки музыкальных кадров: детским музыкальным школам (ДМШ) — музыкальным училищам — консерватории.

Анализируя послевоенную музыкальную жизнь РСФСР, следует исходить из того, что существовали музыкальные учреждения всесоюзного ранга (например, Московская и Ленинградская консерватории, располагавшиеся на территории РСФСР, но выведенные из ее компетенции) и были учреждения российского подчинения. К последним относились все музыкальные учебные заведения (МУЗ) Нижнего Поволжья.

В конце 1945 — начале 1946 г. из 196 ДМШ, 50 музучилищ, 5 национальных студий и 3 консерваторий России³ в 3 областях региона работали 6 ДМШ, 2 музыкальных училища и консерватория⁴. Кроме этого, с 1943 г. за Саратов-

¹ Советское искусство. 1946. 31 авг.

² ГАСО, ф. 2330, оп. 1, д. 7, л. 13.

³ Без Московской и Ленинградской консерваторий, Музыкально-педагогического института им. Гнесных, находившихся в исследуемый период во всесоюзном подчинении. (см.: РГАЛИ, ф. 2075, оп. 1, д. 187, л. 13, 23–24, д. 188, л. 30, д. 341, л. 20).

⁴ В 1946 г. в Астраханской области были: одно ДМШ и одно музучилище, в Саратовской — четыре ДМШ (две в областном центре и по одной в г. Энгельсе и Вольске), одно музыкальное училище и консерватория, в Сталинградской — ДМШ в г. Урюпинске. (Подсчитано автором по: РГАЛИ, ф. 2075, оп. 1, д. 214, л. 30, 332 об.—333; ГАСО, ф. 2864,

ской государственной консерваторией (СГК) были закреплены две национальные студии Чувашской и Мордовской автономных республик⁵, и с 1944 г. — 16 музыкальных училищ страны⁶, которые направляли своих выпускников для получения высшего образования. Таким образом, обеспечение учащихся и студентов необходимыми учебными помещениями и музыкальными инструментами рассматривается в данной статье как важное условие развития системы подготовки музыкантов в послевоенной России.

Еще 25 августа 1945 г. было принято Постановление СНК РСФСР № 519 «О мерах улучшения работы учебных заведений Управления по делам искусств», которое определило задачи послевоенного развития системы подготовки музыкальных кадров. Как верно заметил в это же время директор Саратовской консерватории Г. К. Поповицкий, «искусство требует не только прекрасного исполнения, но и обстановки, способствующей такому исполнению»⁷. Среди первоочередных выдвигалась задача восстановления материальной базы учреждений искусства. Для этого планировалось выделить на капитальное строительство в сфере культуры 106 млн руб. и несколько десятков млн рублей на реконструкцию и ремонт существующих зданий⁸. Центральные органы в периодической печати информировали, что «процесс восстановления всех ранее существовавших учреждений искусств будет завершен в течение этой пятилетки»⁹. В перечень намеченного входило ежегодное открытие по 11–12 ДМШ, а за пятилетие — 59 школ, а также восьми новых музыкальных училищ и трех новых консерваторий, что позволило бы значительно укрепить подготовку музыкальных кадров в России¹⁰. В Нижневолжском регионе также планировался рост числа музыкаль-

---

оп. 1, д. 148, л. 1, д. 149, л. 1; ГАВО, ф. 6140, оп. 1, д. 11, л. 2 об.; Сталинградская правда 1948. 10 сент.).

⁵ См.: ГАСО, ф. 2330, оп. 1, д. 7, л. 5 об., д. 9, л. 1 об., 2.

⁶ К 1950–53 гг. сохранялись устойчивые связи с 13 музыкальными училищами, хотя письма с предложениями сдавать экзамены в Саратовскую консерваторию будут рассылаться в 40 учебных заведений страны. География иногородних студентов расширится от Крыма до г. Чкалова (г. Оренбург), от Махачкалы и Астрахани до Москвы, Ижевска и Вологды (См.: ГАСО, ф. 2330, оп. 1, д. 9, л. 18, д. 15, л. 21, д. 25, л. 19–20, д. 28, л. 36, д. 32, л. 35).

⁷ ГАСО, ф. 2330, оп. 1, д. 9, л. 1 об.

⁸ См.: Советское искусство. 1946. 31 авг.

⁹ Там же.

¹⁰ На территории РСФСР больше всего объектов восстановления и нового строительства в годы четвертой пятилетки планировалось в Сталинграде — пять, в Москве — четыре, Смоленске и Свердловске — по два в каждом, в Ленинграде — один. (См.: Советское искусство. 1946. 31 авг.; РГАЛИ, ф. 2075, оп. 1, д. 187, л. 23–24, 32, 42, 59).

ных школ, воссоздание в 1950 г. Сталинградского музыкального училища и проведение капитального ремонта Саратовской государственной консерватории¹¹.

Из-за внутренних социально-экономических проблем и втягивания страны в вынужденное атомное соперничество с США, имевшей большее промышленное производство, чем у всех других стран мира вместе взятых и обладавшей по сравнению с СССР пятикратным превосходством в экономике¹², планы четвертой пятилетки были значительно скорректированы. Наиболее ярко это прослеживается в вопросе возвращения МУЗам зданий или выделения удобных для занятий помещений. Так, в здании Астраханского музыкального училища со времен войны и до 1947 г. функционировала общеобразовательная школа, а для музыкальных занятий оставались всего пять комнат из 24. Поэтому 70% учебно-репетиционной работы с детьми проводилось (как и в большинстве областей РСФСР) на квартирах преподавателей¹³. На всю Сталинградскую область в 1946 г. только в г. Урюпинске продолжала работать одна детская музыкальная школа¹⁴. В Саратовской области в здании Вольской ДМШ располагался народный суд, Саратовская городская ДМШ Сталинского района находилась при заводе комбайнов, в Ленинском районе г. Саратова музыкальная школа функционировала на окраине города на «4-й Дачной»¹⁵. В здании Саратовской консерватории размещались в послевоенные годы магазин и столовая, которые эксплуатировали значительные площади, а работники консерватории и училища были объединены в «музыкальный комбинат». В 1946–1947 гг. занятия студентов и учащихся «комбината» проводились всего в 2х комнатах и 2-х концертных залах. В связи с этим даже звучали предложения о разрешении студентам заниматься на инструментах в консерваторских аудиториях до часа ночи¹⁶. Одна часть студентов проживала в тяжелых условиях в подвальном этаже консерватории, а

---

¹¹ Кроме того, на территории РСФСР в годы 4-й пятилетки планировалось основание следующих консерваторий: в 1946 г. — Горьковской (открыта в 1946 г.) и Новосибирской (открыта в 1956 г.), в 1949 г. — Ростовской (в 1967 г. открыт музыкально-педагогический институт, а консерватория — лишь в 1992 г.). См.: РГАЛИ, ф. 2075, оп. 1, д. 187, л. 59; Мир и россияне в XX веке. Учебная книга по истории / Под общ. ред. проф. Г. В. Орлова. Волгоград, 2001. С. 301; Большая Советская энциклопедия. Золотой Фонд российских энциклопедий. [Электронный ресурс]. URL: support@multimedia.ru.

¹² См.: Боффа Дж. История Советского Союза: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 258.

¹³ См.: РГАЛИ, ф. 2075, оп. 1, д. 214, л. 33, д. 341, л. 22; ГААО, ф. 1872, оп. 1, д. 3, л. 68, 69.

¹⁴ См.: ГАВО, ф. 6140, оп. 1, д. 11, л. 2 об.

¹⁵ ГАСО, ф. 2864, оп. 1, д. 151, л. 34, д. 246, л. 3, д. 281, л. 1–1 об.

¹⁶ Там же. Ф. 2330, оп. 1, д. 7, л. 128, д. 15, л. 59.

другая — в арендованных номерах гостиницы «Россия». Для спортивных занятий приходилось использовать помещение в другом конце Саратова¹⁷.

В условиях перекачки средств в тяжелую и особенно оборонную промышленность на возведение крупномасштабных объектов (например, восстановление полностью разрушенных городов Ростова-на-Дону и Сталинграда, тысяч поселков и деревень, заводов и фабрик), с одной стороны, и в связи с этим недофинансирования сферы культуры — с другой, решались сложные задачи подготовки музыкальных кадров. Жесткие идеологические указания ЦК ВКП(б) 1946 г. об обеспечении постоянно растущих культурных потребностей советских людей¹⁸ подкреплялись приказами комитетов по делам искусств. После февральского 1948 г. постановления ЦК ВКП(б) «Об опере «Великая дружба» В. Мурадели»¹⁹ были приняты соответствующие решения Советами Министров СССР и России²⁰. Подробный критический анализ был дан в документе Совета Министров РСФСР от 24 августа 1948 г. «О мероприятиях по улучшению работы учебных заведений Комитета по делам искусств...». В нем констатировалось, что «... Комитет по делам искусств ... и его местные органы не выполнили постановления СНК РСФСР от 25 августа 1945 г. за № 519 ... и неудовлетворительно руководят работой подведомственных им учебных заведений»²¹, а в подготовке музыкальных кадров имеются серьезные недостатки. Отмечалось, что многие училища и музыкальные школы размещены в непригодных помещениях, не имеют общежитий и жилой площади для преподавателей, а местные органы «... не оказывают должной помощи ... консерваториям и училищам»²². В указаниях подчеркивалось, что намеченные планы во многом должны реализовываться не только благодаря развитию экономики страны и финансированию из центра, но и через трудовой героизм народа и инициативность руководителей.

¹⁷ См.: ГАСО, ф. 2330, оп. 1, д. 9, л. 3, 6.

¹⁸ См.: «О журналах «Звезда» и «Ленинград». Из постановления ЦК ВКП(б) 14 августа 1946 г. // Правда. 1946. 21 авг.; «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению». Постановление ЦК ВКП(б) 26 августа 1946 г. // Культура и жизнь. 1946. 30 авг.; «О кинофильме «Большая жизнь». Постановление ЦК ВКП(б) от 4 сентября 1946 г. // Культура и жизнь. 1946. 10 сент.

¹⁹ «Об опере «Великая дружба» В. Мурадели». Постановление ЦК ВКП(б) 10 февраля 1948 г. // Правда. 1948. 11 февр.

²⁰ Общесоюзное Постановление Совета Министров СССР от 21 июля 1948 г. № 2708 «Об улучшении подготовки музыкальных и вокальных кадров» было детализировано и конкретизировано для условий Российской Федерации в принятом 24 августа 1948 г. Постановлении Совета Министров РСФСР за № 873 «О мероприятиях по улучшению работы учебных заведений Комитета по делам искусств при Совете Министров РСФСР» (см.: ГАРФ, ф. А 259, оп. 1, д. 222, л. 178–181).

²¹ Там же. Л. 178.

²² Там же. Л. 179.

В перечне предстоящих мероприятий было названо первоочередной задачей выделение жилья преподавателям МУЗов²³. Решение этой проблемы позволяло бы приглашать в периферийные учреждения квалифицированных педагогов и талантливую молодежь, регулярно обновлять кадры, эффективно бороться с совместительством. При этом отметим, что совместительство в Саратовском «музыкальном комбинате», облегченное простым переходом из аудитории консерватории в аудиторию училища в одном здании, порой давало положительные результаты. Наиболее крупные педагоги-музыканты консерватории воспитывали своих талантливых учеников уже с первого курса училища и до пятого курса консерватории. Но это были «преимущества» от бедности, они использовались опытными педагогами только в отношении талантливых учеников, а потому в целом имели относительный характер. Обратной стороной совместного существования двух крупных организаций была острая нехватка аудиторий, сокращенные часы ежедневных занятий для всех музыкантов, теснота при подготовке и проведении лекций, семинаров, репетиций. Как правило, у совместителей просто не хватало времени и сил дойти до каждого учащегося на занятиях. Но с этим приходилось мириться, так как МУЗы постоянно испытывали кадровый голод, а педагоги со стороны не желали ехать на новое место без получения жилья.

Архивные данные свидетельствуют, что в промышленно слабо развитой Астраханской области власти в первые послевоенные годы даже не ставили вопрос о наделении педагогов необходимыми комнатами. В Сталинградской области, по мере восстановления экономики, администрация стала наделять жильем и педагогов музыкальных школ. И если в Сталинграде в 1949 г. распределили всего шесть комнат на всех работников культуры города, то уже в 1950 г. только в Урюпинске Сталинградской области городской совет обязали выделить три квартиры непосредственно для приезжих молодых учителей музыки²⁴. В определенной степени положительно был решен жилищный вопрос и для педагогов Саратовской консерватории. После многолетних ходатайств руководства СГК о предоставлении жилья для 11 преподавателей в 1951 г. было выделено четыре квартиры. После взаимного обмена вселилось девять семей²⁵, а проблема обеспечения квалифицированных молодых и иногородних специалистов жильем так и осталась актуальной на последующие годы, ограничивая естественную смену поколений и создавая проблему нетворческой корпоративности стареющих кадров. Тем не менее определенные средства и помещения в городах и районах региона, в конечном итоге, изыскивались, и число ДМШ продолжало расти, проводился посильный косметический ремонт

²³ См.: ГАРФ, ф. А 259, оп. 1, д. 222, л. 181.

²⁴ См.: ЦДНИВО, ф. 113, оп. 30, д. 12, л. 171; ГАВО, ф. 6140, оп. 1, д. 25, л. 33, 35 и др.

²⁵ См.: ГАСО, ф. 2330, оп. 1, д. 9, л. 18, д. 19, л. 1, 29–30, д. 32, л. 4.

посильный косметический ремонт учебных заведений, а это позволяло увеличивать численность учащихся и студентов.

В результате проделанной работы к 1953 г. в Астраханской области функционировали в отдельных помещениях три музыкальные школы (в том числе перепрофилированные курсы массажистов в межобластной музыкальный интернат для военно-незрячих инвалидов)²⁶. Сложнее обстояло дело в Астраханском музыкальном училище. Несмотря на то что оно добилось еще в 1947 г. возвращения своего здания, имевшихся классов по-прежнему не хватало. Поэтому дирекция училища постоянно просила надстроить третий этаж и провести капитальный ремонт аудиторий с соответствующей перепланировкой в сторону увеличения их количества и повышения звукоизоляции²⁷. Неосуществление этих просьб в течение исследуемого периода ограничило отбор талантливых детей для обучения на второй ступени музыкального образования.

В Сталинградской области специализированные стройорганизации в первые послевоенные годы не хотели заниматься Урюпинской детской музыкальной школой. В справке обкома партии за 1947 г. говорилось, что «... местные строительные организации не удовлетворяют заявок на строительный материал; стройконторы уклоняются от подряда на ремонт или же соглашаются, не беря на себя обязательство по качеству и срокам»²⁸. Но желание многочисленных родителей обучать своих детей музыке заставило партийные и советские органы изыскивать помещения для открытия новых школ (как правило, в клубах крупных заводов). Уже в 1948 г. заработала Сталинградская городская школа №1 (в 1951 г. ее переведут в новое здание с центральным отоплением) и в 1950 г. — ДМШ № 2. Из-за большого количества желающих заниматься музыкой в 1952 г. откроют филиал школы № 2 в Краснооктябрьском районе еще на 100 человек. А с 1953 г. районные власти постоянно будут ставить вопрос перед областным Советом об открытии еще трех ДМШ в Сталинграде и трех школ в городах области²⁹.

По мере роста числа выпускников музшкол все острее звучали требования о восстановлении Сталинградского музыкального училища. Напомним, что строительство нового здания музучилища входило в пятилетний план развития страны

²⁶ Астраханский музыкальный интернат был создан по приказу министра социального обеспечения РСФСР № 363 от 11 августа 1947 г. Также по приказу министра социального обеспечения РСФСР № 331 от 27 июня 1951 г. сюда стали направляться военно-ослепшие инвалиды из Ростовской и Чкаловской [Оренбургской] музыкальных школ. (См.: ГААО, ф. 3102, оп. 1, д. 15, лл. 1, 12, д. 67, л. 10—11, д. 79, л. 16, д. 82, л. 16).

²⁷ См.: ГААО, ф. 1872, оп. 1, д. 3, л. 68, д. 10, л. 17.

²⁸ ГАВО, ф. 6140, оп. 1, д. 16, л. 3.

²⁹ Там же. Д. 15, лл. 41, 70, д. 20, л. 55, д. 25, л. 46, д. 32, л. 6, д. 37, л. 72—73, д. 38, лл. 7, 10.

1946—1950 гг. и на него было выделено 3 млн рублей³⁰. В отчете Комитета по делам искусств при Совете Министров РСФСР за 1946 г. утверждалось, что на этом объекте объем выполненных работ равен 36,8%³¹. В это же время начальник Сталинградского областного отдела искусств в докладной записке парторганам констатировал, что вопрос о строительстве училища «... остается неразрешенным даже при наличии отведенной площадки, утвержденной технической документации и отпускаемых средств, так как Трест Сталинградкультистрой отказывается приступать к работам»³². Аналогичная ситуация сохранялась и в последующие годы: «... подрядчик Сталинградкультистрой и руководящие органы не включили Музыкальное училище ... и отказываются включать ...» в перечень строек города³³. В конечном итоге из-за отсутствия здания Сталинградское училище так и не было восстановлено в исследуемый период, что значительно сузило перспективы музыкального роста талантливой молодежи³⁴.

В Саратовской области к 1953 г. будет уже восемь детских музыкальных семилетних школ: городские — Энгельсская, Вольская, Аткарская и Петровская; в г. Саратове — Ленинская районная ДМШ, Республиканская ДМШ (в собственном отдельном двухэтажном здании с 16 классами и залом на 120 мест по ул. Волжской), две в Сталинском районе (Городская ДМШ при заводе комбайнов и школа при заводе им. Кирова)³⁵. В то же время окажутся неустранимыми в исследуемый период проблемы Саратовского музыкального училища. Вывод из стен консерватории с 1948 г. некоторых немusикальных учреждений позволил увеличить аудиторный фонд на 20 классов. Но из 60 комнат музучилище будет арендовать до 1953 г. всего 15—18 аудиторий и пользоваться совместно с вузом концертными залами и другими помещениями, а своего здания так и не получит.

Одновременно в стесненных условиях функционировала и консерватория. Характерно, что и в 1953 г. в четырех помещениях первого этажа СГК (одно из которых было равным по площади малому концертному залу вуза) все также работали магазины³⁶. Нехватка помещений сокращала возможности студентов для ежедневных репетиций. Из-за недостатка аудиторий вместо положенных студентам ежедневных четырех-пяти часов для репетиций и музицирования отводилось только один-два часа, что резко снижало качество подготовки музыкальных кад-

³⁰ См.: РГАЛИ, ф. 2075, оп. 1, д. 187, л. 32, 66.

³¹ Там же. Д. 188, л. 49.

³² ЦДНИВО, ф. 71, оп. 6, д. 54, л. 23.

³³ ГАВО, ф. 6140, оп. 1, д. 16, л. 2—3.

³⁴ См.: РГАЛИ, ф. 2075, оп. 1, д. 341, л. 23.

³⁵ См.: ГАСО, ф. 2864, оп. 1, д. 246, л. 3, д. 269, л. 1—35, д. 281, л. 1—9, д. 300, л. 18, д. 302, л. 122, 130, 151, 207, 216, д. 314, л. 20, д. 324, л. 6, д. 344, л. 1—6.

³⁶ Там же. Ф. 2330, оп. 1, д. 32, л. 2, 3.

ров³⁷. Ситуацию несколько смягчало проведение в 1949–1951 гг. капитального ремонта всего здания консерватории и замена печной отопительной системы газопаровой³⁸, но кардинальные проблемы оставались все же не устраненными.

В целом, неудовлетворительная оценка «развития» материальной базы МУЗов РСФСР в послевоенный период прозвучала в отчете Комитета по делам искусств в 1952 г.: «Детские музыкальные школы не имеют собственных помещений и проводят занятия в домах пионеров, общеобразовательных школах и клубах, в условиях, не обеспечивающих проведение занятий по специальным дисциплинам. Почти все помещения учебных заведений нуждаются в неотложном капитальном ремонте. Эти помещения были построены несколько десятков лет тому назад и капитально не ремонтировались. В результате этого многие здания училищ пришли в аварийное состояние (Новосибирское, Астраханское, Дагестанское и др.). В послевоенные годы ассигнования на строительство зданий для учебных заведений Комитету не выделялись, за исключением строительства Курского музыкального училища»³⁹.

Не менее острой послевоенной проблемой было снабжение учебных заведений музыкальными инструментами, на которых следовало обучать игре детей и молодежь, совершенствовать творческое мастерство педагогов. В отличие от обычных школ и вузов, где порой можно было обойтись словом и аудиторной доской, специфика музыкального учебного заведения требовала наличия соответствующего инструментария. После войны изношенность этих средств достигала 70%, а в некоторых учебных заведениях многие необходимые инструменты просто отсутствовали.

В начале 1946 г. в ведущем Нижневолжском учебном заведении – Саратовской консерватории – имеющиеся духовые инструменты не только не отвечали современным требованиям, но и партитурам конца XIX – начала XX в. В одном из архивных документов красноречиво констатировалось: «Техника, значительно шагнувшая вперед, не позволяет на имеющихся инструментах достаточно технически готовить оркестровые кадры. Все усовершенствования, введенные в инструменты за последнее тридцатилетие, проходят мимо...»⁴⁰. Поэтому, например, невозможно было исполнять некоторые произведения композиторов Раavelя, Р. Штрауса и Римского-Корсакова. Руководство консерватории отмечало, что ежегодная потребность в обновлении только тростей для духовых инструментов равнялась 18 тыс. рублей, а выдавалось на приобретение и ремонт всех ин-

³⁷ См.: ГАСО, ф. 2330, оп. 1, д. 9, л. 17.

³⁸ Там же. Д. 28, л. 20.

³⁹ РГАЛИ, ф. 2075, оп. 1, д. 341, л. 22.

⁴⁰ ГАСО, ф. 2330, оп. 1, д. 9, л. 3 об.

струментов за год лишь 20 тысяч⁴¹. Положение с инструментарием в остальных МУЗах Нижнего Поволжья было еще более тяжелым.

В 1946 г. для всех учебных заведений России музыкально-экспериментальная мастерская Комитета по делам искусств РСФСР отпустила всего 150 щипковых инструментов, 545 скрипок, 27 пианино, 52 баяна. Совершенно отсутствовало снабжение духовыми медными и деревянными инструментами, что срывало работу школ и училищ⁴². В объяснительной записке председателя Комитета по делам искусств России Н. Н. Беспалова по итогам 1946 г. констатировалось, что в стране «... не производятся арфы, гобои, фаготы; не производятся флейты и кларнеты высокого качества; скрипки и виолончели (последние выпускаются в ничтожном количестве) Министерства местной промышленности не пригодны для профессионального обучения. Поэтому учить оркестрантов не на чем»⁴³. Комитет по делам искусств просил для МУЗов «... одновременно выделить ... из трофейных фондов 30 арф, 3007 гобоев, 300 фаготов, 200 кларнетов, 200 флейт, 100 английских рожков, 200 тромбонов, 200 валторн, 200 труб, 100 туб ... Учитывая слабую насыщенность музыкальных учебных заведений клавишными инструментами, в особенности, концертными роялями, выделить ... из трофейных фондов 50 концертных роялей и 300 пианино»⁴⁴. В перспективе ремонтные инструменты не могли удовлетворить растущие потребности страны. Поэтому комитет в том же 1946 г. просил правительство «... обязать Министерство местной промышленности изготовить для музыкальных учебных заведений РСФСР ... инструменты высокого, профессионального качества: 1000 скрипок, 1000 виолончелей, 500 альтов, 500 контрабасов»⁴⁵.

Объявленные планы были привлекательны, но реальных возможностей для их полной и своевременной реализации у советской власти не хватало⁴⁶. Указания немедленно наладить выпуск в достаточном количестве отечественные качественные инструменты объективно были не выполнимы по причине низкой культуры производства, которая на Западе формировалась в течение веков. Поэтому

⁴¹ См.: ГАСО, ф. 2330, оп. 1, д. 9, л. 3, 3 об.

⁴² См.: РГАЛИ, ф. 2075, оп. 1, д. 188, л. 36.

⁴³ Там же. Д. 187, л. 16.

⁴⁴ Там же. Л. 16, 17.

⁴⁵ Там же. Л. 16.

⁴⁶ Следует учитывать, что советская система предоставляла учащимся и студентам бесплатное или малооплачиваемое обучение, проживание в общежитиях, обеспечивала бесплатными учебными музыкальными инструментами, нотами и учебниками. Основной статьей расходов вузов и училищ, после капитального ремонта и выплаты заработной платы преподавателям, были студенческие стипендии. Социалистические идеи тяжелым бременем ложились на государственный бюджет и создавали огромные трудности в реализации поставленных созидательных задач.

в документах за 1948 г. опять отмечалось, что «качество поступающих в продажу струнных смычковых и щипковых инструментов крайне низкое»⁴⁷. Из-за нехватки инструментов Министерство местной промышленности РСФСР в 1948 г. обязало свои предприятия не только выполнить намеченные цифры, но «за счет перевыполнения плана производства» дополнительно поставить для всей РСФСР пять пианино, 30 баянов и 150 смычковых инструментов⁴⁸. И все же, за струнами, канифолью, колками, нотной бумагой, тростями к гобоям и фаготам приходилось и в последующие годы ездить в Москву, но и там нередко их невозможно было достать⁴⁹.

В условиях быстро растущего числа МУЗов и невозможности полного насыщения их новыми инструментами шел процесс старения имевшихся учебных средств. В 1948 г. в Астраханском училище клавишные инструменты имели большую изношенность из-за ежедневного их использования по 15 часов⁵⁰. Поэтому из года в год возрастала потребность в реставрационных нуждах. В этом отношении показателен пример Саратовской государственной консерватории. В 1946 г. СГК получила на ремонт и приобретение новых инструментов 20 тыс. руб. А к 1951–52 гг. ежегодная потребность только в ремонте возросла с 65 до 95 тыс. рублей. В реальности же на эти цели ежегодно выделялось от 24 до 30 тыс. рублей. Правда, в 1949 г. она приобрела инструментов на 116 тыс. руб. (девять роялей, пианино и тубу), но при этом имелись десятки нереставрированных ветхих инструментов, которые к 1952 г. уже невозможно было отремонтировать. Поэтому СГК испрашивала на 1953 г. небольшие средства на ремонт, и еще 84 тыс. руб. на приобретение новых⁵¹.

В конце исследуемого периода, — как констатировал Комитет по делам искусств при Совмине РСФСР, — «музыкальные учебные заведения располагают музыкальными инструментами старых иностранных фирм, которые имеют изношенную механику. Состояние этих инструментов исключает возможность профессионального обучения учащихся. В училищах совершенно отсутствуют концертные рояли для проведения академических вечеров, экзаменов, концертов». А средства, получаемые учебными заведениями на приобретение оборудования (от 7 до 15 тыс. руб. в год), не давали возможности систематически пополнять и основательно ремонтировать инструментарий. Поэтому Комитет выделил на капитальный ремонт зданий в 1952 г. 5 млн руб. и на приобретение музыкальных

⁴⁷ РГАЛИ, ф. 2075, оп. 5, д. 113, л. 139 об.—140.

⁴⁸ См.: ГАРФ, ф. 259, оп. 1, д. 222, л. 181.

⁴⁹ См.: РГАЛИ, ф. 2075, оп. 5, д. 113, л. 139 об.—140 и др.

⁵⁰ См.: ГААО, ф. 1872, оп. 1, д. 10, л. 17.

⁵¹ См.: ГАСО, ф. 2330, оп. 1, д. 9, л. 3 об., д. 19, л. 2, д. 31, л. 28, 34, 35, 63, 72, 74, 126, 135.

инструментов и инвентаря еще 3 млн руб.⁵² Суммы были немалые, но средне-статистическое музыкальное учебное заведение России могло израсходовать на приобретение и ремонт инструментов всего 7,6 тыс. руб., т.е. минимальную сумму от тех 7 — 15 тыс. руб., которые выделялись ранее, и считались недопустимо малыми⁵³.

В таких условиях в Саратовской области стали практиковать передачу учебных средств из сравнительно обеспеченных инструментами ДМШ во вновь создаваемые (например, в Петровскую школу — из Балашовской и Энгельсской, в Аткарскую — из Энгельсской). Случалось, передаваемое бывало так изношено, что его невозможно было далее эксплуатировать. В связи с нехваткой учебных средств во всех областях региона родители стали приобретать для своих детей необходимые инструменты, производить пожертвования в пользу музыкальных школ⁵⁴.

В условиях дефицита очень желательным было меценатство руководящих органов и крупных предприятий. Некоторые добросовестные руководители местных структур советской власти все же изыскивали дополнительные возможности и добивались обеспечения инструментами отдельных ДМШ. Например, в Саратовской области так было уже в 1951 г. в Вольской и Энгельсской городских, Сталинской районной ДМШ при заводе комбайнов г. Саратова⁵⁵. В 1952 г. Исполком Сталинградского областного Совета обратился к Совету Министров РСФСР с просьбой о выделении дополнительных 40 тыс. руб. для ДМШ №2, в которой учились дети рабочих крупных заводов города. В том же году школа пополнилась инструментами, повысилось качество учебной работы, и даже был организован детский симфонический оркестр из 25 человек. В 1953 г. Сталинградский облсовет выделил для ДМШ №1 дополнительно от госбюджета еще 6 тыс. руб. для приобретения инструментов⁵⁶. Но в целом, в условиях значительного роста числа занимающихся в детских школах учеников, это были

⁵² РГАЛИ, ф. 2075, оп. 1, д. 341, л. 22, 23. Следует учитывать, что «инвентарем» называлась и спортивная одежда. Таким образом, на музыкальные инструменты реально выделялось намного меньше средств из отпущенных сумм.

⁵³ Комитету по делам искусств при Совмине РСФСР в 1952 г. было подведомственно четыре консерватории, 49 музыкальных училищ, 338 ДМШ. Итого — 391 учреждение, на которые было выделено 3 млн рублей, т.е. в среднем 7672 рубля на одно учреждение. (Подсчитано автором по: РГАЛИ, ф. 2075, оп. 1, д. 341, л. 20).

⁵⁴ Например, в 1951 г. житель г. Петровска безвозмездно передал местной школе свой музыкальный инструмент, так как собственных клавишных инструментов в ДМШ не было (см.: ГАСО, ф. 2864, оп. 1, д. 199, л. 174, д. 269, л. 25, 31).

⁵⁵ Там же. Д. 278, лл. 15, 16, д. 281, л. 4.

⁵⁶ См.: ГАВО, ф. 6140, оп. 1, д. 37, л. 53, л. 42, л. 63 и др.

только отдельные положительные примеры, подтверждающие, к сожалению, общую картину нехватки учебных средств и катастрофического старения имеющихся.

Резюмируя развитие материальной базы подготовки музыкальных кадров в 1946–1953 гг., отметим бурный рост численности детских музыкальных школ по республике. В течение послевоенной пятилетки их число ежегодно увеличивалось не на 11–12 запланированных школ, а на 15–20⁵⁷. К 1952 г. число ДМШ выросло до 338. В Нижневолжском регионе число начальных школ увеличилось за 1946–1953 гг. более чем в 2,3 раза (с 6 до 14 ДМШ и одного филиала), что позволяло расширять контингент обучающихся музыке, воспитывать ценителей прекрасного и лучше готовить одаренных детей для музыкальных училищ.

В годы четвертой пятилетки на территории РСФСР так и не были открыты запланированные 8 новых музыкальных училищ. Наоборот, их число сократилось с 50 до 49. В Нижневолжском регионе вместо запланированных трех училищ работало всего два. А ведь именно на второй ступени образования готовили абитуриентов для консерваторий и педагогов для музыкальных школ. По этой причине даже в 1953/54 учебном году имелись случаи окончания консерваторий лицами, не имевшими полного среднего образования⁵⁸.

Не удалось выдержать плановые показатели и в отношении консерваторий. Вместо трех новых вузов в России была открыта только консерватория в г. Горьком. Поэтому нагрузка педагогов музыкальных училищ и консерваторий в исследуемый период объективно возросла. Увеличивать численность слушателей приходилось за счет внутренних резервов. Если 1946 г. характеризовался выпуском от 2 до 7 человек на каждое музыкальное учреждение региона, то в 1953 г. многие музыкальные школы, все училища и Саратовская консерватория ежегодно выпускали уже от 20 до 40 и более человек. Особенно бурный рост учащихся детских музыкальных школ был в крупных промышленных центрах региона — Саратове и Саратовской области и в Сталинграде. В два раза выросла численность студентов Саратовской консерватории. В то же время средств явно не хватало для более качественной подготовки музыкальных кадров.

Подводя итоги, отметим, что развитие материальной базы МУЗов проходило в тяжелых условиях восстановления послевоенной РСФСР. Приведенный архивный материал свидетельствует о дорогой «цене» наращивания экономического и военного могущества страны, в том числе и за счет недофинансирования музыкальных учебных заведений России и Нижнего Поволжья. Другой вывод состоит в том, что в эти годы (как и в предыдущие века и в последующие десятилетия) прослеживается закономерность, свойственная жестко централизованной системе. Пока центр давал указания и контролировал их исполнение — было

⁵⁷ См.: РГАЛИ, ф. 2075, оп. 1, д. 341, л. 20.

⁵⁸ См.: ГАСО, ф. 2330, оп. 1, д. 35, л. 55 и др.

целенаправленное развитие. По истечении времени кампании шли на убыль, и все возвращалось к естественному ходу событий, т.е. энтузиазму администрации учебных заведений и добросовестности рядовых педагогов-музыкантов. Подтверждением этого является повторяемость рассмотрения высшими органами власти однотипных вопросов за короткие промежутки времени. Ленинская теория «демократического централизма» в реальной советской практике также оформилась в жесткую вертикаль, обусловившую относительную безынициативность на местах и порождение систематических грозных постановлений высших органов. Для кардинального и органичного решения проблемы всегда требуется создание саморегулирующейся системы. А вот такого подхода, к сожалению, в исследуемый период не было осуществлено.

А. А. Гуменюк

**РАЗВИТИЕ
СФЕРЫ ОБСЛУЖИВАНИЯ
В СССР В 1953–1985 ГОДЫ
(по материалам Поволжья)**

С приходом во власть команды Н. С. Хрущева в Советском Союзе начали осуществляться социальные преобразования, нацеленные на повышение уровня жизни населения. Этой задаче были подчинены не только меры по повышению уровня потребления продовольственных и непродовольственных товаров, но и шаги по совершенствованию сферы услуг, то есть бытового обслуживания населения и сети общепита. Все это, несомненно, влияло на уровень жизни населения. Однако эти колебания основательно изучены применительно лишь к сфере обеспечения населения продуктами и товарами¹. Развитие сферы услуг на региональном уровне еще не получило должного освещения, хотя относительно некоторых поволжских областей уже появились интересные разработки². С учетом их и обширной источниковой базы в данной работе будут рассмотрены изменения, произошедшие в сфере обслуживания, в обозначенный хронологический период, на материалах Волгоградской, Саратовской, Куйбышевской (ныне Самарской), Пензенской и Астраханской областей. Использование регионального материала позволит нам нарисовать максимально приближенную к истине картину колебаний в развитии общепита и бытового обслуживания, расширить наши познания об истории как Саратовского края, так и других областей Поволжья. Учет позитивных и негативных моментов в истории этих двух служб сферы обслуживания будет способствовать выработке наиболее перспективных вариантов их развития на современном этапе нашей истории.

В начале 1950-х гг. в некоторых районах региона был достигнут довоенный уровень в развитии сети общепита, тем не менее, во многих областях Поволжья

¹ См., например: Гуменюк А. А. Проблемы колебаний уровня жизни населения Саратовской области в 1953–1964 гг. // Новые информационные технологии как средство интенсификации образовательного процесса в вузах: Саратов, 2004; Он же. Реформа А. Н. Косыгина: социальный аспект (по материалам Саратовской губернии) // Историческая память и социальная стратификация. Социокультурный аспект: Материалы XVII Международ. науч. конф., 16–17 мая 2005 г. СПб., 2005. Ч. 2; Он же. Саратовский обыватель и реформы второй половины 1950-х — начала 1960-х гг.: некоторые зарисовки повседневной жизни // Проблемы истории российской цивилизации. Саратов, 2007. Вып. III.

² См.: Метелев А. С. Партийное руководство бытовым обслуживанием на селе в 70-е гг. (На материалах Куйбышевской и Саратовской областей): Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1991; Гуменюк А. А. Развитие сферы обслуживания в СССР в 1953–1985 гг. (по материалам Саратовской области) // Клио. 2008. № 4(43).

по-прежнему не хватало не только мест для деловой или легкой беседы за чашкой кофе или чая, но и просто заведений, в которых можно было бы быстро перекусить. Существующие же столовые, чайные и закусочные были неблагоустроенны, не имели необходимого инвентаря, столовой посуды, качество обслуживания было низким, блюда были низкокалорийными³. Не обеспечивала возросших потребностей населения и существовавшая в те годы сеть предприятий по бытовому обслуживанию населения. Так, в Саратове насчитывалось лишь 270 мастерских, но они работали неудовлетворительно, не отвечая запросам населения, которое постоянно жаловалось на плохое качество работ⁴. Руководство страны уделяло внимание не только росту потребления населением промышленных и продовольственных товаров, но и коренной перестройке быта, поскольку, по мнению идеологов КПСС, построение коммунистического общества было напрямую связано с изменениями в системе общественного питания и бытового обслуживания трудящихся.

В 1956–1957 гг. несколько расширился спектр бытовых услуг (бани, парикмахерские, прачечные, гостиницы) в Саратовской и Пензенской областях. То же самое происходило и в сфере общепита. Так, в Саратовской области сеть предприятий общественного питания в 1959 г. увеличилась по сравнению с 1953 г. на 99 единиц⁵. Более чем в три раза довоенный уровень в 1956 г. превысил товароборот государственной, кооперативной торговли, включая и общественное питание в Волгограде⁶. Выросло число пунктов общепита и в Пензе. В 1958 г., по данным Пензенского облисполкома, в городе насчитывалось 50 предприятий общественного питания⁷. Для удобства горожан открывались домовые кухни, специализировавшиеся на выдаче обедов на дом. Человек мог спуститься в расположенную на первом этаже его дома «домовую кухню», купить там полный обед, быстро подняться к себе и съесть его в кругу семьи. Первая домовая кухня появилась в Саратове в начале марта 1959 г., а к началу 1964 г. в области насчитывалось уже 505 таких кухонь⁸. Более разнообразным стало меню. Так, к

³ См.: ГАНИСО, ф. 594, оп. 2, д. 2536, лл. 5, 35, д. 3338, л. 4; *Водолагин М. А.* Очерки истории Волгограда. 1589–1967. М., 1969. С. 388.

⁴ См.: ГАНИСО, ф. 594, оп. 2, д. 2662, л. 74.

⁵ Там же. Д. 3799, л. 4, оп. 6, д. 146, л. 23; *Взгляд из Саратова. Хроники. XX в. // Саратовские вести.* 2000. 15, 19 февр.; *Пензенская область за сорок лет Советской власти. 1917–1957.* Пенза, 1957. С. 368.

⁶ См.: *Водолагин М. А.* Указ. соч. С. 398.

⁷ См.: *Пензенский край, 1917–1977 гг.: Документы и материалы.* Саратов, 1982. С. 218.

⁸ См.: *Взгляд из Саратова. Хроники. XX в. // Саратовские вести.* 2000. 18 марта; *Коммунист.* 1959. 7 марта; 1963. 8 марта; ГАСО, ф. 1738, оп. 7, д. 481, л. 16; *Лебина Н. Б., Чистиков А. Н.* Обыватель и реформы. Картины повседневной жизни горожан в годы НЭПа и хрущевского десятилетия. СПб., 2003. С. 237.

1961 г. в одной только Саратовской области число блюд увеличилось до 181,2 млн⁹.

Поволжские материалы позволяют согласиться с мнением Н. Б. Лебиной и А. Н. Чистикова о том, что уже к концу хрущевского периода стало явно проще найти место, где можно было быстро и недорого поесть. Так, в Саратовской области в 1962 г. городское население стало в 2,5 раза больше посещать заведения общепита, чем в 1953 г. Это были кафетерии, пользующиеся большой популярностью у населения, хотя в них не подавалось горячих блюд, однако, там можно было неплохо перекусить (кофе, пирожные, легкие закуски)¹⁰. Саратовским областным руководством планировалось увеличить к 1 января 1965 г. их количество до 90 единиц. На необходимость расширения сети кафетериев указывали и комсомольские организации. Так, 3 июля 1963 г. бюро Саратовского промышленно-обкома ВЛКСМ постановило расширять сеть молодежных кафе и столовых¹¹.

Общественное питание прочно входило в быт населения и других областей Поволжья. С 1958 г. по 1964 г. сеть общепита Татарской АССР пополнилась 426 столовыми и кафе¹². В Пензенской области в 1965 г. столовые посещали до 80% рабочих промышленных предприятий («Пензхиммаш», «Кузполимермаш» и другие). Кроме столовых в области существовала широкая сеть фабрик-кухонь, ресторанов, чайных. Общее число предприятий общепита в области к середине 1960-х гг. составляло уже 917 (в 1958 г. лишь 706)¹³. Изменилась организация общественного питания также в Волгограде, где в 1963 г. действовало 437 предприятий, оказывалось сто различных услуг, с объемом работ 7,4 млн руб. в год¹⁴.

Однако волжане были недовольны развитием сферы обслуживания. Так, жители Саратова отмечали, что «в Саратове очень мало предприятий, призванных удовлетворять бытовые нужды населения. Есть несколько прокатных пунктов, где во временное пользование можно взять ту или иную вещь, есть отдельные артели, до которых нередко трудно добраться из-за отдаленности. А почему бы не изменить систему обслуживания населения и по примеру других городов не создавать специальные конторы бытовых услуг при райжилуправлениях и крупных домоуправлениях. Это было бы очень удобно»¹⁵. Поэтому с 1960 г. в

⁹ ГАНИСО, ф. 594, оп. 11, д. 94, л. 74.

¹⁰ См.: Лебина Н. Б., Чистиков А. Н. Указ. соч. С. 238–239; ГАСО, ф. 1738, оп. 1, д. 1130, л. 11, оп. 7, д. 602, л. 27.

¹¹ См.: Хроника важнейших событий Саратовской областной организации ВЛКСМ. 1918–1983 гг. Саратов, 1984. С. 230.

¹² См.: История татарского народа: с древнейших времен до наших дней. Саратов, 2001. С. 257–258.

¹³ См.: Пензенская область за 50 лет Советской власти. Саратов; Пенза, 1967. С. 353.

¹⁴ См.: Водолагин М. А. Указ. соч. С. 406.

¹⁵ Коммунист. 1960 25 ноября.

городах региона стали строиться торговые центры, где размещались наряду с магазинами и предприятия общественного питания и бытового обслуживания, оснащенные новейшей техникой¹⁶. К концу 1961 г. в Саратовской области действовало уже 38 предприятий бытового обслуживания, 13 из них — в Саратове, включая и Центральную фабрику индивидуального пошива одежды. Ее функционирование наряду с работой других механизированных предприятий позволило к середине 1960-х гг. увеличить до 263 количество оказываемых населению услуг и повысить их качество. В 3 раза больше стало оказываться услуг по индивидуальному пошиву обуви, на 28% — по ремонту одежды, металлоизделий и предметов сложной бытовой техники, на 24,2% улучшилась работа пунктов проката. Появились и новые виды услуг: звукозапись для населения, обслуживание кино- и фотолюбителей, услуги репетиторов по общественным предметам и музыке¹⁷. Более чем в два раза возрос объем услуг предприятий бытового обслуживания в Пензенской области. В частности, в 1965 г. в этой области открылось 162 мастерские по ремонту металлоизделий, швейных и сапожных мастерских. Число бань, прачечных и парикмахерских увеличилось на 233 единицы¹⁸.

В целом же по стране, как отмечалось в постановлении ЦК КПСС и Совмина СССР от 10 августа 1962 г. «О дальнейшем улучшении обслуживания населения», объем работ в этой отрасли за 1959—1962 гг. возрос примерно в 1,5 раза. Однако, констатировалось в документе, «бытовое обслуживание остается отстающим участком». Во многом это было следствием того, что до конца 1950-х гг. в СССР материальную базу службы быта определяли полумеханизированные и даже кустарные промыслы. Поэтому уровень бытового обслуживания все еще не удовлетворял запросов населения.

Люди по-прежнему жаловались на нехватку бань, прачечных, парикмахерских. Вызывал нарекания граждан и режим работы предприятий бытового обслуживания, большинство которых работало лишь в одну смену. Низким было качество выполняемых работ. Например, только за первое полугодие 1961 г. в Саратовской области из-за низкого качества пошива одежды осталось невостребованными 128 заказов¹⁹. В ряде городов, районных центров, рабочих поселков и сел сеть починочных мастерских отсутствовала совершенно. Существующие же предприятия сферы быта нередко использовались не по назначению. Такое положение вещей, отмечалось в этом постановлении, вынуждало население страны

¹⁶ См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1986. Т. 9. С. 553.

¹⁷ См.: ГАНИСО, ф. 594, оп. 2, д. 4771, л. 47, д. 4929, л. 158, оп. 32, д. 211, л. 42—43; Саратовская область за 50 лет. Саратов, 1967. С. 322.

¹⁸ См.: Пензенская область за 50 лет Советской власти. С. 353.

¹⁹ ГАНИСО, ф. 594, оп. 2, д. 4771, л. 57—58.

обращаться к услугам частных лиц. Эти негативные тенденции были присущи и областям Поволжья, в частности, Пензенской²⁰.

Население часто жаловалось на недостаток овощных, рыбных, молочных блюд, на недоложение продуктов в столовых и других предприятиях общепита. Пища низкого качества в начале 1960-х гг. приготавливалась в ряде столовых Саратова, Энгельса, Вольска, а также Краснокутского, Краснармейского, Марксовского и других районов Саратовской области²¹. Не отличалась качеством и продукция школьных буфетов. Например, в 1963 г. в буфетах саратовских школ № 24, 37, 70, 71 и других в пирожках, котлетах, оладьях, коврижках, винегрете недоставало необходимых ингредиентов в размере от 4 до 25 г, имели место и отравления²². Хищения приобретали значительные масштабы. Например, в первом полугодии 1964 г. по торгам и трестам столовых Саратовской области было выявлено 35 случаев растрат и недостач на сумму 38 тыс. рублей²³. По-прежнему низким было обслуживание в ресторанах (особенно на вокзалах и пристанях) и столовых, пища была некачественной. Среди горожан, посещавших на рубеже 1950-х — 1960-х гг. различные «пельменные» и «чебуречные», была очень популярна песенка, один из куплетов которой начинался так:

А в животе снуют пельмени
Как шары бильярдные...²⁴

Новые предприятия общепита строились медленно. Например, с 1959 г. по 1961 г. в Саратовской области построили лишь 47 из 85 предприятий (несмотря на то, что общий план капиталовложений значительно перевыполнялся). В колхозах Саратовской области вплоть до 1965 г. общественное питание было не развито. На 1 января 1965 г. в них действовало всего лишь две столовые, хотя с 1954 г. по 1957 г. потребкооперацией было построено 73 столовых на 2,6 тыс. мест²⁵. Все это требовало дальнейшего реформирования этой отрасли.

После смены руководства страны в октябре 1964 г. на проблемы развития службы быта стало обращаться гораздо больше внимания. Постановлением

²⁰ См.: КПСС в резолюциях... М., 1986. Т. 10. С. 270--272; Очерки истории Пензенской организации КПСС. Саратов; Пенза, 1983. С. 403; Метелев А. С. Указ. соч. С. 55.

²¹ См.: ГАНИСО, ф. 594, оп. 2, д. 4915, л. 189.

²² См.: ГАСО, ф. 1738, оп. 7, д. 486, л. 26, 27.

²³ Там же. Д. 503, л. 4.

²⁴ Лебина Н. Б., Чистиков А. Н. Указ. соч. С. 239.

²⁵ См.: ГАНИСО, ф. 594, оп. 2, д. 4909, л. 38; Беликов М. С. Политика коммунистической партии Советского Союза в области повышения благосостояния колхозного крестьянства в 1953—1965 гг. (на материалах Саратовской области): Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1966. С. 198.

ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию бытового обслуживания населения» от 26 августа 1967 г. была поставлена задача превращения службы быта в крупную механизированную отрасль народного хозяйства. Для этого с 1968 г. крупные предприятия имели право всю свою прибыль направлять на расширение работ и услуг, а также действующей сети приемочных пунктов, приобретение оборудования и т.д.²⁶ О реализации положений этого документа на Средней и Нижней Волге говорят следующие данные. Так, в Саратовской области только за семь месяцев 1970 г. было введено в эксплуатацию 175 предприятий бытового обслуживания, из них 146 в сельской местности. Осуществлялась специализация организаций службы быта. В Саратове возникли областное производственное объединение по ремонту бытовой техники, фабрика по ремонту и реставрации одежды, мастерские по изготовлению головных уборов, ювелирных изделий и металлических венков; в Энгельсе — специализированная фабрика по индивидуальному пошиву и ремонту одежды; в Вольске — мастерские по изготовлению детской одежды. К концу 1970-х гг. в области действовало уже 12 специализированных объединений бытовой сферы. В результате к концу VIII пятилетки объем работ по бытовому обслуживанию саратовцев возрос на 75%, а в сельской местности — в два раза. Количество услуг выросло до 460 единиц²⁷. Почти в два раза за годы этой пятилетки вырос объем бытовых услуг в Куйбышевской области, в 2,3 раза — в Татарской АССР, 65 бытовых мастерских и бань было построено в Калмыцкой АССР, на одного жителя республики приходилось 55% услуг²⁸. Расширился ассортимент предоставляемых услуг. У людей появилась возможность отремонтировать телевизоры, в том числе и цветные, на дому, воспользоваться помощью специалистов при уходе за садом, проведении репортажной фотосъемки.

В последующие годы позитивные тенденции в развитии службы быта в регионе продолжали набирать обороты. В первой половине 1970-х гг. объем бытовых услуг, предоставляемых населению Саратовской области, возрос еще в 1,5 раза, в том числе в сельской местности — в 1,8 раза²⁹. К 1980 г. объем услуг этой области также увеличился (на 35%), а в сельской местности — на 46%³⁰. Населению Татарской АССР к 1980 г. стало оказываться бытовых ус-

²⁶ См.: КПСС в резолюциях ... М., 1986. Т. 11. С. 252–253, 256.

²⁷ См.: Гуменик А. А. Развитие сферы обслуживания в СССР в 1953–1985 гг. (по материалам Саратовской области). С. 78.

²⁸ См.: История Куйбышевской области (1917–1980). Саратов, 1981. С. 190; История Татарской АССР. Казань, 1980. С. 216; Очерки истории Калмыцкой АССР. Эпоха социализма. М., 1970. С. 388, 389.

²⁹ ГАИНСО, ф. 594, оп. 18, л. 138, л. 41.

³⁰ В 1981 г. по сравнению с 1976 г. возросли объемы реализации услуг на селе: по ремонту обуви и другим услугам прокатных пунктов — в три раза, по ремонту швейных иде-

луг больше в 1,6 раза. На 45% возрос объем бытовых услуг в Ульяновской области, к 1975 г. жителям этой области их оказывалось более 500 видов³¹. Улучшалось бытовое обслуживание сельского населения и в Пензенской области. В ряде ее районов к 1975 г. была существенно расширена сеть приемочных пунктов комплексного бытового обслуживания, парикмахерских, швейных мастерских, созданы бригады по ремонту и строительству жилых домов, подворных построек. Размер бытовых услуг к этому времени вырос с 9,6 до 32,3 млн рублей. Особенно быстро развивались те сферы услуг, где широко применялись индустриальные методы. Например, объем выполненных работ, связанных с химчисткой, крашением одежды, тканей увеличился с 124 до 2346 тыс. рубл., а ремонт, индивидуальный пошив и вязка трикотажных изделий — с 10 тыс. почти до 1,9 млн рублей. К 1980 г. жители области получили еще 600 новых видов бытовых услуг. Число предприятий службы быта выросло на 15 единиц³².

Позитивные перемены в бытовом обслуживании сельского населения произошли в Куйбышевской области. К концу 1970-х гг. в этой области существовало 18 специализированных объединений службы быта, причем они располагались не только в областном центре, но и в Тольятти и Новокуйбышевске. Это в некоторой степени приближало их к сельским районам, способствуя некоторому улучшению бытового обслуживания сельского населения. Объемы оказываемых селам области бытовых услуг росли и вследствие увеличения стационарных предприятий службы быта в деревнях. Если в 1971 г. дома быта и комплексные приемочные пункты существовали в 42% колхозов и совхозов области, то в 1976 г. — уже в 83% хозяйств. Это было серьезным достижением в социальном развитии села. Однако линия на укрепление производственной базы службы быта обернулась закрытием значительного числа мелких мастерских, особенно швейных. Например, в Куйбышевской области эта тенденция резко проявилась уже в 1971–1975 гг., затронув интересы тысяч сельских жителей³³.

В начале 1980-х гг. служба быта в рассматриваемых районах Поволжья продолжала поступательное движение вперед. В Саратовской области уже к 1983 г. объем бытовых услуг, оказываемых населению, увеличился в городах на 7%, а в селах — на 10%. Наибольших результатов областные службы быта достигли по ремонту мебели, швейных и трикотажных изделий в Ртицево, Саратове,

---

ний, индивидуальному пошиву и вязке трикотажных изделий, химической чистке — в два раза. Общий объем услуг на селе вырос в период с 1970 по 1980 г. в 2,3 раза. (См.: ГАНИСО, ф. 594, оп. 27, л. 212, л. 88, 89; Метелев А. С. Указ. соч. С. 158).

³¹ См.: История Татарской АССР. С. 224; Очерки истории Ульяновской организации КПСС. Саратов, 1977. С. 440.

³² См.: Очерки истории Пензенской организации КПСС. С. 407, 459, 460.

³³ См.: Метелев А. С. Указ. соч. С. 71, 123, 130.

Балашовском, Ершовском, Калининском районах. За счет пуска в ход дома быта, цеха сложнобытовой техники в Балаково, цеха по ремонту и пошиву обуви объединения «Маяк» в Балашове и 113 предприятий службы быта в Саратове расширилось количество предоставляемых услуг (до 805 единиц). Многие из них граждане могли получить не в специализированных приемочных пунктах, а в комплексных (99 городских и 629 сельских), работавших в удобное для посетителей время, в том числе и по выходным. Появились и новые виды услуг: пошив одежды из меха и кожи, изготовление овчинных изделий, вечерней обуви и т.д.³⁴ На 5% вырос объем бытовых услуг, оказанных жителям саратовских сел после начала в июле 1984 г. экономического эксперимента «по расширению хозяйственной самостоятельности и усилению заинтересованности производственных объединений бытового обслуживания в более полном удовлетворении потребностей населения в услугах». Такой же эксперимент был объявлен и в Астраханской области. По словам начальника Саратовского областного управления бытового обслуживания, в условиях эксперимента работники сферы бытовых услуг стали больше учитывать интересы заказчиков, создавать им дополнительные удобства. Уже осенью 1984 г. в области ремонтировалось на дому 80% телевизоров и 72% холодильников³⁵.

Не меньших успехов добились власти в развитии общепита. В Саратовской области только за первый квартал 1968 г. в эксплуатацию было введено 17 предприятий общепита. За 1971–1975 гг. прирост сети этих предприятий составил 283 единицы с 28 тыс. мест. На 13085 посадочных мест выросла эта сеть к 1980 г. К 1984 г. только в Саратове было введено в строй 94 предприятия. В столовых внедрялось самообслуживание, применялись диетическое питание, комплексные обеды, которые выдавались посетителям с помощью механических линий раздачи. В Саратове в 1981 г. было внедрено 13 таких линий, а в 1982 г. уже 103. Проводилась работа по улучшению питания рабочих, служащих, студентов, учащихся. Для удобства горожан открывались магазины по продаже кулинарных изделий и полуфабрикатов³⁶. Их производство, не требующее много времени, усиливало автоматизацию общепита, что в целом совпадало с общемировыми тенденциями³⁷. Немало предприятий общественного питания и

³⁴ См.: ГАНИСО, ф. 594, оп. 32, д. 211, л. 25, 26, 28; Коммунист. 1983. 16 янв. 20 февр., 26 мая; 1985. 14 февр.; Семенов В. Начальные люди Саратова. Саратов, 1998. С. 334.

³⁵ См.: КПСС в резолюциях... М., 1987. Т. 14. С. 492; Советская Россия. 1984. 17 окт.

³⁶ См.: ГАНИСО, ф. 594, оп. 2, д. 4909, л. 35–36, д. 4915, л. 187–188, оп. 8, д. 154, л. 87, оп. 18, д. 138, л. 20, 21, 25; оп. 27, д. 212, лл. 42, 52; Коммунист. 1985. 10, 14 февр.

³⁷ См.: Лебина Н. Б., Чистиков А. Н. Указ. соч. С. 237.

столовых было построено и в других областях Поволжья. Так, в Ульяновской области в 1966–1970 гг. было введено в эксплуатацию 110, а к 1977 г. еще 55 таких предприятий³⁸. В Куйбышевской области во второй половине 1970-х гг. появилось 263 таких же предприятий более чем на 35 тыс. посадочных мест³⁹.

Расширялся ассортимент приготавливаемой пищи. Так, за 1966–1970 гг. в одной только Саратовской области выпуск продукции предприятий общепита увеличился на 64%⁴⁰. В студенческих столовых в эти годы можно было не просто перекусить, а комплексно пообедать. Открывшаяся в апреле 1979 г. в Саратове самая большая студенческая столовая (располагалась в двухэтажном здании и была рассчитана на 530 мест) предлагала своим посетителям сосиски с рисом, солянку овощную, чай, суп картофельный с фрикадельками, поджарку из свинины, бифштекс с яйцом и картофелем⁴¹. В начале 1980-х гг. ежедневно услугами предприятий общепита пользовалось 50% населения Саратовской области⁴². Такая возможность к этому времени появилась и у сельских жителей. Так, например, в одном из сел Кузнецкого района Пензенской области к 1980 г. было построено три типовых столовых. А в саратовских селах только в 1984 г. сеть предприятий общественного питания увеличилась на 4,5 тыс. мест⁴³.

Несмотря на масштабы проведенных мероприятий и их значительную результативность, проблемы в обслуживании населения региона предприятиями общепита и бытовом обеспечении до конца так и не были решены. Одной из причин возникавших трудностей являлось неприоритетное финансирование этих сфер. Например, на развитие службы быта в селах Саратовской области в начале 1970-х гг. Министерством бытового обслуживания РСФСР было выделено на 3 млн руб. меньше, чем прежде. В результате ввод в эксплуатацию десяти объектов этой сферы в области был перенесен на более поздние сроки, что значительно сужало сеть приемочных пунктов, прокатных станций, бань и т.д. Даже в относительно благополучной VIII пятилетке треть сельских населенных пунктов Саратовской области не охватывались сферой бытового обслуживания, а к 1980 г. количество предприятий этой отрасли на селе уменьшилось на 35%. Например, на 21 село Балтайского района приходилось всего два комплексных при-

³⁸ См.: Очерки истории Ульяновской организации КПСС. Ч. 2. Саратов, 1972. С. 472.

³⁹ См.: Самарское Поволжье в XX веке: Сб. документов и материалов. Самара, 2000. С. 438; История Куйбышевской области (1917–1980). С. 217.

⁴⁰ ГАНИСО, ф. 594, оп. 27, д. 212, л. 47.

⁴¹ См.: Коммунист. 1979. 14 апр.; Саратовчане называли это кафе по-разному — «Избушкой», «Деревяшкой», «Лесопильней» из-за специфического деревянного интерьера. (См.: Парадный подъезд. 2008. 19 сент.).

⁴² См.: ГАНИСО, ф. 594, оп. 32, д. 211, л. 4.

⁴³ См.: История Пензенской организации КПСС. С. 460; Коммунист. 1985. 10 февр.

емных пункта бытового обслуживания⁴⁴. По этому показателю Саратовская область отставала и от своих соседей — Куйбышевской и Волгоградской областей, где в 1976 г. услуг населению оказывалось в четыре раза больше, чем на Саратовщине⁴⁵.

На существующих предприятиях новые технологические процессы, средства малой механизации внедрялись медленно, в основном превалировал ручной труд. Так, к 1976 г. в Саратовской области доля устаревшего оборудования в целом по отрасли составляла более 30%. Поэтому, в частности, пошив и ремонт одежды и обуви население саратовских сел и деревень вынуждено было осуществлять у частных лиц⁴⁶. Этими видами услуг даже в начале 1980-х гг. сельские жители обслуживались хуже, чем горожане (в пять раз по ремонту обуви и в три раза по ремонту одежды). Села и деревни Саратовщины отставали от городов и по таким услугам, как химическая чистка и крашение (в 3 раза), услуги фотографии (в 4 раза), услуги прачечной (в 62 раза). Снижение уровня обслуживания сельчан было зафиксировано в 14 районах области, вынуждая до 50% саратовских колхозников часто ездить в районные и областной центры. Прибегать их к этому вынуждала и значительная текучесть кадров сферы быта на селе, приводившая к длительному простоя (до нескольких месяцев) пунктов приема⁴⁷. Те же тенденции были характерны и для других областей Поволжья. Так, в Астраханской области по набору и объему бытовых услуг город в те годы двукратно превосходил село. Немало недостатков в организации бытового обслуживания, особенно на селе, имелось в Пензенской области. В частности, к 1980 г. количество приемочных пунктов в городах области выросло на 435 штук, а в сельской местности только на 242⁴⁸. Подавляющее большинство сел Куйбышевской области в 1979 г. также не имели предприятий службы быта, а 30% существовавших комплексных приемочных пунктов размещались в ветхих помещениях или на дому у приемщика⁴⁹.

В городах уровень обслуживания был выше, но не намного. Постепенно и здесь отмечается снижение объема бытовых услуг. 55% комплексных приемочных пунктов Саратовской области (включая и сельскую местность) по выходным не работало, а 60% этих предприятий работало лишь в одну смену. К концу

⁴⁴ См.: Коммунист. 1985 3 янв.; Метелев А. С. Указ. соч. С. 57, 60, 71.

⁴⁵ Там же. 1976 23 окт.

⁴⁶ См.: ГАНИСО, ф. 594, оп. 2, д. 4771, л. 57–58, 60, д. 3594 а, л. 78, д. 4231, л. 231, 248, д. 4864, л. 29, оп. 18, д. 138, л. 47; Коммунист. 1982. 15 янв., 18 окт. 1983. 23 июля; 1984. 18 сент.; Метелев А. С. Указ. соч. С. 77, 79.

⁴⁷ См.: ГАНИСО, ф. 594, оп. 32, д. 211, л. 27, 28, оп. 27, д. 212, л. 93; Метелев А. С. Указ. соч. С. 160; Беликов М. С. Указ. соч. С. 221.

⁴⁸ См.: История Астраханского края. Астрахань, 2000. С. 839; Очерки Пензенской организации КПСС. С. 459, 460.

⁴⁹ См.: Метелев А. С. Указ. соч. С. 75.

1970-х гг. в Саратовской и Куйбышевской областях так и не удалось достичь среднереспубликанского уровня реализации бытовых услуг на душу населения. Астраханская область по уровню бытового обслуживания в 1985 г. отставала от среднереспубликанских показателей по шестнадцати основным видам услуг⁵⁰.

Страдало и качество услуг. В 1965–1966 гг. на некоторых саратовских предприятиях возврат изделий на исправление составлял от 3 до 8%. К концу рассматриваемого периода ежегодно возвращалось уже 1,5–2 тыс. изделий на переделку, до 15% заказов выполнялись с нарушениями договорных сроков. Лишь в двух в производственных объединениях Саратова по ремонту бытовой и телерадиоаппаратуры («Агрегат» и «Экран») до 40% заказов выполнялось с нарушением установленных сроков. Но чаще всего эти недостатки касались сельских районов⁵¹. Так, в Петровском районе Куйбышевской области только в 1979 г. заказчики отказались от готовых изделий на 632 рубля. В этой области также часто нарушались сроки исполнения заказов, особенно по ремонту бытовой техники. Поэтому в 1980 г. 58% жителей куйбышевских сел из-за низкого качества изготовления и ремонта обуви и одежды в государственной системе быта обращались к частным лицам, 52% куйбышевских колхозников обращались к услугам частного по причине продолжительности сроков исполнения заказов службой быта⁵².

Снижение качества бытовых услуг было следствием распространения хищений должностными лицами, приобретших весьма значительные масштабы в условиях возникшего в стране дефицита. Так, в 1981 г. в Саратове было задержано и привлечено к уголовной ответственности 89 работников предприятий бытовых услуг и торговли, совершивших хищения государственной собственности в крупных и особо крупных размерах. Ими под видом освоения новых видов услуг создавались подпольные цеха по выпуску товаров ширпотреба, которые сбывались на рынках и площадях с автомашин в Саратове, Балаково, Калининске, а также в Марксовском, Самойловском, Саратовском районах⁵³. Однако лишь четвертая часть «теневых» бытовых услуг специалистами относилась к уголовно наказуемым, остальные компенсировали неразвитость бытового обслуживания населения. Особым спросом пользовались услуги домашних портных и препода-

⁵⁰ См.: Коммунист. 1983. 20 февр.; Метелев А. С. Указ. соч. С. 159; История Астраханского края. С. 839.

⁵¹ См.: ГАНИСО, ф. 594, оп. 32, д. 211, л. 47 а; ГАСО, ф. 1738, оп. 7, д. 602, л. 18–19; Коммунист. 1981. 7 февр.; 1982. 15 янв.; 1983. 21 мая, 6 сент., 25 окт., 15 ноября; 1984. 27 марта, 27 дек.; Метелев А. С. Указ. соч. С. 152.

⁵² Метелев А. С. Указ. соч. С. 157.

⁵³ См.: Гуменюк А. А. Развитие сферы обслуживания в СССР в 1953–1985 гг. (по материалам Саратовской области). С. 81.

вателей. Сфера обслуживания наряду с торговлей была наиболее поражена коррупцией⁵⁴.

Увеличение общего количества предприятий общественного питания, которое из года в год исправно фиксировала советская статистика, происходило за счет открытия мелких предприятий с малым количеством посадочных мест или без них. В частности, о необходимости открыть столовую в селе Елань говорили жители Ртищевского района Саратовской области в апреле 1968 г. на одном из сельских сходов. Однако новые предприятия строились медленно. К 1976 г. нехватка столовых, буфетов ощущалась на промышленных предприятиях, в школах, вузах, профтехучилищах Энгельса, Вольска, Балашова, дефицит посадочных мест был налицо в Саратове (всего 45%), Энгельсе (37,6%)⁵⁵.

Низкий уровень общественного питания рабочих, служащих и студентов области был налицо и в начале 1980-х гг. Некоторые промышленные предприятия и средние специальные учебные заведения вообще не имели столовых и буфетов. Такое положение вещей объяснялось тем, что основным источником роста сети общепита являлось пятипроцентное отчисление от жилищного строительства. Однако этих средств явно было недостаточно. Например, в Саратовской области в 1976–1979 гг. на нужды общепита было выделено только 1,7 млн рублей вместо требуемых по плану 5,8 млн рублей⁵⁶.

Другая причина дефицита учреждений общепита в регионе заключалась в отношении руководителей некоторых промышленных и сельскохозяйственных предприятий к их строительству. Они считали предприятия общепита второстепенным объектам, поэтому многие из существовавших в те годы предприятий размещались в старых помещениях, требующих реконструкции и ремонта. В Саратовской области такая картина наблюдалась не только в сельской местности (Ершовский, Базарно-Карабулакский и другие районы), но и в ряде столовых областного центра. По своим размерам они не могли обеспечить нормальной работы и не отвечали санитарно-техническим требованиям. Медленно внедрялись прогрессивные формы обслуживания (отпуск скомплектованных обедов, работа предприятий с полуфабрикатами). К 1980 г. саратовские предприятия общепита стали меньше получать мясных и рыбных полуфабрикатов (на 1,3 и 3% соответственно), поступление же очищенного картофеля вовсе прекратилось. В таких условиях было невозможно приготовить качественную пищу, на раздачу поступа-

⁵⁴ См.: Новейшая история Отечества: XX в.: В 2 т. М., 2002. Т. 2. С. 326; История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. XX век (1918–1998). М., 2000. С. 195.

⁵⁵ См.: ГАСО, ф. 1738, оп. 7, д. 481, л. 5–6, оп. 8, д. 850, л. 59; ГАНИСО, ф. 594, оп. 18, д. 138, л. 22.

⁵⁶ ГАНИСО, ф. 594, оп. 24, д. 205, л. 42.

ли испорченные продукты (молоко, компот, сметана, чай, кофе)⁵⁷. И это красноречиво доказывают письма, в частности, саратовцев, адресованные в газету «Коммунист». Работница тарного комбината в ноябре 1966 г. писала: «Хотелось бы обратить внимание на плохую работу нашей столовой ... Хотя она и является филиалом столовой полиграфкомбината, порядки здесь разные. Готовят у нас очень плохо, меню однообразное, порции маленькие»⁵⁸. Даже в столовых на проспекте Кирова имелись факты некачественного приготовления блюд⁵⁹. В сельской местности подобных явлений было гораздо больше. Мало кто из посетителей мог сказать доброе слово о татищевской столовой райпотребсоюза. Пища в ней готовилась невкусная, часто случалось, что в меню указывалось одно, а на самом деле посетители получали совсем другое — «указано, что борщ с говядиной, а готовят его со свиным салом»⁶⁰. Школьники из Романовского района в декабре 1976 г. сообщали: «Иногда работники столовой отказываются кормить нас ужином, пища бывает недоброкачественная. На наши претензии повара отвечают грубостью»⁶¹. Невкусные блюда готовили и в столовой села Красный Яр Энгельсского района⁶². Ограниченный ассортимент блюд был в столовой при Макроусской компрессорной станции газопровода Средняя Азия — районы Центра. Особенно недоброкачественно в ней готовились бифштексы — в них слишком много добавлялось хлеба и картофеля. Нередко пища приготавливалась из несвежих продуктов потому, что холодильное оборудование часто ломалось⁶³. И таких примеров было множество.

Из-за многочисленных фактов хищений, припрятывания дефицитных товаров ассортимент приготовляемых на многих предприятиях общепита блюд был довольно скудным, что являлось постоянным источником недовольства населения. Так, в первом квартале 1979 г. в той же области 35 из 138 хозрасчетных объединений недопоставили продукции на 600 тыс. рублей. Фабрика-кухня Саратовского авиационного завода по выпуску продукции находилась на уровне 1972 г. Население все чаще жаловалось на недостатки в работе столовых и плохое обслуживание в кафе⁶⁴. В ресторанах, по меткому выражению М. Геллера, даже кухарка не давала обед без взятки⁶⁵. Постепенно эти и другие пункты общепита

⁵⁷ См.: ГАНИСО, ф. 594, оп. 27, д. 212, л. 52; ГАСО, ф. 1738, оп. 7, д. 602, л. 30; Коммунист. 1983. 21 дек.

⁵⁸ Коммунист. 1966. 13 нояб.

⁵⁹ Там же. 1969. 6 июня.

⁶⁰ Там же. 1968. 17 янв.

⁶¹ Там же. 1976. 18 дек.

⁶² Там же. 1969. 3 сент.

⁶³ Там же. 1968. 25 сент.

⁶⁴ Там же. 1978. 12 июля, 5 сент.; 1979. 12 апр.

⁶⁵ См.: Геллер М. Российские заметки. 1980–1990. М., 2001. С. 187.

превращались в полукриминальные места, где пускали свои корни наркомания и проституция. В них обсуждались политические вопросы далеко не в том контексте, в котором хотелось властям. Дельцы «черного рынка» проводили там свои деловые переговоры.

Реформы середины 1950-х — середины 1960-х гг. в СССР затронули не только экономику, но и социальную сферу, в частности, предприятия бытового обслуживания и общественного питания. Эти отрасли выросли количественно и качественно, приблизились к непосредственному потребителю, оказываемые услуги стали более качественными. Тем самым семейный быт волжан перестраивался, высвобождая женщину от тягот домашнего хозяйства. Однако постепенное сокращение объемов финансирования социальной сферы в целом и сферы обслуживания, в частности, стало одной из важнейших причин нарастания кризисных явлений к 1985 г. в жизни советского общества. С ними сталкивались в первую очередь обыватели. Ощущая на себе эти проблемы на фоне сообщений СМИ о выполнении советской системой в целом пятилетних планов, люди испытывали психологический стресс, напряжение, которые постепенно приводили их к мысли о необходимости коренного реформирования советского общества. В конечном итоге этого не могло не учитывать руководство СССР. Следовательно, существенные недостатки в развитии сферы обслуживания в совокупности с другими проблемами доказывали необходимость кардинального реформирования советского общества, что и стало осуществляться командой М. С. Горбачева.

М. Н. Матвеев

**ИНСТИТУТ
НАКАЗОВ ИЗБИРАТЕЛЕЙ
В СИСТЕМЕ СОВЕТОВ
НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ
ПОВОЛЖЬЯ
В ПЕРИОД ДЕЙСТВИЯ
КОНСТИТУЦИИ 1977 ГОДА**

Участие населения в жизни Советского государства находило свое проявление и в разветвленной и достаточно бюрократической системе учета замечаний, предложений и инициатив в адрес власти. Наглядно связь населения с органами власти проявлялась через институт «наказов избирателей», трактуемый в качестве проявления советского народовластия. Особенностью института наказов была четкая привязка поручений и «волеизъявления граждан» к очередным выборам Советов. Конституция 1977 г. увеличила сроки полномочий Советов с четырех до пяти лет для Верховного Совета и с двух лет до двух с половиной — для местных Советов. Поскольку указы избирателей соотносились с народно-хозяйственными планами и бюджетами местных Советов, совпадение избирательных циклов и отчетных периодов с пятилетками кажется не случайным.

Советская историография относит появление первых наказов к периоду первых Советов и ленинскому «Наказу выбираемым по заводам и полкам депутатам в Совет рабочих и солдатских депутатов», характеризуя институт наказов как проявление «формы укрепления связей Советов с избирателями, подлинно народной сущности Советского социалистического государства, последовательного и глубокого демократизма народовластия»¹. К концу 70-х гг. XX в. сложилась объемная нормативная база, регламентирующая работу Советов народных депутатов с инициативами населения.

В сентябре 1980 г. появился Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об организации работы с наказами избирателей», направленный на укрепление связи депутатов с населением. Указ прописывал порядок оформления наказов при высказывании их на предвыборных собраниях (при обязательном одобрении наказа составом самого собрания), порядок их рассмотрения на сессии Совета, регламентировал вопросы контроля над выполнением наказов избирателей и т.д.

---

¹ Старовойтов Н. Г. Наказы избирателей народным депутатам — институт социалистической демократии // Советские истории и современность: Материалы Всесоюз. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию первых Советов. Иваново, май 1985 г. М., 1987. С. 224–225.

В соответствии с разработанными правилами в местных Советах была внедрена особая форма отчетности по работе с наказами избирателей, подразумевающая информацию о наличии решений соответствующих Советов о рассмотрении и принятии к исполнению наказов, полученных от избирателей и переданных из вышестоящих Советов. направлении решений Советов о наказах государственным органам, предприятиям и учреждениям, обеспечивающим их реализацию, постоянным комиссиям и депутатам, а также информацию по прохождению наказа от его принятия до снятия с контроля². В соответствии с Положением «Об организации работы с наказами избирателей» велся учет наказов, принятых к исполнению местными Советами, выполненных и находящихся в стадии выполнения, не выполненных в установленные сроки, а также наказов, к выполнению которых еще не приступали. Данные по числу наказов учитывались в целом по району и по каждому звену Советов отдельно. Помимо статистических данных, отчетность велась по координации деятельности по выполнению наказов расположенных на территории Советов предприятий, использованию местных ресурсов и возможностей, учету наказов избирателей в разработке планов экономического и социального развития, а также бюджетов³. Наказы, принятые к исполнению, публиковались в печати с указанием фамилии депутата, внесшего их на сессию, срока исполнения и исполнителя⁴.

Для реализации наказов избирателей наиболее важной нормой являлась девятая статья Закона РСФСР «О городском, районном в городе Совете народных депутатов», устанавливающая обязательность выполнения решений Советов для всех предприятий и организаций, находящихся на территории Совета. Однако на практике существующая ведомственная централизация была существенным ограничителем реальной власти Советов. Некоторые руководители крупных предприятий, находящихся на территории района, игнорировали решения исполкомов местных Советов, считая себя деятелями «более крупного масштаба»⁵. К началу 1980-х гг. управление страной осуществляли почти 100 союзных и 800 республиканских министерств и ведомств. Министерства и ведомства обладали неограниченной собственностью и финансовыми возможностями, зачастую действуя в обход Советов. Министерства проявляли заботу о развитии производства, стараясь предельно ограничить выделение ассигнований на решение социальных проблем. Естественно, что в противоборстве министерств и ведомств с Советами перевес происходил в пользу того, кто имел деньги и возможности⁶.

² ГАПО, ф. Р-2038, оп. 1, д. 8146, л. 131–131 об.

³ Там же. Л. 132–133.

⁴ Там же. Д. 7850, л. 1.

⁵ ГАУО, ф. Р-1565, оп. 14, д. 526, л. 98.

⁶ РГАСПИ, ф. 17, оп. 155, д. 1380, л. 34.

Другим ограничителем полномочия Советов являлась шестая статья Конституции, определяющая КПСС в качестве «руководящей и направляющей силы советского общества», «ядра политической системы» и сводящая власть Советов к формальным, исполнительским функциям⁷. В результате, по сути, параллельно существовали три системы управления — советская, партийная и ведомственная. Последняя концентрировала у себя финансы, а партийная вертикаль располагала всей реальной властью. В этих условиях Советы и их исполкомы оказывались под двойным прессом: министерств и ведомств и партийных органов. С учетом вышесказанного становится понятным, что реальная практика работы Советов с наказами избирателей зачастую сводилась к переадресации их ведомствам и контролю над их реализацией по партийной линии⁸. Многие местные Советы, используя законодательные нормы, обеспечивали выполнение многих наказов за счет ресурсов предприятий. В 1980—1985 гг. в Горьковской области местные Советы путем привлечения материальных ресурсов и средств не подчиненных им предприятий и организаций реализовали более четверти всех принятых к исполнению наказов избирателей. В Куйбышеве крупные промышленные предприятия в тот же период в соответствии с наказами избирателей передали 17,5 млн руб. долевых средств на строительство объектов городского коммунального хозяйства⁹.

Не всегда Советам, особенно не находящимся в крупных промышленных центрах, удавалось привлечь необходимые средства. Тем не менее, в период так называемого «развитого социализма» 1980-х гг. статистика реализации наказов избирателей местными Советами вне зависимости от их территориального нахождения повсеместно выглядела достаточно оптимистично: Саратовский облсовет, 1980 г. — 89,7%¹⁰, Саратовский горсовет, 1984 г. — 91%¹¹; Пензенский облсовет, 1982 г. — 94,2%¹²; Ульяновский облсовет, 1985 г. — 93%¹³.

У советской бюрократии были свои секреты достижения высоких показателей в отчетах. Наиболее характерный прием заключался в том, что в качестве «наказов избирателей» регистрировались уже включенные в план социально-экономического развития района объекты. Определенные планом «наказы» вкладывались затем для подъема КПД их выполнения в уста выступающих на предвыборных собраниях избирателей. Анализ содержания наказов избирателей в документах первой половины 1980-х гг. показывает, что наряду с благоустройст-

⁷ См.: Hahn Jeffrey W. Soviet grassroots: Citizen Participation in local soviet gov Princeton. Princeton univ.press, 1988. P. 81.

⁸ ГАНИСО, ф. 3837, оп. 1, д. 42, лл. 49, 51.

⁹ См.: Старовойтов Н. Г. Указ соч. С. 232.

¹⁰ Коммунист. 1980. 9 янв.

¹¹ ГАНИСО, ф. 3837, оп. 1, д. 42, л. 15.

¹² ГАПО, ф. Р-2038, оп. 1, д. 7229, л. 29.

¹³ ГАУО, ф. Р-3038, оп. 5, д. 2459, л. 64.

вом улиц¹⁴, строительством детских и спортивных площадок, ремонтом уличного освещения¹⁵, установкой телефонов-автоматов¹⁶, многие указы касались строительства крупных объектов социальной сферы: дворцов культуры, школ и детских садов¹⁷, кинотеатров¹⁸, бытовых комбинатов¹⁹, аптек, поликлиник, санаториев и даже гостиниц²⁰. Очевидно, что строительство подобных объектов не могло основываться на одной инициативе граждан и заблаговременно прорабатывалось в исполкомах в планах социально-экономического развития районов на пятилетку.

Иногда в порыве подогнать «народную инициативу» под существующие планы министерств и ведомств получались довольно курьезные указы избирателей. Так, например, в 1981 г. в Пензенском областном совете народных депутатов был принят поступивший из Первомайского района наказ «начать строительство корпуса на 240 коек областной психиатрической больницы». Наказ избирателей был принят к исполнению, позволив поднять процент выполняемости наказов до 77%²¹.

Важным историческим источником, позволяющим выявить реальную ситуацию с наказами избирателей, являются протоколы встреч кандидатов в депутаты Советов народных депутатов с избирателями. Сравнительный анализ протоколов встреч с материалами сессий Советов позволяет сделать вывод о том, что значительная часть реальных наказов избирателей отфильтровывалась еще на начальном этапе и таким образом на статистике не сказывалась. Среди наказов избирателей, отложившихся в архивных документах, иногда встречались такие, как «выполнять заветы В. И. Ленина», или «быть ближе к народу»²², но чаще указы требовали конкретных материальных затрат, иногда значительно больших, чем имелось в бюджете. Так как советская бюрократическая машина контролировала только «принятые к исполнению» указы, учет отклоненных на предварительном этапе наказов не велся. Практика отчетности, сформировавшаяся в звеньях советской и партийной системы к концу 1970-х гг., в значительной степени была бюрократизирована и построена на фальсификациях и приукрашивании действительности.

Сложившаяся система полномочий приводила к тому, что решение многих волнующих население социально-экономических вопросов часто не зависело от

¹⁴ РГАСПИ, ф. 17, оп. 149, д. 662, л. 42.

¹⁵ ГАПО, ф. Р-453, оп. 1, д. 1506, лл. 78–81.

¹⁶ ГАСО, ф. Р-3129, оп. 4, д. 1154, л. 44.

¹⁷ ГАНИСО, ф. 3837, оп. 1, д. 42, л. 15.

¹⁸ ГАСО, ф. 2962, оп. 1, д. 635, л. 24.

¹⁹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 149, д. 662, л. 42.

²⁰ ГАСО, ф. Р-461, оп. 3, д. 1689, л. 94.

²¹ ГАПО, ф. Р-2038, оп. 1, д. 7229, лл. 107, 108.

²² ГАСО, ф. Р-3129, оп. 4, д. 1154, лл. 50, 59.

депутата, если только он «по совместительству» не оказывался руководителем крупного предприятия или ответственным работником исполкома или комитета партии. У рядового депутата оставалась только возможность ходатайствовать перед исполкомом и руководителями организаций с просьбами помочь решить тот или иной вопрос.

С началом так называемой «перестройки» Советы столкнулись с открытой критикой работы исполкомов и огромным потоком ни с кем не согласованных наказов²³. Выяснилось, что в некоторых районах до половины наказов избирателей являлись не реализованными²⁴. Несмотря на регулярное заслушивание в исполкомах Советов ответственных исполнителей о ходе реализации наказов избирателей, отдельные из них из года в год переносились или вообще не выполнялись. Не ставился депутатами вопрос о привлечении конкретных работников к ответственности за срыв выполнения решений по наказам, а постоянные комиссии Советов народных депутатов не осуществляли свои контрольные функции²⁵.

Анализ документов начала 1990-х гг. свидетельствует о практическом разрушении института наказов избирателей. Собственная экономическая база у Советов так и не сформировалась, а возможность традиционного переложения обязанностей по выполнению наказов на предприятия и ведомства в условиях нарастающего экономического кризиса резко уменьшилась. Наметившаяся приватизация и вовсе выводила предприятия из-под даже номинальной власти Советов. Право депутатского запроса при контроле за выполнением наказов избирателей и критических замечаний, высказанных на сессиях, превратилось в пустую формальность и все реже использовалось на практике²⁶. Решением проблемы могло бы стать наполнение бюджетов за счет налогов, но из-за несовершенства законодательства и экономических проблем у большинства бывших крупных предприятий этого не происходило. Находящиеся в кризисе предприятия в первую очередь начали сокращать социальную сферу. Повсеместно стали закрываться детские сады, сворачиваться программы строительства жилья. В этих условиях Советы уже не в состоянии были выполнять большую часть наказов избирателей, несмотря на то, что по инерции население продолжало обращаться к депутатам по их выполнению. «Советы по сути остались, без власти, а следовательно беспомощными, — констатировал ситуацию депутат одного из поселковых советов Саратовской области в 1990 г. — Основная тому причина — тощий бюджет, уйма прорех в социальной сфере. С другой стороны, избиратели в период предвыборных кампаний усвоили, что они изберут новые Советы. И избрали их, и идут в Советы со всеми вопросами, веря, что там помогут. Рады бы, да денег нет. Пока у Совета не будет финансов, он

²³ ГАНИСО, ф. 3837, оп. 1, д. 44, л. 16.

²⁴ ГАУО, ф. Р-3038, оп. 5, д. 2792, л. 161.

²⁵ Там же. Д. 2874, л. 68.

²⁶ ГАСО, ф. Р-2962, оп. 5, д. 43, л. 13.

будет каким-то опереточным органом, а не органом власти. Так оно и есть. Решения поселкового Совета порой игнорируются, а работники Совета с утра обивают пороги предприятий в роли просителей. У депутатов угасает интерес к общественной деятельности. Наказы избирателей выполняются со скрипом. С переходом на рыночную экономику с Советами мало кто будет считаться»²⁷.

Передаваемые в начале 1990-х гг. в исполкомы наказаы избирателей фиксировали значительное ухудшение уровня жизни населения, нарастающую тревогу и разочарование в результатах реформ. Большинство из них носили традиционный характер и мало отличались от содержания наказов избирателей в 1970–80-х гг. По-прежнему огромное количество наказов касалось жилья. Найти общий язык со строящими за свой счет жилье предприятиями было сложно, а собственное строительство Советами из-за недостатка средств не велось. В 1991 г. только в одном Ульяновске на очереди в горисполкоме состояло около 800 семей ветеранов войны, средняя продолжительность ожидания жилья которыми составляла восемь лет²⁸. В ряде регионов содержание наказов отражало свою специфику социально-экономических проблем населения. Так, например, в Пензенской области основная часть наказов, переданных в областной Совет в 1990 г., касалась газификации населенных пунктов²⁹. Для Ульяновской области очень остро стоял вопрос помощи предприятиям оборонной промышленности³⁰. В Самарской области, наряду с проблемами газификации, большинство наказов в сельской местности касались строительства дорог с асфальтовым покрытием³¹.

Впервые за годы советской власти среди наказов избирателей в начале 1990-х гг. фиксируются наказания о восстановлении церквей³². Значительно чаще звучит среди наказов экологическая тема³³. В ряде регионов появляются наказания, касающиеся национальных вопросов. Так, в Саратовской области в конце 1980-х — начале 1990-х гг. активно обсуждались проблемы восстановления немецкой автономии, вплоть до создания в ряде районов национальных сельских Советов³⁴. В Ульяновской области татарское население начало выдвигать облсовету требования возврата верующим мечетей, открытия национальных школ³⁵. Причем в некоторых случаях взаимоотношения населения и Советов принимали конфликтный характер, и наказания приобретали ультимативную форму резолюций, принятых на собраниях граждан.

²⁷ Афанасьев И. Какой быть структуре Советов. Кто же заказывает музыку? // Коммунист. 1990. 14 ноября.

²⁸ ГАУО, ф. Р-3038, оп. 5, д. 3207, л. 45.

²⁹ ГАРФ, ф. Р-10026, оп. 12, д. 615, л. 29–35.

³⁰ ГАУО, ф. Р-3038, оп. 5, д. 3135, л. 75, 76.

³¹ ГАСамО, ф. Р-2558, оп. 18, д. 160, л. 212–216.

³² ГАСО, ф. Р-3257, оп. 3, д. 42, л. 4.

³³ ГАУО, ф. Р-1565, оп. 14, д. 966, л. 1.

³⁴ ГАРФ, ф. 10026, оп. 5, д. 491, л. 1.

³⁵ ГАУО, ф. Р-3038, оп. 5, д. 3153, л. 42–45.

Учитывая остро стоящие в начале 1990-х гг. проблемы продовольственного обеспечения населения, значительная часть наказов и обращений касалась снабжения продуктами питания, организации торговых точек и магазинов, причем в отличие от наказов 1980-х гг., часто содержащих призывы закрытия на территории местных Советов торгующих алкогольными напитками магазинов³⁶, в начале 1990-х гг. население требовало от депутатов в своих наказах «увеличить количество точек по продаже вино-водочных изделий»³⁷. Среди наказов избирателей в 1992 г. встречались просьбы «сохранить талоны на продукты питания первой необходимости»³⁸.

Кризис власти начала 1990-х гг. существенным образом повлиял на взаимоотношения населения и местных Советов. «Падает интерес, вера людей в народного депутата, в то, что он что-то может изменить в сегодняшней ситуации, как-то улучшить материальное положение своих избирателей. А это, в свою очередь, отражается и на активности депутатов, — отмечалось в апреле 1993 г. на Всероссийском совещании народных депутатов местного самоуправления в Москве. — Постепенно теряется связь народного депутата со своими избирателями. Депутат боится своих избирателей. Ему страшно идти на избирательный участок, потому что сказать нечего. Наказы не выполняются: бюджеты настолько малы, что дай Бог своевременно выплачивать зарплату медикам, учителям, финансировать необходимые мероприятия». По свидетельству делегатов совещания, «чувствуя всю эту пустую работу», в некоторых областях весной 1993 г. Советы начали в массовом порядке самораспускаться³⁹.

С конца 1991 г. с Советами мало кто считался. Соответственно и население постепенно стало переключаться на администрации как центры реальной власти. Такая форма взаимодействия, как наказы избирателей в новой системе взаимоотношений власти и общества уже не работала. Население по-прежнему могло просить, но ничего уже не могло «поручать» власти.

³⁶ ГАСО, ф. Р-3514, оп. 1, д. 922, л. 30.

³⁷ ГАУО, ф. Р-1565, оп. 14, д. 966, л. 1, 7.

³⁸ Там же. Ф. Р-3038, оп. 5, д. 3150, л. 31.

³⁹ Всероссийское совещание народных депутатов местного самоуправления (стенографический отчет). М., 1993. С. 19–21.

Л. Олифант¹

РУССКИЕ БЕРЕГА ЧЕРНОГО МОРЯ ОСЕНЬЮ 1852 ГОДА

Во время своей командировки в Шотландию в 1995 г. автор этих строк обнаружил в отделе редких книг Абердинского университета книгу некоего Лоуренса Олифанта, из которой следовало, что ее автор с компаньоном Освальдом Смитом проплыл на пароходе вдоль побережья Саратовского Поволжья от Хвалынского до Царицына, делая многочисленные высадки на берег.

В результате разысканий удалось установить, что об авторе этого сочинения существует обширная литература на английском языке², на русском же — о нем упоминают только энциклопедии Брокгауза и Ефрона (т. 21 А) и Граната (т. 30). Однако в саратовском краеведении факт его пребывания в наших краях и в нашем городе не отражен, а широкому читателю он вообще вряд ли известен. Между тем это была весьма яркая, незаурядная и авантюрная личность: путешественник, дипломат, агент, специальный корреспондент газет, писатель, светский лев и религиозный мистик — все это объединилось в одном человеке.

Лоуренс Олифант родился в 1829 г. в Южной Африке, в г. Кейптаун. Перед самой Крымской войной 1853—1856 гг. он служил на полуострове корреспондентом лондонской газеты «Таймс», а затем участвовал в самой войне, находясь при штабе Омар-паши. В 1855 г. он посетил Северную Америку и участвовал в военной экспедиции против Никарагуа, в 1857—1861 гг. — Китай, где участвовал в англо-франко-китайской войне 1856—1860 гг. (т. н. вторая «опиумная» война), Японию, где, будучи первым секретарем главы британской миссии в Эдо, был ранен во время одного из нападения самураев-националистов на иностранные организации, Индию и Непал, описанный им в сочинении «Путешествие в Катманду». Затем он вернулся в Европу, где принял участие в польском восстании 1863—1864 гг. и в войне 1864 г. Пруссии и Австрии против Дании из-за Шлезвиг-Гольштейна. В 1865 г. Олифанта избрали членом англий-

---

¹ *Oliphant L.* The Russian shores of the Black Sea in the autumn of 1852. Edinburg, 1853.

² См., например: *Henderson Ph.* The Life of Laurence Oliphant: Traveller, Diplomat and Mystic. L., 1956.

ского парламента, но двумя годами позже он уже перебрался вместе со своей матерью в американский штат Нью-Йорк, где основал первобытно-христианскую общину в Броктоне. В 1881 г. Олифант оставил житье среди утопистов и переехал в Палестину, где построил свой дом недалеко от Хайфы и стал добиваться у турецких властей официального разрешения на заселение евреев в Палестине. Здесь он провел остаток своей жизни до смерти в 1888 г.

Первое литературное произведение Олифанта роман «Пиккадилли» (1870) был сатирой на светскую жизнь Лондона; второй роман — «Altioga peto» — вышел в 1883 г. Кроме того, им написана работа по спиритуализму (1885), а также автобиография «Эпизоды из приключенческой жизни» (1887) и трактат «Научная религия» (1888). К своим запискам он иногда прикладывал собственные иллюстрации, которые также являются ценными свидетельствами увиденного. Однако Лоуренс Олифант более прославился своей яркой жизнью, чем литературными трудами.

Его записки о путешествии по Российской империи были дважды изданы в 1853 г. в столице Шотландии Эдинбурге и долгое время после этого не переиздавались, а на русском языке они не выходили никогда.

Вступительная статья и комментарии *В. П. Тотфалушина*

Перевод с английского *К. В. Тотфалушиной*

Глава VI. <...> — Саратовские холмы

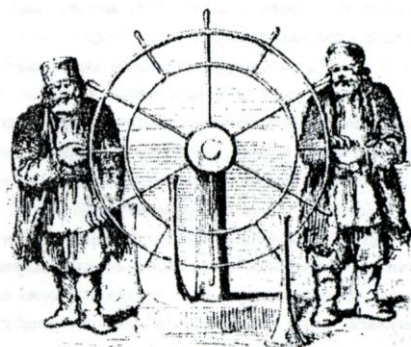
<...> Примерно на половине пути между Сызранью³ (Syzran) и Хвалынском⁴ (Kvaliensk) мы попали в Саратовскую (Saratov) губернию, и здесь холмы осели до своей прежней высоты, редко превышая три сотни футов⁵; но они снова сменили очертания, и теперь отступили на некоторое расстояние от реки. Судя по многочисленным стадам коров, пасущихся здесь, они, вероятно, были хорошими пастбищами. Левый берег время от времени был усыпан дынями на сотни ярдов⁶, ждущих отправки тем, кто будет достаточно опрометчив, чтобы съесть их.

³ Сызрань — уездный город Симбирской губернии (с 1781 г.), основан в 1683 г. как крепость у слияния рек Волги и Сызранки, ныне районный центр Самарской области.

⁴ Хвалынский — уездный город Саратовской губернии (с 1781 г.), ныне районный центр Саратовской области.

⁵ Единица длины в системе английских мер, 1 фут равен 12 дюймам или 0,3048 м.

⁶ Единица длины в английской системе мер, 1 ярд равен 3 футам или 91,44 см.

Pilots

Глава VII

Своеобразное неправильное использование пара — Вольск (Volsk)⁷ — Овцы из Каспийских (Caspian) степей — Знатный купец — Крепостные: их ценность — Саратов: его торговая значимость — Освобождение крепостных — Царь и хан Люка (Лука)⁸ — Волжская лихорадка и малярия — Немецкие колонии — Разбойник Стенька Разин (Stinkogosin)⁹ — Прощание с «Самсоном» (Samson)¹⁰ — Волга (Volga): ее достопримечательности и привлекательности для туристов.

Трудно представить себе, что столь величественная река, как Волга, будет так осквернена, или такая благородная сила, как пар, употреблена так неправильно, как это было сделано удивительным устройством, с которым мы встретились за день до прибытия в Саратов, и которое могло быть придумано только одним из этих полуцивилизованных русских. Пока применение пара было неизвестно или его использование считалось здесь невыгодным из-за трудностей в навигации, неуклюжие коноводные машины¹¹ могли быть терпимы как оригинальный, и, возможно, как остроумный способ достижения желаемой цели; но после того как пароходы стали регулярно ходить между Астраханью (Astrakhan) и Рыбинском (Rhybinski), любой поймет, что созда-

⁷ Вольск — уездный город Саратовской губернии (с 1781 г.), ныне районный центр Саратовской области.

⁸ Люка (1642—1724), хан волжских калмыков (с 1672), присягнул на подданство России. Его войска участвовали в подавлении Астраханского и Булавинского восстаний, а также в Северной войне 1700—1721 гг.

⁹ Разин С. Т. (ок. 1630—1671), донской казак, предводитель восстания 1670—1671 гг.

¹⁰ Пароход «Самсон» мощностью 460 л. с. был изготовлен в Голландии по заказу общества «По Волге» и вступил в эксплуатацию в 1848 г. в паре с «Геркулесом».

¹¹ Конводное судно (коноводка) передвигалось вверх по течению при помощи заводного вперед якоря с канатом, который наматывался на вертикально установленный шпиль с помощью лошадей, ходивших по кругу на палубе.

ние аппаратов, в которых пар заменил лошадей¹², лишено здравого смысла, и мы были поражены появлением этой конструкции.

Сначала мы увидели приближающийся к нам маленький пароходик, тянувший на буксире лодку, в которой был большой якорь и много людей. На расстоянии чуть более полумили¹³ появилась вторая дымовая труба, установленная в центре неуклюжей квадратной с виду баржи, на каждой стороне которой были очень маленькие колеса, на палубе находилось несколько похожих на китайцев обитателей, а также несколько шестов с развивающимися флагами и мачта. Позади этого уродливого монстра тянулась вереница весело раскрашенных барж; это все вместе могло бы быть очень живописным, если бы вышеупомянутая труба не извергала наружу черные клубы дыма. Вскоре мы увидели якорь, выброшенный за борт лодки, которая вернулась к пароходу, везя за собой трос; когда она достигла машины, в лодку опустили другой якорь, и она снова отправилась в путь. Тем временем двигатель на квадратной барже использовался для буксировки ее и препровождения к месту, где лежал первый якорь, по достижению его, их ждал второй, подготовленный для дальнейшего продвижения еще на полмили; и так она тащи-лась вдоль берега, проходя от двадцати до тридцати верст¹⁴ в день.

Очевидно, остроумный изобретатель находил эту буксировочную систему превосходной, и невозможно было бы переубедить его, однако такое неправильное использование пара давало скорость ровно в шесть раз меньшую, чем во многих пароходах, и требовало почти в двадцать раз больше топлива, чем обыкновенное буксирное судно с таким же количеством груза.

Огромный плот из сосен из Перми (Perm) и с Уральских гор (Ural Mountains), с двумя или тремя домика на нем, выглядел более привлекательно, а, кроме того, был интересным объектом: лес в этих регионах настолько дешев, что выгоднее сплавлять его с верховьев Камы (Kama) вниз до Каспия.

Еще до того, как мы прибыли на нашу следующую стоянку, Вольск, холмы стали более обширными. Прежде берега были в основном слоистыми, состоящими из пластов желтого песка, порой такого мягкого, что ласточки делали в нем гнезда, но иногда казалось, что он окаменел. Теперь откосы были сформированы полностью из меловых мергелей, обычно состоящих из беспримесного мела, но зачастую глинистого цвета. Тут и там мы проплывали дворянские поместья, соседствующие чаще всего с несколькими жалкого вида деревнями, в очень ветреной местности; но сам Вольск был очарователен. Уютное расположение между двух холмов, один из которых достигает в высоту примерно четырехсот футов, его новые зелено-

¹² На новом типе судов, получивших название кабестанов, движущей силой были не лошади, а паровая машина. Имевшиеся на кабестанах бортовые колеса вращались лишь тогда, когда судно следовало вниз по течению или маневрировало. Кабестаны, таким образом, оказались своеобразным переходным типом парового судна, где старый принцип движения сосуществовал с принципиально новым типом двигателя.

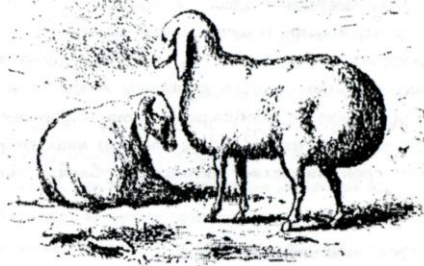
¹³ Путевая мера для измерения расстояния, которая применялась в ряде стран в древности, а также во многих современных странах до введения метрической системы мер. Величина мили в различных странах различна, в Великобритании она равна 1609 м, т. е. 1/2 мили = 804,5 м.

¹⁴ Русская мера длины, равная 500 сажням (1,0668 км).

купольные церкви¹⁵ и состоятельно выглядящие дома придают ему процветающий вид, а долины, простирающиеся вокруг, были хорошо обработаны, дома и поля, в некоторых местах поднимающиеся террасами вдоль холмистых склонов, живописны.

После отъезда из Нижнего (Nijni) [Новгорода] мы не видели ничего даже наполовину столь же красивого; и мы сомневались, не предпочли ли бы мы на самом деле менее возвышенное, но более удобное расположение Вольска. С холмов над ним нам открывались обширные виды на Волгу всегда образующую очень интересные изгибы. Когда мы прогуливались вдоль тенистой лощины, в которой, похоже, преобладали карликовый миндаль, липы и низкорослые белые тополя, мы слышали очень немелодичное пение и обнаружили, что оно исходит от группы босянских девушек, гуляющих по пшеничному полю и шедших, очевидно, на пикник. У каждой из них была своя песня, исполнявшаяся в очень высокой тональности. Это было очень похоже на часть представления; наше неожиданное появление едва ли отвлекло их и уж, конечно, не могло заставить их забыть свои мотивы.

В Вольске проживает около десяти тысяч жителей¹⁶ и их основное занятие связано с салом. Мы проплывали мимо огромной отары овец, которые, судя по их формам в определенных местах, казалось, как будто специально были выведены на сало, так как их шерсть — по ряду признаков — была низкой цены. Их гротескный вид увеличивало полное отсутствие чего-либо похожего на хвост. Природа, казалось, компенсировала отсутствие хвоста покрытым шерстью турнором¹⁷, расположенным сзади и придающим им нелепый и безобразный вид¹⁸. Как бы то ни было, этим турнорам Вольск обязан своим процветанием; огромные отары овец, отмеченных этой особенностью, ежегодно привозятся из каспийских степей в волжские города.

Sheep from the Steppes of the Caspian.

¹⁵ В Вольске тогда существовали Предтеченский (Новый) собор и приходские церкви — Покровская, Свято-Троицкая, Кладбищенская и другие.

¹⁶ По данным 1847 г., в Вольске проживало свыше 14 тысяч человек.

¹⁷ Так называлась подкладка в виде подушки под задней частью женской юбки ниже талии.

¹⁸ Очевидно, имеются в виду курдючные овцы из породы грубошерстных и полугрубошерстных овец мясосоляного типа, имеющих жировые отложения на крестце (курдюк).

Покупатель виденного нами стада был, как нам сказали, самый богатый купец на реке — бесчисленные миллионы рублей, которыми он, по слухам, обладает, отбрасывают Ротшильда¹⁹ (Rothschild) далеко в тень. Мы были весьма удивлены, когда грузный мужчина, одетый в рубашку и свободные панталоны, который, тяжело пошатываясь, вошел на борт в состоянии крайнего опьянения, оказался тем самым миллионером; и было очень неприятно узнать, что он и его друг — тоже не в лучшей кондиции — заняли каюту по соседству с нашей. Все отнеслись к этому персонажу с большим уважением, особенно, наверное, потому, что он был человеком благородного происхождения, пусть даже самой низкой ступени, и мог позволить себе напиться английским крепким портером²⁰ по пять шиллингов²¹ за бутылку. Человеку из Саратова, вероятно, показалось бы странным употребление портера в этих целях, но секрет такого выбора заключался в том, что траты на выпивку поднимали его в глазах товарищей, т. е. ему требовалось употребить ежедневно около двух фунтов²², чтобы достичь желаемой кондиции. Как матросы завидывали ему! За несколько жалких копеек, потраченных на то же самое, они подвергались жестокому наказанию. Не так, однако, вели себя более удачливые пассажиры баржи. Беря пример с богатого нобиля, разбогатевшего доходами в Нижнем, не несущие ни перед кем ответственности, они, все и каждый, усиленно предавались всем известным грехам; сцены пьянства и безнравственного поведения, происходившие на каждой остановке, не заслуживают описания, хотя, с другой стороны, слова не могут передать представление о них, соответствующее действительности сколько-нибудь правдиво.

И какой же может быть нравственность у крестьян из отдаленных районов, если те, кто живет в деревнях и городах на Волге, пали в своих пагубных привычках ниже, чем любые другие люди, среди которых я путешествовал; о них можно говорить только с пренебрежением, поскольку они никогда не знали элементарных жизненных приличий. А чего лучшего можно ожидать от общества, в котором иерархия определяется соразмерно числу крепостных, которыми владеет каждый хозяин? Быстрый рост населения здесь не более чем частная цель крепостника, так же как широкое употребление горячительных напитков — мечта правительства. Таким образом, каждому пороку найдется свой последователь и покровитель. Браки, по русским понятиям, совершаются в раннем возрасте и устраиваются управляющим без согласия сторон — необходимо лишь одобрение помещика. Цена семьи колеблется от 25 до 40 фунтов²³. Наш капитан взял свою жену в аренду на пять лет, рента за этот срок составляет пятьдесят рублей, с правом продления договора по его окончании²⁴.

¹⁹ Ротшильды — род знаменитых банкиров.

²⁰ Темное английское пиво с характерным вишным привкусом.

²¹ Английская серебряная монета равная 1/20 фунта стерлингов.

²² Весовая единица, русский фунт = 1/40 пуда = 32 лота = 96 золотника = 409,51 грамм.

²³ Фунт стерлингов — денежная единица Великобритании, обращающаяся в форме монеты или банкноты, делится на 100 пенсов.

²⁴ Автор заблуждается, в православной стране, какой была Россия, подобное было невозможно.

Наши новые приятели-пассажиры не имели иного багажа, кроме нескольких дюжины бутылок портера, с которым они пировали всю ночь, пока, побежденные своей выпивкой, они не попадали на пол каюты и хрипло захрапели, и только наше прибытие в Саратов пробудило их от полубессознательного состояния, в которое они впали в предыдущий день. Мы были невероятно счастливы узнать, что Саратов был местом назначения этого торгового принца — настолько, что даже если бы природа не вызывала восторга, наше первое впечатление об этом месте было бы восхитительным. Я подумал, что город, когда мы приблизились к нему и увидели его многочисленные купола и колокольни, отражающиеся в зеркальной поверхности воды, несомненно, имеет право на то, чтобы называться «Королевой Волги» (Queen of the Volga)²⁵. Высокая гряда холмов, образующая задний план, неровные обрывистые берега справа и река около трех миль шириной, которая омывает его стены, казалось, заставили жителей украсить их город более яркими крышами и высокими колокольнями, чем это обычно встречается в России, как будто для того, чтобы отдать должное пейзажу, среди которого он расположился. Мы были достаточно неблагоразумны, чтобы сойти на берег и избавиться от иллюзий среди пыля и запущенности. И хотя некоторые дома были красивы, улицы были пустыни, магазины бедны, а tout ensemble²⁶ очень непривлекательно. Однако, как говорят, в Саратове проживает сорок тысяч человек²⁷ и ниже Самары (Samara) это самый процветающий город на реке. Это центр губернии с населением в два миллиона человек²⁸, чей годовой доход соответственно ее размерам превосходит доход любого другого города Империи, и ставит его высоко среди российских городов.

Малые города губернии не отстают от ее столицы и ярко контрастируют с себе подобными Симбирской (Simbirsk) губернии. Из-за недостатка торговых или промышленных предприятий и других причин, представленных в предыдущей главе, годовой доход всех русских городов удивительно мал, и только области, расположенные на Волге и на берегах Черного моря, где есть возможность транспортировки грузов через их порты и прекрасные плодородные земли, которые они благословляют, заставляют жителей извлекать выгоду из такого положения дел и обогащаться против собственного желания.

Таким образом получается, что Саратовская губерния ежегодно вывозит почти так же много зерна, как и Оренбургская²⁹ (Orenburg); и это наводит на мысли о том, одинаково ли в этих областях распределена земля и не наделен ли каждый из двух миллионов жителей Саратовской губернии большей долей плодородной почвы, нежели в других областях, за исключением, наверно, только Области донских казаков. Трудно объяснить недостачу в годовом доходе городов соседней Симбирской губернии. Почва здесь, несомненно, хуже, а населения значительно больше

²⁵ Саратов в указанное время именовался «Столицей Поволжья».

²⁶ Все вместе (фр.).

²⁷ По данным 1847 г., в Саратове проживало свыше 52 тысяч человек.

²⁸ По данным IX ревизии 1851 г., в Саратовской губернии проживало около 945 тыс. душ мужского пола, таким образом, при удвоении этого числа получается указанная цифра.

²⁹ Примерно соответствует истине.

относительно ее территории, также здесь невелик объем обрабатываемой земли; но это с трудом объясняет отмеченную выше разницу, которая существует между ней и Саратовской губернией и особенно Оренбургской. Наиболее простое объяснение проблемы заключается в том, что в Оренбургской [губернии], где население также составляет два миллиона человек³⁰, не более тринадцати мужчин в каждой сотне крепостные. Эти люди изначально были собственностью короны и стали еще свободнее в соответствии с более просвещенной системой, которую теперь проводит правительство, обратив их свободу себе на пользу, и обогащают себя и свою страну благодаря усердию, которое впервые в жизни сочли полезным.

В пользу благотворности освобождения крестьян трудно привести более убедительные доводы, чем те, что губернии, где оно было в значительной мере проведено, уже далеко превзошли все остальные в Империи. Для страны было бы лучше, если бы крепостные частных владельцев могли бы работать таким же образом. Наиболее яркими противниками всеобщего освобождения оказываются мелкие рабовладельцы, имеющие двадцать и менее крестьян, а не численно меньшие крупные собственники. При таком же, как в Оренбургской [губернии], соотношении свободных и крепостных Саратовская с ее преимуществами расположения (будучи пересечена Волгой и ее притоками на протяжении трехсот пятидесяти миль) превзойдет ее позднее в процветании. Саратовская [губерния] ежегодно экспортирует большое количество табака, качество которого значительно выше, чем у табака, выращенного в других областях.

Белл оставил занимательный рассказ о встрече между Петром Великим (Peter the Great), когда он был здесь в 1722 году³¹, и ханом Аюкой, который в сопровождении его жены, «пятидесяти лет, благопристойный и энергичный», обедал с императором. В ходе беседы Его Величество намекнул хану, что он замышляет поход на Персию (Persia) и нуждается в помощи десяти тысяч человек. Хан ответил, что они полностью в распоряжении царя; но, как ему кажется, пяти тысяч будет вполне достаточно, он отдаст приказ, чтобы это количество присоединилось к императорской армии; после чего император расстался с ним полностью удовлетворенным³².

Поздравляя себя с тем, что мы избавились от нашего последнего пассажира, мы вернулись на борт и нашли помещение на палубе, в котором мы привыкли проводить дневные часы, занятым группой армян, чьи невозмутимые лица и устойчивая поза с ногами поджатыми под себя, занятая ими на полу, не оставляли надежды на их изгнание, если бы мы решились на подобную меру, оправданную обстоятельствами. Они были безобидными личностями, живописно одетыми, с длинными бородами и в свободных одеждах, которые занимались тем, что ссорились друг с другом, спали, курили трубки, пили чай и поседали дыни. Они в этом так усердст-

³⁰ Примерно соответствует истине.

³¹ В 1722 г., направляясь в Персидский поход, Петр I сделал остановку в Саратове с 20 по 22 июня, для того чтобы повстречаться с ханом Аюкой.

³² Подробное описание встречи Петра I и хана Аюки содержится в записках шотландского врача Джона Белла, находившегося на русской службе с 1715 по 1747 г. (см.: Беллы путешествия чрез Россию в разныя азиатские земли... СПб., 1776).

вовали в пути, что я был едва не соблазнен желанием этих фруктов, если бы не знал из личного опыта о неприятных результатах такого потворства своим прихотям. Соблазнившись в Самаре грудой великолепных дынь, выставленных на продажу, мы запаслись ими, чтобы освежиться в течение знойных дней, и только закончили свой первый десерт, как капитан сообщил нам, что еще ни один чужестранец, отведав волжских дынь, не избежал волжской лихорадки. Я с трудом поверил, что что-либо, даже наполовину столь же неприятное, может быть атрибутом этой благородной реки или такого изысканного плода, но той же ночью мой пульс доходил до 238³³, что в сочетании с лихорадочным ознобом вполне доказало правдивость замечаний капитана. «К счастью», у нас на борту не было ни докторов, ни медикаментов, наши безмолвные страдания еще усилились после отъезда из Саратова, так как жара постепенно возрастала. Термометр в каюте редко показывал меньше 72³⁴. А неделей раньше здесь было резкое похолодание. Добавьте к эффекту этой непредсказуемой смены температур знойный южный ветер, установившийся здесь и сопровождающийся клубами пыли, делавший палубу менее пригодной для праздного время препровождения, каковой она была для нас до сих пор. Берега, к тому же, были высохшими и бесплодными, и на сотни миль ниже Саратова они могли бы сойти за берега какой-нибудь жаркой африканской реки.

При подобных обстоятельствах мы недолго радовались причалу стоянки как счастливой перемене, даже если мы были в состоянии извлечь пользу из нашей остановки. Но наибольшим разочарованием была невозможность увидеть хоть какую-нибудь из немецких колоний, которые начинаются по правому берегу чуть ниже Саратова и простираются к югу до Сарепты³⁵ (Sarepta).

Их обитатели в основном лютеранского³⁶ или моравского³⁷ вероисповедания. Селений этих свыше сотни³⁸, в каждом проживает в среднем тысяча душ. Первые колонисты поселились здесь под покровительством императрицы Екатерины (Catharine)³⁹.

³³ Нормальная частота пульса в покое у взрослого человека составляет 60–80 ударов в минуту; при длительном стоянии, а также при эмоциональном волнении она может достигать 100 ударов в минуту.

³⁴ На Западе температура измерялась по шкале Р. А. Реомюра. 1°R соответствует 3/4°С, т. е. 72°R=54°С.

³⁵ Сарепта (Сарпа) — колония Саратовской губернии, основанная 14 сентября 1765 г. на берегу р. Сарпы в Царицынском уезде гернгутерами (моравскими братьями) из Саксонии, выше в черте г. Волгограда.

³⁶ Лютеране — старейшая и крупнейшая ветвь протестантизма, руководствующаяся принципами, провозглашенными Мартином Лютером.

³⁷ Моравские (чешские) братья, протестантская деноминация, выросшая из движения гуситов, последователей чешского реформатора Яна Гуса, признававшая единственным авторитетом в вопросах веры, религиозной практики и церковного устройства Библию.

³⁸ К концу XVIII в. в Саратовском наместничестве по обоим берегам Волги было основано (по разным данным) от 102 до 106 колоний.

³⁹ Начало колонизации Поволжья немцами было положено 4 декабря 1762 г., когда был опубликован на пяти языках манифест императрицы Екатерины II «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают и о даро-

Камышин⁴⁰ (Kamichin) — большой город на правом берегу, где не далее чем в начале прошлого века англичанин (капитан) Перри (Perry) начал копать канал к Иловле (Ilvli), притоку Дона⁴¹ (Don), протяженностью не более двадцать верст. Особенности рельефа местности и разница в уровнях создали трудности, которые в то время считались почти непреодолимыми. Но даже если бы он добился цели, сомнительно, что соединение с такой маленькой рекой как Иловля можно было использовать достаточно успешно.

Однажды ночью мы встали на якорь под отвесной скалой, на вершине которой, как говорят, когда-то располагалась крепость знаменитого разбойника Стеньки Разина⁴². Так как я не смог получить дополнительной информации, касающейся этого прославленного персонажа, я тщательно записал его благозвучное имя в надежде, чтобы какой-нибудь будущий путешественник смог бы его увековечить, если он действительно чем-то знаменит. Ветер перешел в шторм, и ночь была так же черна, как те скалы, что возвышались вокруг нас. Волны, достаточно высокие, чтобы бить в наши иллюминаторы и смачивать наши постели, тотчас же внушили нам некоторое уважение к шторму на Волге. Но это полбеды, так как мы узнали, что такую «прекрасную» погоду очень уважал Разин и его доблестная банда, которые, выйдя из своей цитадели через подземные галереи и другие тайные ходы, вероятно, захватили бы «Самсон» под покровом темноты и заточили бы его обитателей в башнях крепости. Первоначально эти берега были заселены волжскими казаками, которые примерно в 1780 году были переселены на кавказские линии⁴³ при расширении Империи в этом направлении и которые были заменены менее воинственными крестьянами Пензенской (Penza), Тамбовской (Tambov) и соседних губерний⁴⁴.

ванных им правах». Несколько позднее, 22 июля 1763 г., был обнародован еще один манифест Екатерины II, явившийся, по сути дела, более подробной редакцией манифеста от 4 декабря 1762 г.

⁴⁰ Камышин — уездный город Саратовской губернии (с 1781 г.), ныне районный центр Волгоградской области.

⁴¹ Англичанин Джон Перри был моряком, путешественником и инженером. С 1698 по 1715 гт. он состоял на русской службе и принимал участие в строительстве Волго-Донского канала.

⁴² Знаменитый Утес (Бугор) Степана Разина, расположен ниже с. Белогорское почти на границе с Волгоградской областью. Он официально признан памятником природы Саратовской области.

⁴³ Система пограничных укреплений русских войск на Кавказе в XVIII—XIX вв., возведенных по самым большим рекам Кавказа.

⁴⁴ Волжское (Волгское) казачье войско из 1057 семей было образовано в 1733—1734 гт. в связи с созданием Царицынской укрепленной линии, главным образом из донских казаков. В 1770 и 1777 гт. значительная часть волжских казаков была переселена на Северный Кавказ, составив Моздокский и Волгский полки Терского казачьего войска, а Волгское войско было ликвидировано. В начале XIX в. оставшаяся на Волге часть волжских казаков присоединена к Астраханскому казачьему войску.

На следующий день мы проплыли мимо жалкой деревушки на левом берегу с трудно произносимым названием, заслуживающей внимания только потому, что [она] ежегодно экспортировала не менее девяти миллионов пудов⁴⁵ соли, привозимой сюда с болота в шестидесяти верстах от берега⁴⁶. Большая часть деревни состояла из шатров, и те, кто живет в них, вероятно, и есть калмыки (Calmuck Taitars), которые кочуют в бескрайних степях. Множество волов, привязанных возле их повозок, своим видом подтверждали недавнее прибытие большой партии экспорта.

Несмотря на ураган, бывший прошлой ночью, который должен был очистить атмосферу, погода была более душной, чем обычно, и в шесть часов вечера горячий влажный воздух усилил вялость, всегда сопровождающую лихорадку, так что наше настроение было подавленным, в полном соответствии с дымом, который висел над нашим курсом длинной низкой темной полосой, повторяя изгибы реки. Вдобавок к нашим несчастьям, мы совершенно неожиданно сели на мель, и теперь когда, проведя шестнадцать дней на реке, мы загорелись желанием покинуть ее, это не было необдуманно.

Было приятно узнать, что Астрахань не стоит того, чтобы ее увидеть, после того, как мы решили не ехать туда; и хотя в любом моем отклонении [от маршрута] я тогда менее всего находил удовольствие, нерегулярность пароходов из Астрахани и количество дополнительного времени, которое бы это заняло, делало оправданным предложение повернуть от этого города на Дубовку⁴⁷ (Dubovka) после высадки на берег; и, несмотря на озноб и лихорадку, которыми мы оба были истощены, мы сочли за благо покинуть реку, не теряя времени.

Утром 19 сентября в Дубовке мы попросились с «Самсоном» и его гостеприимным капитаном, чья доброта и внимание многое сделали, чтобы наше путешествие было более приятным, и хотя я испробовал различные способы путешествия, сейчас я с чувством сожаления в последний раз оглядел нашу каюту кругом, смотря, чтобы не было забыто ничего из различных остатков запасов, после [ее] освобождения ставших бы дополнительным доходом для старой женщины, которая прислуживала нам. Если бы нам пришлось распорядиться своими запасами самим, нам пришлось бы худо; но капитан, заметив нашу неопытность и обнаружив, что наши попытки прокормиться самим безуспешны, настоял на том, чтобы мы обедали с ним каждый вечер в течение поездки.

Пока пассажирские пароходы не утвердились на Волге, продолжительность времени, которое занимает путешествие на буксирном судне, и трудности в снабжении провизией являются серьезными преградами для тех, кто хочет увидеть ре-

⁴⁵ Единица веса (массы), применявшаяся в России, Белоруссии и на Украине, равнялся 49 фунтам (около 16,38 кг).

⁴⁶ Речь идет об Эльтонском озере, которое с 1851 г. находилось в Царевском уезде Астраханской губернии, ныне на территории Волгоградской области.

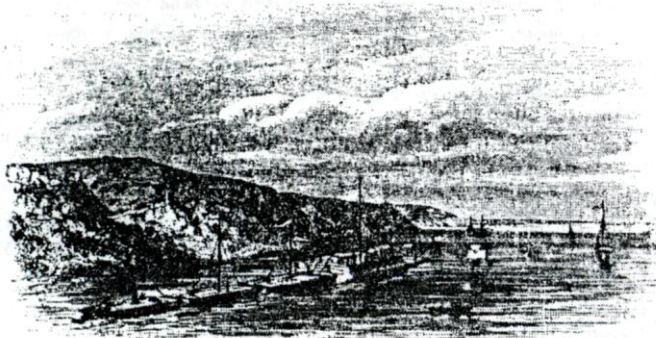
⁴⁷ Дубовка — посад Саратовской губернии, Царицынского уезда, пристань на Волге, основан в 1734 г. как станица волжских казаков, ныне центр Дубовского района Волгоградской области.

ку. Путешественнику будет трудно пожаловаться на задержки, которые с ним могли бы произойти, на судне с небольшим водоизмещением и свободном от барж. Пристани предоставляют приятные прогулки с возможностью зарисовок; однако из-за практически однообразного пейзажа на левом берегу часто было необходимо заинтересовать капитана держаться противоположной стороны. На хорошем судне и при обычных обстоятельствах путешествие из Нижнего до Астрахани не должно занять более восьми дней, а разнообразие и новизна пейзажей, через которые он следует, будет достаточно, чтобы держать путешественника восхищенным весь период, но в то же время трудно представить, что красоты реки могут скрасить его трехнедельное пребывание на ее лоне. Однако у имеющих в своем распоряжении много свободного времени, жизнь на борту может протекать приятно; а собственный комфорт путешественника будет целиком зависеть от соглашений, заключенных им перед отъездом — и на организацию хорошей еды и на обслуживание его самого.

Немногие города России лучше для посещения, чем Казань (Kazan), в то время как Жигули⁴⁸ (Jigoulee) являются лучшим пейзажем, виденным мною до сих пор в стране. Саратов соперничает с Нижним по красоте — последний благодаря всецело его величественному местоположению — первый его веселыми и красивыми церквями и зданиями; но города на этих берегах, или сами эти берега — скалистые или лесистые — не смогли внушить чувств, равных тем, которые внушила эта королева европейских рек.

Ощущение ее грандиозности и величественности казалось росло ежедневно, и теперь, хотя наш опыт был расширен более чем тысячу миль ее извилистого курса, я пристально смотрел с неослабевающим удивлением и восхищением на ее широкое, быстрое течение, которое уносило от нас наш «Самсон» и его баржи, и испытал чувство одиночества, которое напоминало нам о том, что наш недавний дом уплывает от нас, это было время искать другой.

Horse-Machine and Barges.

⁴⁸ Жигули (Жегули) — возвышенность на правом берегу Волги, огибаемая излучиной реки (т. н. Самарская Лука).

Дубовка — Рельсовый путь на Дон⁴⁹ — Исключение из русской нечестности — Чрезмерная вежливость — Калмыки: их история — Переселение — Религия и обычаи — Скверная дорога — Царицын — Курьер на Кавказ — Сарепта — Моравские миссионеры — Сарепта: ее мануфактуры и торговля — Привлекательное описание

Дубовка, в прошлом столица Области волжских казаков, красиво расположена на правом берегу; по это местечко небольшой важности состоит главным образом из деревянных домов, среди которых разбросано несколько зданий из красного кирпича, и это придает улицам еще более незаконченный вид, чем если бы они все были из дерева. Население не превышает шести или восьми тысяч человек⁵⁰. Ее главное украшение — и единственное, чем жители действительно могут заслуженно гордиться — их красивая церковь⁵¹, возле которой, к несчастью, мы поселились; нескончаемый звон увесистых немелодичных колоколов постоянно отвлекал нас. Конечно, там не было гостиницы, которую можно было бы найти, но мы были очень любезно размещены в одном из лучших домов города, принадлежащем господину Водалакену (Vodalaken), агенту пароходной компании; и если бы не было жесткой кровати, жаркой погоды, огромного количества паразитов, дая собак и моего собственного недомогания, я бы мог сказать, что наши квартиры более чем комфортабельны. У нас возникли некоторые трудности в поисках «гарантаса» или дорожной кареты, которую необходимо было купить, прежде чем отправиться в долгое степное путешествие до Таганрога (Taganrog); и эта задача не стала проще из-за нашего полного незнания языка. К счастью, из-за близости немецких колоний большинство уважаемых людей в округе были либо немцами, либо говорили по-немецки, и они сделали для нас все, что было в их власти.

Наш хозяин объединял в своей персоне две должности: агента пароходной компании и управляющего рельсового пути к Дону. К несчастью, его не было дома, и я вряд ли имел какую-либо возможность получить информацию относительно объема и характера грузов, которые следуют через Дубовку от Волги до Черного моря. Явно наиболее важным предметом было железо и сибирская продукция в целом, строевой лес из северных губерний и все промышленные товары, предназначенные для употребления на огромной части южной России и даже вывозящиеся по Дону в Ростов (Rostov) и Таганрог; в то же время часть товаров выгружалась в Царицыне (Tsaritzin)⁵², городе в пятидесяти верстах к югу отсюда, откуда

⁴⁹ Речь идет о самой протяженной в России конно-железной дороге, построенной в 1846 г. от Дубовки до Дона, длина которой составляла 62,5 версты. Дорога просуществовала 7 лет.

⁵⁰ По данным 1847 г., население Дубовки составляло 7880 человек.

⁵¹ Речь идет об Успенском пятипрестольном соборе, который был построен в 1796 г.

⁵² Царицын — уездный город Саратовской губернии (с 1782 г.), основанный в 1589 г., ныне г. Волгоград.

[они] распространяются по всей реке. Через Дубовку проходят все товары из Турции и с юга Европы, необходимые для удовлетворения потребностей обитателей Волги, которые снабжают этим путем как Крайний Север, так и ярмарку в Нижнем, расходясь оттуда по всей Империи.

Просто непостижимо, как страна может довольствоваться жалким рельсовым путем, который теперь соединяет две столь важные реки, как Волга и Дон. Недалеко отсюда есть естественное препятствие для строительства канала через перешеек, разделяющий их, но оно не доставит большого труда: расстояние не более шестидесяти верст, и разница в уровнях сравнительно невелика. А преимущества от совершения этой работы очевидны. Простой взгляд на карту покажет, что канал длиной в сорок миль в этом месте соединит Черное море с Балтийским (Baltik) и Каспийским, и таким образом будет создана тщательно разработанная система внутренней коммуникации. Природа, несомненно, создала все необходимое, что можно было от нее ожидать в этом отношении, и кажется странным, что правительство до сих пор не дало населению возможности воспользоваться теми естественными возможностями, которые их страна так щедро предоставляет.

Водный транспорт превосходит наземный по объему товаров, им перевозимых, и там, где объектом перевозки являются железо или лес, не может быть сомнений в превосходстве первого, даже при дополнительных вложениях в существующую систему или если бы даже железная дорога заменила рельсовый путь. При таком положении дел, когда за один год из портов юга России экспортируется больше пшеницы, чем за предыдущие десять лет, канал между этими реками становится делом величайшей важности; и если пшеница из Саратова и Оренбурга найдет свободный выход к портам Азовского моря (the Sea of Azov), возрастающее удобство коммуникации с морским побережьем оказало бы ощутимое влияние на весь юго-запад России. Нет ничего удивительного в том, что существующая рельсовая дорога еще не оценена должным образом, так как она не доходит до пристани, и чтобы избавиться от расходов, обусловленных доставкой грузов в телегах до рельсового пути, где его необходимо перегрузить в вагоны, многие купцы придерживаются старой системы транспортировки, при которой товары и сами баржи, в которых они спускаются по Волге, перевозятся через перешеек в повозках, запряженных волами. Эти баржи плоскодонные и погружаются в воду всего на два или три фута. Они разбираются на части в Дубовке, укладываются на повозки и через восемь или десять дней по достижении Кагальницкой (Kagalinskaja)⁵³ на Дону, их вновь скрепляют болтами и спускают в Ростов. После прибытия их разбирают и превращают в дрова.

Мы провели два дня в Дубовке, готовясь к предстоящему путешествию и пытаясь избавиться от волжских воспоминаний под материнской заботой мадам Вода-лакен. Здесь мы столкнулись с поразительным исключением [из правила], которое утверждает, что нечестность — норма в России. Доктор, с которым мы тщательно

⁵³ Кагальницкая — станция на правом берегу р. Кагальник основана в 1809 г., ныне районный центр Ростовской области.

пытались объяснить на латыни, но который восполнил свой пробел в познании мертвых языков своим здравым пониманием выразительных жестов, с помощью которых мы пытались объяснить ему наши симптомы, категорически отказался взять плату. Это было так непостижимо, что я был удивлен этим не меньше, чем тем, что его предписания вылечили. Нам хватило очень короткой прогулки, чтобы осмотреть Дубовку. Самой поразительной особенностью местных жителей была их чрезмерная вежливость: каждый rispetабельно выглядящий мужчина снимал свою шляпу перед каждым другим respectableм выглядящим человеком. Вначале показалось естественным, что люди в таком маленьком местечке должны все знать друг друга; но когда мы, в нашем случае, получили, когда пересекали извилистую улицу, по меньшей мере, шесть таких приветствий, это заставило сделать усилие над нашими чувствами скромности и использовать наши любезные манеры в повторяющихся случаях; и как я понял, природа этой традиции была в желании всех приветствующих друг друга почувствовать себя такими respectableными в такой отдаленной части света, как Дубовка. Рядом с этим впечатлением об изысканности манер и хорошем воспитании может быть отмечен беспорядочный способ купания персон обоего пола в реке, открывающий печальное отсутствие утонченности, так как, несомненно, [ими] считалось абсолютным ханжеством носить какой бы ни было лоскут [на теле] в качестве какого-либо покрывала. Это весьма удачная иллюстрация того духа, который пронизывает русское общество в целом, где так много внимания обращено исключительно на пустые условности и так мало на те принципы чести и морали, которые необходимы для процветания общества.

После долгих торгов, осуществленных через посредничество веселого маленького аптекаря, мы, наконец, преуспели в покупке тарантаса, столь свободного от суеверий и предрассудков сооружения, что я сомневался не слишком ли велик возраст рессор, чтобы быть безопасным; тогда как жердь, вообще использованная вместо старого доброго ярма, едва ли была не состоянии не поставить в тупик фрейторов казачьего Дона. Тем не менее, мы поздравляли себя с удачей в приобретении столь полунцивилизованного нечто и были рады видеть это, появившееся у ворот с тройкой очень приличных лошадей.

Мы сумели выехать в полдень, и вскоре были удовлетворены увиденной широкой, голой, холмистой степью, раскинувшейся перед нами. Когда мы покидали город, несколько маленьких, копусообразных хижин послужили новым напоминанием о калмыках, которые, оставив астраханские пустыни или пересекая огромные пастбища, простирающиеся от восточных берегов Волги до Азии, иногда движутся на север и разбивают свои шатры около городов западного берега, привлеченные близостью базарного дня. Эти «кибитки» или шатры состоят из простого деревянного каркаса, на который натянута войлок с круглым отверстием сверху, предназначенным для выхода дыма.

Я бы хотел остановиться и навестить этих странников в их собственном жилище, если бы я не увидел часть их в Дубовке; и ничто не может быть интереснее, чем их внешность. Из всех жителей Российской империи калмыки наиболее не-

обычны внешностью и манерами; и, конечно, их истрепанные развевающиеся халаты, подпоясанные вокруг талии грязным грубым шарфом и открывающие взору грудь цвета меди, в сочетании с их красными башмаками и плоскими желтыми шапками, отделанными мехом, довершают дикий наряд, подобный которому вряд ли можно встретить в менее отдаленных частях страны. Их длинные черные волосы спадают толстыми косами по обеим сторонам лица настоящего монгольского типа; и, глядя на их широкие приплюснутые носы, высокие скулы и длинные узкие глаза, трудно поверить, что, тем не менее, они жители Европы. Я почувствовал себя вновь перенесенным к границам китайской Татари (Chinese Tartary), где я уже встречал народ, вышедший из тех же корней, приверженцев той же веры и, возможно, говорящий на том же языке, что и они.

Странно, как мало мы знаем о тех кочевых ордах, населяющих обширные степи Татари (Tartary) и Тибета (Thibet), единственная реальная зависимость которых состоит в религиозном почитании верховного первосвященника Лхасы (Lhasa)⁵⁴. Скитаясь по пустыням, составляющим границу между Россией и Китаем, они представляли собой как бы связующее звено между двумя крупнейшими империями в мире, становясь по собственному разумению подданными то одной, то другой.

Некогда почти их тех же областей варвары хлынули далее, и пронесясь через степи, простирающиеся от подножья Урала до берегов Каспия, заполнили собой далекие и обширные окраины мира тех дней⁵⁵. Мы встретили много следов этих завоевателей; и мы наблюдали за их потомками, живущими в жалких палатках, скитающихся по засушливым и бесплодным равнинам, за рассеянной и деградировавшей нацией, и было трудно представить, что они могут быть предтечей еще больших варваров, призванных вновь захватить просвещенную часть мира; хотя первое вторжение калмыков, захвативших место, было не так давно. В последней части семнадцатого века торгутская (Torgot) и дербетская (Derbet) ветви этого племени⁵⁶ спустились к берегам Волги, распространив свои кочевья от Области донских казаков до берегов Азовского моря. Приблизительно в это время хан Аюка, о котором уже было упомянуто, управлял всем народом.

Вскоре после его смерти калмыки, будучи ослабленными внутренними распрями, стали легкой добычей замыслов русского правительства, и оставались под властью скипетра Империи, пока зимой 1770—71, обиженная деспотичными мерами императрицы Екатерины II, полумиллионная орда не откочевала дальше, чем обычно, и не разбила свои палатки во владениях его Божественного Величества —

⁵⁴ Очевидная опечатка в тексте. Лхаса (Lhasa) (тибетское — божественное место), город в Китае, административный, экономический и культурный центр Тибетского автономного района.

⁵⁵ Здесь имеется в виду либо Великое переселение народов, либо переселение ойратов, приведшее к возникновению Джунгарского ханства (XVII—XVIII вв.).

⁵⁶ На самом деле дербеты, хошуты, торгуты, чоросы — племена ойратов, на основе которых в процессе миграции и заселения современной территории обитания сформировалась калмыцкая народность.

предостерегая этим деспотические правительства от беспокойства их кочевых подданных распоряжениями Министерства внутренних дел⁵⁷.

Это была как очень заметная эмиграция, так и сигнал к мести; и мы неотразимо вспомнили в связи с этим единственный подобный прецедент в исторических документах, это странствие в Синайской (Sinai) пустыне, предпринятое при довольно схожих обстоятельствах; и если время пребывания в пустыне было дольше в одном случае, то в другом — несравненно большим было расстояние переходов. К сожалению, большая часть калмыков осталась на месте, так как необычайно поздняя зима помешала им переправиться через Волгу. Те, кто после восьмимесячного пути достигли Китая, были очень сердечно встречены императором, который отвел для их поселения земли Или (Илу)⁵⁸ в провинции Сунгари (Soongary)⁵⁹ и даровал им много привилегий, учитывая их добровольное подчинение его власти.

Судя по условиям жизни калмыков, которые я видел, их собратья в Китае (China), возможно, изменили жизнь к лучшему; и несомненно, что те, кто остались, пострадали за независимое положение этой части племени. Они в значительной мере привязаны к Астраханской губернии, и те, кто непосредственно под властью короны, платят налог, составляющий около семидесяти пяти рублей с семьи. В Астрахани есть комитет по управлению делами калмыков, председатель⁶⁰ и некоторые члены его — русские.

Наряду с теми, кто находится под владичеством короны, есть несколько родов племени, которыми управляют отдельные князья (princes). Один наиболее знаменитый из них построил дворец на берегу Волги, недалеко от Астрахани⁶¹. Это был самый смелый шаг к оседлой жизни, который кто-либо из этих неугомонных созданий когда-либо сделал; но так велик их страх перед более спокойной жизнью и привычкой трудиться, что когда они сердятся на кого-то, желают ему, «чтоб ты жил на одном месте и работал как русский». Они едят в основном конину и «кумыс» или взбитое молоко кобылы, из которого изготовляют род спиртного напитка. Я не заметил ни одного верблюда, пока мы проезжали мимо их шатров; но эти животные неизменные спутники их странствий. Они испытывают огромное уваже-

⁵⁷ В 1759 г. после смерти последнего хана независимого Калмыцкого государства Давачи маньчжурский Китай завоевывает и аннексирует большую часть территории Калмыцкого государства, оставшуюся часть присоединяет к себе Россия. В 1771 г. большая часть калмыков во главе с ханом Убаши совершила семимесячный переход с берегов Яика на территории, контролируемые цинским Китаем. Эти события известны в русской истории как «побег калмыков» и спровоцировали восстание яицких казаков, переросшее в крестьянскую войну под предводительством Пугачева.

⁵⁸ Или — река в Центральной Азии на территории Китая и Казахстана.

⁵⁹ Сунгари (Сунхуацзян) — река на Северо-Востоке Китая, крупнейший правый приток Амура.

⁶⁰ Эта должность официально именовалась «главный попечитель над калмыцким народом».

⁶¹ Очевидно, имеется в виду буддийский монастырь (хурул), воздвигнутый на средства Серебджаба Тюмена на левом берегу Волги в 70 верстах выше Астрахани в с. Тюменевка Хошеутовского улуса (ныне с. Речное Астраханской области) в 1814–1817 гг. в ознаменование военных подвигов калмыков в войне 1812–1814 гг.

ние и благоговение перед своими ламами, которые, как и их русские соседи, используют с выгодой для себя мнимый характер святости, которой они окружены, чтобы обманывать варварских и суеверных людей; и они теперь внедрили в традиционный буддизм большое количество мистических ритуалов и церемоний, которые ни в коем случае не ортодоксальные дополнения.

Калмыки и ногаи (Nogays)⁶² — единственные кочевые племена, населяющие земли к западу от Волги. Они делают в некоторой степени степи к востоку от этой реки с киргизами (Kirghees)⁶³, несколько из которых я видел на ярмарке в Нижнем и которые исповедуют магометанство. Хотя их племя меньше, они занимают отведенные им земли на более независимых условиях, чем калмыки.

Мы продвигались не очень быстро, хотя наши лошади были хороши, а экипаж легок. «Ямщик» (yamschik) или кучер был глух к угрозам, касавшимся его «водки» (денег на выпивку); и дорога была время от времени отвратительна. Пролегая по берегу Волги, она постоянно пересекалась изрезанными и обрывистыми оврагами, похожими на таковые в Кампанье (Campana)⁶⁴ в Риме (Rome), исключая то, что они были круче и уже. Кучеру было предоставлено выбирать на свой вкус любой из имеющегося множества просекаков, что вели вниз; и, кажется, это на самом деле не имело большого значения, так как все они были одинаково плохи и полны ужасных борозд.

Мы часто встречали остатки внушительных деревянных мостов, которые являлись доказательством сурового зимнего характера теперешних речушек; и правительство, по-видимому, давно отказалось от попыток создания постоянных средств переправы. Время от времени мы миновали длинные вереницы воловьих упряжек, возвращавшихся с базара, где их хозяева, вероятно, продавали арбузы — главный продукт потребления у сельских жителей. За всю свою жизнь я не видел столько арбузов, сколько за один день в этих степях. На сотни яров они были свалены в кучи, и все население живет на них. Одного целого вполне достаточно, чтобы составить роскошный завтрак; наряду с тем, что крестьянский обед редко состоит из чего-либо еще.

От Дубовки до Царицына пятьдесят верст (или тридцать четыре мили); и солнце как раз садилось, когда, спустившись крутым склоном вниз к реке и с головокружительной скоростью, мы попали в город. С этих высот нам открывался прекрасный вид на Волгу, ибо последние лучи сверкающего заката излучали теплый свет на весь обширный бассейн, красиво расцветивая лесистые острова вдали.

Царицын внешне очень похож на Дубовку. Он имеет примерно равное население; и хотя первый не может похвастаться столь красивой церковью, он превосходит последнюю в количестве прочно построенных домов. Жители поддерживают оживленную торговлю с калмыками и киргизами, которые появляются здесь в большом количестве по случаю праздников; и местность, непосредственно окружающая его, весьма плодородна. Когда мы прибыли, было так поздно, что у меня было время

⁶² Ногайцы (самоназвание — ногаи) в конце XVIII — начале XIX в. частично были переселены в Приазовье (от Дона до Кубани), а частью переселилась в пределы Турции, ныне живут главным образом в Ставропольском крае и республиках Северного Кавказа.

⁶³ Киргизы или киргиз-кайсаки — распространенное в дореволюционной литературе название казахов.

⁶⁴ Один из регионов Италии с центром Неаполь.

лишь бросить беглый взгляд на город; и я сделал это в не очень дружеском настроении, так как мы испытывали вынужденную задержку, не получив на почтовой станции лошадей.

Крепость расположена на утесе примерно в сотне футов над рекой, но, я полагаю, гарнизона в ней нет давно. Далеко в прошлом этот город много страдал от частых атак незаконных казачьих банд, которыми кишели окрестности; и с целью защиты границ были воздвигнуты царицынские линии, состоящие только из земляного вала, защищенного частоколом, которые протянуты поперек до Дона⁶⁵. Будь мы мудрее, мы бы высадились здесь, а не в Дубовке и, таким образом, уберегли бы себя от ухабистой езды вдоль берега Волги; ибо здесь нет почтовой дороги, как мы это себе представляли, прямо через Дубовку к Дону.

Лихой курьер с депешами на Кавказ (Caucasus) отбыл с почтовой станции сразу после нашего прибытия, таким образом, лишив нас единственных наличных лошадей. Он был одет в настоящий черкесский костюм и вооружен до зубов. Закручивая вверх свои длинные усы, он хмурился на нас, отважившихся выразить желание продолжить путешествие и выглядел при этом столь грозно, что для нас было облегчением видеть, как он с грохотом пронесся за оградой, презрительно посмеявшись над нашим отчаянием. Я почти завидовал его путешествию, на которое он был обречен. Через тридцать шесть часов он прибывает в Астрахань, пересечет каспийские степи и, если не будет убит по дороге, то еще через нескольких дней прибывает в район боевых действий⁶⁶. К счастью, здание почтовой станции выглядело достаточно чисто, и мы получили хорошую комнату, с довольно удобным полом, на который я бросил резко пахнущую овчину и провел ночь вполне сносно. После тщетных попыток убедить почтмейстера дать нам лошадей с помощью страстно повторяемого слова «водка», человек в одежде «мужика» или крестьянина подошел и обратился ко мне по-немецки. Он был первым истинным колонистом этого сословия, которого я увидел; и было что-то весьма необычное в том, чтобы слышать хороший немецкий из уст человека со столь некультурной внешностью. Он оказался полезным как переводчик и предложил отвезти нас в Сарепту — поселение, к которому он принадлежал, и которое расположено в двадцати милях к югу. К несчастью, наш путь лежал в противоположном направлении, и я сожалел, что не смог принять его предложение.

Как описывали мне те, кто побывал там, Сарепта должна быть настоящей диковиной. Окруженные варварскими племенами калмыков и посещаемые только не многим более цивилизованными русскими, ее обитатели сохранили истинный старый саксонский характер — оставаясь верными своему родному языку и простым манерам их родины. Незараженные леностью и порочными привычками тех, среди кого они проживают, они являются процветающей общиной, пожинаящей богатые плоды того трудолюбия и бережливости, которые являются характерными для их нации.

Колония была основана в 1769 году в царствование императрицы Екатерины и состояла всего из тридцати человек обоего пола⁶⁷. Эта маленькая группа людей придерживалась моравской веры и находилась под присмотром нескольких достой-

⁶⁵ В 1717 г. для укрепления восточных границ государства был издан указ Петра I о постройке укрепленной сторожевой линии от Царицына до Качалинской.

⁶⁶ В это время продолжалась Кавказская война 1817—1864 гг.

⁶⁷ В 1765 г. — году основания колония насчитывала 167 жителей.

ных миссионеров, чьей главной целью при выборе столь отдаленной местности было обращение калмыков.

Однако, как только признаки успеха посетили старания этих благородных людей, вмешалось греческое⁶⁸ духовенство и стало настаивать, чтобы обращение происходило в их вероисповедание. Думая, возможно, что калмыки после присоединения к Греческой церкви останутся столь же непросвещенными, как и исповедующие буддизм, моравские миссионеры не упорствовали в своих попытках распространения христианства. Правительство, связанное долгом, поддержало служителей культа в их оппозиции и его можно поздравить с тем, что оно помогло и содействовало христианской церкви в ее успешных попытках лишить целый народ благословения Евангелия.

Никаких попыток компенсировать это беспричинное предубеждение основанием миссий Греческой церкви среди этих кочевых племен сделано не было. Отрицать для них значение приобретения знания тех важных истин, которыми моравы столь искренне решили поделиться, при этом не предлагая им никакой замены — это упущение, которое равносильно категорическому запрету калмыкам пытаться достичь царства небесного.

Так пусть же моравский миссионер расширяет сферу влияния своих усилий на те территории, которые находятся под духовной юрисдикцией Далай Ламы (Dalai Lama)⁶⁹, и ищет обращения калмыков там; конечно, он найдет больше терпимости в центре буддизма, чем он встречал до сих пор среди последователей греческого патриарха. Между тем эта маленькая колония процветает под благотворным влиянием своей веры и благодаря трудолюбию и единству своих обитателей. Неспособные к тому же откровенно извлекать выгоду из дикого окружения, эти честные немцы являются живыми примерами практической силы их религиозных принципов и разительного контраста с русскими из соседних городов.

Сейчас наследие [Сарепты] выросло до восьмисот душ⁷⁰, которые заняты в основном разведением горчицы и производством масла из нее. Я не смог узнать точный объем экспорта по этой статье исключительно, но этот продукт находит столь широкое применение по всей России, что он должен быть весьма значительным.

Хлопчатобумажные и шелковые фабрики Сарепты имеют широкий оборот повсюду в Империи; пока набивной ситец⁷¹ и грубый материал, похожий на мапчестерские товары, находят большой спрос у соседних племен, которые заглядывают в Сарепту ради моды сезона. В этой просвещенной общине не считают, что следует пренебрегать более утонченными ремеслами. Здесь есть превосходные часовые мастера, оптики, переплетчики и ювелиры, следующие своим призваниям, и часто посещаемые жителями городов большой Волги. Сельскому хозяйству колонисты также уделяют должное внимание, и почва приносит плоды под системой земледелия, улучшенной по сравнению с той, которая в основном используется русскими; в то же время по соседству в маленькой немецкой деревне Шенбрун (Schenbrunn)⁷²

⁶⁸ Т. е. православное.

⁶⁹ Титул духовного и политического (до 1951 г.) владыки Тибета.

⁷⁰ На 1854 г. в Сарепте проживало 437 жителей.

⁷¹ Речь идет о знаменитой сарпинке — хлопчатобумажной ткани полотняного переплетения, полосатой или клетчатой, которая готовилась из тонкой, заранее крашенной пряжи.

⁷² Хутор Сарептской волости Царицынского уезда Саратовской губернии основан в 1769 г.

успешно разводят рогатый скот и овец. Подобное процветание было бы несовместимо с существованием колоний под управлением русских, если бы оно не дало привилегии и иммунитет, надежно защитившие их от проблем, которые всюду тяжело давят на инициативного человека. Сарепта платит почти номинальные налоги короне, и жители пользуются правами без ограничений заключать коммерческие сделки не только в Империи, но и с другими странами, как купцы первой гильдии; поэтому во всех крупных городах России есть агентства или магазины, предназначенные исключительно для продажи их товаров. Сверх того, они пользуются разовой конституцией, регулирующей их собственные дела, как уголовные, так и гражданские. Управляющие и судьи собственные — а именно, старейшина и два члена, выбираемых из общины.

Сарепта поддерживает тесные отношения с немецкими колониями Саратовской губернии, и в случаях серьезного характера по просьбе собирается главный комитет этих колоний. Город аккуратно расположен и прекрасно снабжается чистой водой. Церковь⁷³, школа⁷⁴ и несколько наиболее важных зданий из камня, а остальные из дерева. Аллеи деревьев тянутся вдоль улиц; и здесь, под их благодатной тенью, мы можем представить себе патриархов общины, сидящих тут после обеда, наслаждающихся табаком, выращенным ими самими, пьющих пиво, ими же сваренное, и смотрящих на членов счастливого маленького сообщества как на детей ими самими выращенных.

Если бы я узнал до того, когда слишком поздно было менять наши планы и добиваться другой подорожной, что, чтобы увидеть сцены, подобные этим, нужно сделать крюк в несколько миль, я бы, не колеблясь, повернул в сторону и увидел бы восхитительный феномен общества процветающего, преуспевающего и счастливого, существующего в стране и при правительстве, которое я считал неспособными заложить основы, способствующие подобному благоденствию. <...>

Calauuck Tartars

⁷³ Церковь в Сарепте, построенная в 1771 г., была рассчитана на 800 мест.

⁷⁴ В Сарепте существовали училища для мальчиков (1772) и девочек (1773).

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АВЕС	Археология Восточно-Европейской степи
АГОИАМЭ	Астраханский государственный объединенный историко-архитектурный музей-заповедник
АГПИ	Астраханский государственный пединститут
АМГ	Акты Московского государства, изданные Академией наук
БСЭ	Большая советская энциклопедия
ВДИ	Вестник древней истории
ВИ	Вопросы истории
ВОКМ	Волгоградский областной краеведческий музей
ВолГУ	Волгоградский государственный университет
ВорГПУ	Воронежский государственный педагогический институт
ГАО	Государственный архив Астраханской области
ГАВО	Государственный архив Волгоградской области
ГАНИСО	Государственный архив новейшей истории Саратовской области
ГАПО	Государственный архив Пензенской области
ГАСамО	Государственный архив Самарской области
ГАРФ	Государственный архив Российской Федерации
ГАСО	Государственный архив Саратовской области
ГАУО	Государственный архив Ульяновской области
ГУК НПЦ по ИКН	Государственное управление культуры «Научно-производственный центр по историко-культурному наследию»
ДВДС	Древности Волго-Донских степей
ДР	Дворцовые разряды по высочайшему повелению изданные II отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии
ДЭТС	детская экскурсионно-туристская станция
ЖМНП	Журнал Министерства народного просвещения
ИА РАН	Институт археологии Российской академии наук
ИЗ	Исторические записки
ИИМК АН СССР	Институт истории материальной культуры Академии наук СССР
ИКЭ	Историко-краеведческие записки
КалмГУ	Калмыцкий государственный университет
КАРОС	Калмыцко-Астраханская рисовая оросительная система
КВЧ	канал Волга – Чограй
КГУ	Куйбышевский госуниверситет
КР	Книги разрядные по официальным оных спискам

КСИА	Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛОИИМК	Ленинградского отделения Института истории материальной культуры
АН СССР	АН СССР
МИА СССР	Материалы и исследования по археологии СССР
НАВ	Нижеволжский археологический вестник
НА СОМК	научный отдел СОМК
НА ВОМК	научный архив ВОМК
НА РГО	научный архив Русского географического общества
НИС ВГПИ	научно-исследовательская структура Волгоградского госпединститута
ОР РНБ	Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
ПАЭ	Поволжская археологическая экспедиция
ПЭС	Полное собрание законов
ПСРА	Полное собрание русских летописей
РА	Российская археология
РБС	Русский биографический словарь
РГАДА	Российский государственный архив древних актов
РГАИ	Российский государственный исторический архив
РГАЛИ	Российский государственный архив литературы и искусства
РГАСПИ	Российский государственный архив социально-политической истории
РГВИА	Российский государственный военно-исторический архив
РГБ ОР	Российская государственная библиотека отдел рукописей
СА	Советская археология
СГД	Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии Иностранных дел
СОМК	Саратовский областной музей краеведения
СУАК	Саратовская ученая архивная комиссия
ЦДН ИВО	Центр документации новейшей истории Волгоградской области
ЭКМ	Энгельсский краеведческий музей

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аветикян Арутюн Саркисович — кандидат исторических наук, преподаватель Института бизнеса и делового администрирования, г. Саратов.

Бородич Виктория Валентиновна — лейтенант внутренней службы ГУФСИН России по Саратовской области.

Бульчев Михаил Владимирович — кандидат исторических наук, доцент Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского.

Гуменюк Алексей Анатольевич — кандидат исторических наук, доцент Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского.

Гусакова Зоя Емельяновна — историк-краевед, заслуженный работник культуры Российской Федерации.

Каргин Юрий Юрьевич — аспирант кафедры историографии и региональной истории Института истории и международных отношений СГУ.

Козурман Сергей Олегович — аспирант кафедры историографии и региональной истории Института истории и международных отношений СГУ.

Коновалов Иван Николаевич — доктор исторических наук, профессор Саратовской государственной академии права им. П. А. Столыпина.

Матвеев Михаил Николаевич — доктор исторических наук Самарского государственного университета.

Морозова Елена Николаевна — доктор исторических наук, профессор Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского.

Назаров Владлен Викторович — кандидат исторических наук, доцент Балашовского филиала СГУ.

Рабинович Яков Николаевич — ассистент кафедры истории России Института истории и международных отношений СГУ.

Смирнов Юрий Николаевич — доктор исторических наук, профессор Самарского государственного университета.

Тотфалушин Виктор Петрович — кандидат исторических наук, доцент Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского.

Чолахян Вачаган Альбертович — доктор исторических наук, профессор Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского.

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ

- Каргин Ю. Ю.* Роль академических центров в археологическом изучении
Нижнего Поволжья (1945–1991 годы) 3

ИСТОРИЯ

- Рабинович Я. Н.* Саратовский воевода Григорий Никитич Орлов:
страницы биографии 23
- Аветикян А. С.* Армянская церковь и религиозные традиции
астраханских армян в XVIII–XIX веках 36
- Смирнов Ю. Н.* Складывание группы самаро-саратовских башкир
и ее территории в Степном Заволжье (конец XVIII –
середина XIX века) 43
- Булычев М. В.* Торговля Нижнего Поволжья в первой половине XIX века ... 50
- Назаров В. В.* На земской службе (саратовский период деятельности
выдающегося врача-психиатра С. И. Штейнберга) 70
- Гусакова Э. Е.* К истории отопления в Саратове 76
- Морозова Е. Н.* Экономические мероприятия Саратовского земства
(1890–1917) 94
- Коновалов И. Н.* Крестьянская кредитная кооперация Поволжья
в начале XX века 110
- Чолахян В. А.* Роль Советского государства в индустриальном развитии
Нижнего Поволжья в 1920–1930-е годы 119
- Козурман С. О.* Проблемы трудоустройства эвакуированного населения
в Саратовской области в период 1941–1942 годов 131

<i>Бородич В. В.</i> Развитие материальной базы музыкальных учебных заведений РСФСР в 1946–1953 годах (по данным Нижнего Поволжья)	139
<i>Гуменюк А. А.</i> Развитие сферы обслуживания в СССР в 1953–1985 годы (по материалам Поволжья)	152
<i>Матвеев М. Н.</i> Институт наказов избирателей в системе Советов народных депутатов Поволжья в период действия Конституции 1977 года	166

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

<i>Олифант Л.</i> Русские берега Черного моря осенью 1852 года. Вступительная статья и комментарии В. П. Тотфалушина, перевод с английского К. В. Тотфалушиной	173
Принятые сокращения	194
Сведения об авторах	196

Научное издание

ПОВОЛЖСКИЙ КРАЙ

Межвузовский сборник научных трудов

Основан в 1972 году

ВЫПУСК 13

Ответственный за выпуск В. Н. Данилов

Редактор Е. А. Митенева

Технический редактор Л. В. Агальцова

Корректор Е. Б. Крылова

Оригинал-макет подготовила Л. Л. Поворознок

Подписано в печать 02.06.2010. Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.

Гарнитура Академия. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,86 (12,5).

Уч.-изд. л. 10,37. Тираж 100.

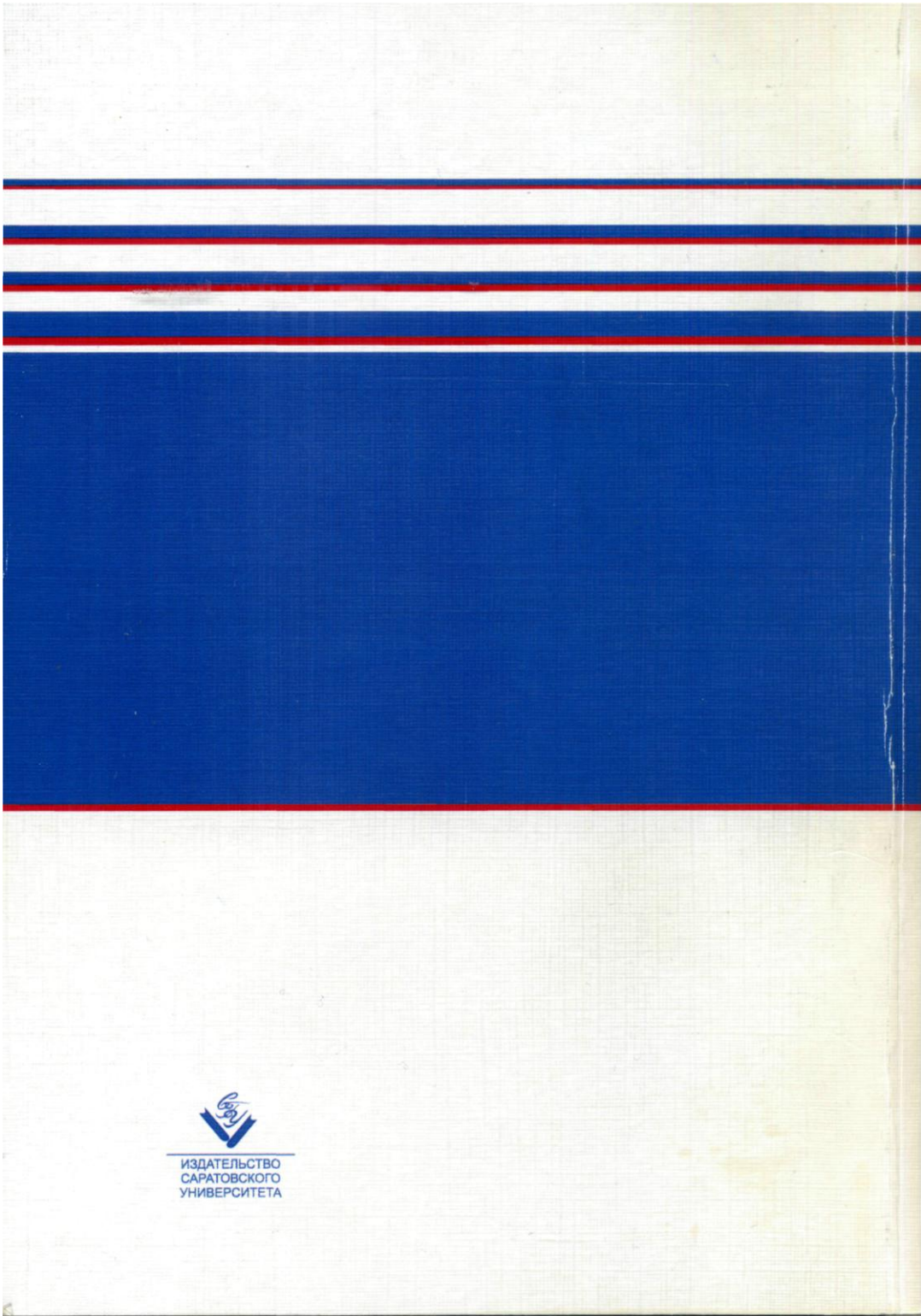
Издательство Саратовского университета.

410012, Саратов, Астраханская, 83.

Отпечатано в типографии Саратовского университета.

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А, VIII корп. СГУ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
САРАТОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА